ВСЕГДА ОСТАВАЙСЯ САМИМ СОБОЙ

Роберт Хайнлайн

ДВЕРИ ИНЫХ МИРОВ

АЗБУКА

Двери иных миров
Роберт Энсон Хайнлайн

Аннотация
Роберт Хайнлайн. Двери иных миров
Неприятная профессия Джонатана Хога
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
Наш прекрасный город
Человек, который торговал слонами
Все вы, зомби?
Они
В скрюченном домишке
По собственным следам
Оркестр молчал, и флаги не взлетали...

Аннотация

Давно понятно, что автор культовой книги «Чужак в стране чужой», настольной у поколения «детей цветов» и ставшей символом всей нарождающейся контркультуры, знаменитого романа «Дверь в Лето», прочно занявшего место в большой литературе рядом с «Вином из одуванчиков» Рэя Брэдбери и «Цветами для Элджернона» Дэниела Киза, ушел в своем творчестве за тесные рамки жанра и стал писателем общечеловеческого масштаба.

В данном сборнике Роберт Хайнлайн играет на территории знаменитого фантазера Рэя Брэдбери – играет и выигрывает! Тут вы найдете самые разные и самые необычные истории. Это полудетектив-полуфантазия «Неприятная профессия Джонатана Хога» – повесть об иллюзорности мира, который нас окружает. Рассказ «Наш прекрасный город» повествует о дружбе человека и странного существа, живущего на городских улицах.

В книге есть рассказы о потерянной и возвращенной любви («Человек, который

торговал слонами») и о доме, каждая дверь в котором ведет в непривычные для тебя места («В скрюченном домишке»). И о том, как вернуть себя, распавшегося на множество двойников («Все вы, зомби?..»). А еще о том… Впрочем, откройте книгу и всё узнаете сами.

Роберт Хайнлайн
Двери иных миров

Robert A. Heinlein
THE UNPLEASANT PROFESSION OF JONATHAN HOAG
Copyright © 1942 by Robert A. Heinlein
OUR FAIR CITY
Copyright © 1949 by Robert A. Heinlein
THE MAN WHO TRAVELED IN ELEPHANTS
Copyright © 1957 by Robert A. Heinlein
“ALL YOU ZOMBIES…”
Copyright © 1959 by Robert A. Heinlein
THEY
Copyright © 1941 by Robert A. Heinlein
“…AND HE BUILT A CROOKED HOUSE”
Copyright © 1941 by Robert A. Heinlein
BY HIS BOOTSTRAPS
Copyright © 1941 by Robert A. Heinlein
NO BANDS PLAYING, NO FLAGS FLYING
Copyright © 1973 by Robert A. Heinlein
All rights reserved

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

Серия «Азбука-бестселлер»

Перевод с английского Михаила Пчелинцева, Ирины Зивьевой, Павла Вязникова, Андрея Новикова, Владимира Гольдича, Ирины Оганесовой, Геннадия Корчагина, Сергея Трофимова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки и иллюстрация на обложке Сергея Шикина

© М. А. Пчелинцев (наследники), перевод, 1994

© И. А. Зивьева, перевод, 1994

© П. А. Вязников, перевод, 2003

© А. В. Новиков, перевод, 1994

© В. А. Гольдич, И. А. Оганесова, перевод, 2003, 2006

© Г. Л. Корчагин, перевод, 2020

© С. П. Трофимов, перевод, 1994

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Неприятная профессия Джонатана Хога

…Бесстрашно отгоните
Надежд самообман,[1]
С достоинством примите
Тот жребий, что нам дан:
Отжив, смежим мы веки,
Чтоб не восстать вовеки,
Все, как ни вьются, реки
Вольются в океан.

А. Ч. Суинберн

[1] Примечания: 1

…Бесстрашно отгоните // Надежд самообман… — Цитата из стихотворения английского поэта Алджернона Чарльза Суинберна (1837–1909) «Сад Прозерпины» (перев. М. Донского).

1

— Это что, кровь?

Джонатан Хог нервно облизнул пересохшие губы и подался вперед, пытаясь прочитать, что написано на лежащем перед врачом листке бумаги.

Доктор Потбери пододвинул бумажку к себе и взглянул на Хога поверх очков.

— А почему вы, собственно, думаете, что у вас под ногтями кровь? Есть какая-нибудь причина?

— Нет. То есть… Ну, в общем, нет. Но ведь это все-таки кровь?

— Нет, — с каким-то нажимом сказал Потбери. — Нет, это не кровь.

Хог знал, что должен почувствовать облегчение. Но облегчения не было. Было внезапное осознание: все это время он судорожно цеплялся за страшную догадку, считая коричневатую грязь под своими ногтями засохшей кровью, с единственной целью — не думать о чем-то другом, еще более невыносимом.

Хога слегка затошнило. Но все равно он обязан узнать…

— А что это, доктор? Скажите мне.

Потбери медленно смерил его взглядом.

— Вы пришли ко мне с вполне конкретным вопросом. Я на него ответил. Вы не спрашивали меня, что это за субстанция, вы просили определить, кровь это или нет. Это не кровь.

— Но… Вы издеваетесь надо мной. Покажите мне анализ.

Приподнявшись со стула, Хог протянул руку к лежащей перед врачом бумаге.

Потбери взял листок, аккуратно разорвал его пополам, сложил половинки и снова разорвал их. И снова.

— Да какого черта!

— Поищите себе другого врача, — сказал Потбери. — О гонораре можете не беспокоиться. Убирайтесь. И чтобы ноги вашей здесь больше не было.

Оказавшись на улице, Хог направился к станции надземки. Грубость врача буквально потрясла его. Грубость пугала его — точно так же, как некоторых пугают змеи, высота или тесные помещения. Дурные манеры, даже не направленные на него лично, а только проявленные при нем, вызывали у Хога тошноту, чувство беспомощности и крайний стыд.

А уж если мишенью грубости становился он

сам, единственным спасением было бегство.

Поставив ногу на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей к эстакаде, он замялся. Даже при самых лучших обстоятельствах поездка в надземке была суровым испытанием: толчея, давка, жуткая грязь и каждую секунду — шанс нарваться на чью-либо грубость, сейчас ему этого просто не выдержать. Хог подозревал, что, услышав, как вагоны визжат на повороте, он завизжит и сам.

Он развернулся и тут же был вынужден остановиться, оказавшись нос к носу с каким-то человеком, направлявшимся к лестнице.

— Поосторожней, приятель, — сказал человек, проходя мимо отпрыгнувшего в сторону Хога.

— Извините, — пробормотал Хог, но человек был уже далеко.

Фраза, произнесенная прохожим, звучала резковато, но отнюдь не грубо, так что случай не должен был обеспокоить Хога, однако обеспокоил. Его вывели из равновесия одежда, лицо, даже сам запах этого человека. Хог прекрасно понимал, что поношенный комбинезон и кожаная куртка — совсем не повод для упрека, равно как и слегка запачканное лицо с полосами засохшего трудового пота. Козырек фуражки встречного украшала овальная кокарда с номе-

ром и какими-то буквами. Хог решил, что этот человек — водитель грузовика, или механик, или монтажник — словом, представитель одной из тех квалифицированных профессий, благодаря которым бесперебойно крутятся колесики и шестеренки нашей цивилизации. Скорее всего, добропорядочный семьянин, любящий отец и хороший кормилец, а самые большие его отклонения от добродетели — лишняя кружка пива да склонность поднимать на пятицентовик, имея на руках две пары[2].

А то, что Хог позволяет себе брезгливо относиться к такой внешности и предпочитает белую рубашку, приличное пальто и перчатки, — это просто каприз, другого слова и не подберешь. И все же, исходи от этого человека запах лосьона для бритья, а не пота, случайная встреча не оставила бы такого неприятного впечатления.

Все это Хог сказал себе, а заодно назвал себя глупым и слабонервным. И все же — неужели такое грубое, зверское лицо может быть маской, за которой скрываются теплота и чувствительность? С этой-то бесформенной картошкой вместо носа, с этими свинячьими глазками?

---

[2] Примечания: 2

Имеется в виду игра в покер, где две пары — довольно удачная комбинация, хотя и не высокая, на которой можно хорошо поднять ставку.

Ладно, все это ерунда, он поедет домой на такси и не будет ни на кого смотреть. Вот как раз и стоянка — чуть впереди, перед деликатесной лавкой.

— Куда едем?

Дверца такси была распахнута, в голосе шофера звучала безликая, безразличная настойчивость.

Хог поймал его взгляд, чуть поколебался и передумал. Опять это скотство — глаза, лишенные глубины, кожа, обезображенная черными головками угрей и крупными порами.

— Мм… извините, пожалуйста. Я кое-что забыл.

Хог отвернулся от машины и тут же снова был вынужден резко остановиться — кто-то вцепился ему в талию, как оказалось — маленький мальчик на роликовых коньках. Восстановив равновесие, Хог придал своему лицу выражение отеческой доброты, которое использовал при общении с детьми.

— Ну, ну, малыш.

Взяв мальчика за плечо, он осторожно отодрал его от себя.

— Морис!

Голос прозвучал над самым ухом, визгливый и бессмысленный. Кричала женщина, высокая и

пухлая, только что появившаяся в дверях деликатесной лавки. Схватив мальчика за другое плечо, она рванула его в сторону, одновременно замахиваясь свободной рукой — с очевидной целью врезать ему по уху. Хог начал было защищать мальчика, но осекся, увидев, с каким выражением смотрит на него женщина. Почувствовав настроение матери, мальчишка пнул Хога ногой.

Стальные ролики ободрали голень. Было очень больно. Хог пошел прочь, куда попало, лишь бы уйти. Слегка прихрамывая из-за пострадавшей ноги, он свернул в первый же переулок, уши и затылок Хога горели от стыда, словно он вправду обидел этого щенка, на чем и был постыдно пойман. Переулок оказался не лучше улицы. Его не окаймляли витрины магазинов, над ним не висел стальной желоб надземки, зато здесь сплошной стеной стояли жилые дома, четырехэтажные, перенаселенные чуть ли не как ночлежки.

Поэты воспевают прекрасное и невинное детство. Только вряд ли их восторги относятся к обитателям такого вот переулка, да еще увиденным глазами Хога. Мальчишки напоминали ему крысят — злобные, пустые, не по годам ушлые. Девчонки — ничем не лучше. У восьми-девятилетних, неоформившихся и костлявых, все ясно

написано на сморщенных личиках — сплетницы, мелкие злобные душонки, рожденные для каверз и глупой болтовни. Их чуть более старшие сестрички, едва вышедшие из детского возраста, но уже насквозь пропитанные трущобным духом, заняты, похоже, единственной мыслью — как бы произвести впечатление своими столь недавно обретенными женскими прелестями; объектом этих стараний являлся, естественно, не Хог, а прыщавые юнцы, околачивавшиеся вокруг драгстора.

Даже младенцы в колясках… Хог любил разыгрывать роль доброго дядюшки, считая, что ему нравятся маленькие дети. Только не эти. Обмотанные соплями, вонючие, жалкие, непрерывно визжащие…

Маленькая гостиница напоминала тысячи ей подобных, явно третьеразрядная и без малейших претензий на что-либо большее. Неоновая вывеска «Отель Манчестер», а ниже — помельче: «Комнаты для постоянных и временных жильцов». Вестибюль шириной всего в половину здания, длинный, узкий и плохо освещенный. Такое заведение не замечаешь, если только не ищешь его специально. В таких местах останавливаются коммивояжеры, вынужденные

экономить командировочные, а постоянно живут холостяки, которым не по карману что-либо лучшее. Единственный лифт представлял собой клетку из железных прутьев, кое-как заляпанную бронзовой краской. Пол вестибюля кафельный, по углам — латунные плевательницы. Конторка портье, две чахлые пальмы в бочках и восемь кожаных кресел. Одинокие, ничейные старики, у которых, кажется, даже и прошлого никогда не было, сидят в этих креслах, живут в номерах где-то наверху. В этих номерах их и находят время от времени — качающимися на люстре, в петле из собственного галстука.

Хог не собирался заходить в «Манчестер», просто по тротуару неслась стайка детей, и ему пришлось попятиться, чтобы не быть сбитым с ног. Видимо, какая-то игра, до ушей донесся конец пронзительно выкрикиваемой считалки: «…летела мина из Берлина, по-немецки говорила, пендель в жопу, в глаз кулак, кто последний, тот дурак».

— Вы кого-нибудь ищете, сэр? Или желаете снять комнату?

Хог удивленно повернулся. Комната? Больше всего хотелось оказаться в собственной, такой уютной квартире, но в данный момент комната,

любая комната, лишь бы в ней можно было запереться, отгородиться дверью от внешнего мира, тоже казалась чуть не пределом мечтаний.

— Да, мне нужна комната.

Развернув регистрационную книгу, портье пододвинул ее к Хогу.

— С ванной или без? С ванной — пять пятьдесят, без — три с полтиной.

— С ванной.

Портье смотрел, как Хог расписывается в книге и отсчитывает деньги, но потянулся за ключом, только получив пять долларов пятьдесят центов.

— Рады иметь вас своим гостем. Билл! Проводи мистера Хога в четыреста двенадцатый.

Единственный рассыльный, скучавший в вестибюле, проводил Хога в ту самую золоченую клетку и искоса окинул взглядом с головы до ног, не упустив из внимания дорогой плащ и полное отсутствие вещей. В номере он чуть-чуть приоткрыл окно, включил в ванной свет и в ожидании замер у двери.

— Может, ищете кого-нибудь? — поинтересовался он. — Помощь нужна?

Хог сунул ему чаевые.

— Уматывай, — неожиданно грубо сказал он.

Похабная ухмылка исчезла с лица рассыль-

ного.

— Как знаете, — пожал он плечами.

В комнате находилась двуспальная кровать, комод с зеркалом, стул и кресло. Над кроватью висела окантованная гравюра, изображавшая, если верить надписи, «Колизей в лунном свете». Но дверь запиралась не только на замок, но и на засов, а окно выходило не на улицу, а в узкий проулок. Хог опустился в кресло. Продавленное сиденье сейчас его не волновало.

Он снял перчатки и посмотрел на свои ногти. Абсолютно чистые. А может, все это просто галлюцинация? Может, он и не ходил к доктору Потбери? Если у человека однажды была потеря памяти, это может в любой момент повториться, да и галлюцинации — тоже.

Верно, но не могло же все это ему просто примерещиться, слишком уж ярки воспоминания. Или могло? Он начал перебирать события в памяти.

Сегодня среда, у него был выходной, как и всегда по средам. Вчера он вернулся с работы обычным путем и в обычное время. Он начал одеваться к ужину — несколько рассеянно, так как одновременно решал, куда пойти. Попробовать этот новый итальянский ресторанчик, который так расхваливает чета Робертсонов? А может,

надежнее будет положиться на неизменно аппетитный гуляш, приготовленный шеф-поваром «Будапешта»?

Решение остановиться на последнем, более безопасном варианте было уже почти принято, когда зазвонил телефон. Хог чуть не прозевал этот звонок из-за воды, шумевшей в раковине.

Услышав что-то вроде звонка, он закрыл кран. Ну так и есть — телефон.

Звонила миссис Померой-Джеймсон, одна из тех немногих, в гости к кому он любил ходить, очаровательная женщина, а заодно еще и обладательница повара, который умеет готовить прозрачные супы, не напоминающие по вкусу воду, оставшуюся после мытья посуды. И соусы. Так что проблема решилась сама собой.

— Меня неожиданно подвели в самый последний момент, и мне просто необходим еще один мужчина за столом. Вы свободны? И вы согласитесь мне помочь? Согласны? Мистер Хог, вы просто душка.

Хог очень обрадовался, нимало не обижаясь, что его позвали в последнюю секунду вместо кого-то другого, — нельзя же, в конце концов, ожидать, что тебя будут приглашать на каждый маленький ужин. Он был в восторге от возможно-

сти оказать услугу Эдит Померой. Она подавала к рыбе незамысловатое, но вполне пристойное белое вино и никогда не опускалась до распространенного сейчас вульгарного обычая подавать шампанское когда попало. Прекрасная хозяйка, и Хогу льстило, что она так легко обратилась за помощью именно к нему. Значит, она чувствовала, что, даже не запланированный заранее, он хорошо впишется в компанию гостей.

Вот с такими мыслями в голове, вспоминал Хог, он и одевался. Наверное, за всеми этими волнениями, да еще с телефонным звонком, прервавшим привычные процедуры, он и забыл почистить ногти.

Да, так оно, скорее всего, и произошло. Уж конечно, ему негде было испачкать ногти — да еще таким жутким образом — по пути к Помероям, к тому же он был в перчатках.

И кто бы там увидел эти ногти, он бы и сам ничего не заметил, если бы не золовка миссис Померой — женщина, которой Хог всегда старался по возможности избегать. С не допускающей сомнения уверенностью, считающейся почему-то современной, она провозгласила, что род занятий человека оставляет на нем безошибочные следы.

— Возьмите, например, моего мужа — ну кем

он может быть, как не адвокатом? Или вы, доктор Фиттс, всегда словно у постели больного.

— Надеюсь, не тогда, когда я на званом ужине?

— Но полностью от этого вам никогда не избавиться.

— Пока что вы ничего нам не доказали. Вы же знаете, кто мы такие.

После чего эта до крайности неприятная женщина окинула взглядом сидящих за столом и уставилась в конце концов на Хога.

— Пусть меня проверит мистер Хог. Я не знаю, чем он занимается. Никто не знает.

— Ну что ты придумываешь, Джулия.

Увидев, что уговоры бесполезны, миссис Померой повернулась к своему соседу слева.

— В этом году Джулия занялась психологией, — улыбнулась она.

Левый ее сосед, Садкинс, или Снаггинс, или нет, Стаббинс, так вот, этот Стаббинс спросил:

— А каков род занятий мистера Хога?

— Это маленькая тайна. Он никогда не разговаривает в обществе о работе.

— Да нет, — вмешался Хог. — Я просто не считаю…

— Только не говорите, — остановила его эта женщина. — Я сейчас определю сама. Какое-то

из профессиональных занятий. Я так и вижу вас с портфелем.

Он и не собирался ничего ей говорить. Некоторые предметы годятся для обсуждения за столом, некоторые — нет. Но она продолжала:

— Возможно, вы занимаетесь финансами. А может, торгуете картинами или книгами. Похожи вы и на писателя. Покажите мне ваши руки.

Несколько обескураженный такой просьбой, Хог положил, однако, руки на стол без малейших опасений.

Женщина прямо бросилась на него.

— Ну вот, все ясно. Вы химик.

Все повернули головы. И все увидели темные каемки под его ногтями. Наступившую на мгновение тишину нарушил ее муж:

— Что за ерунда, Джулия. Ногти можно испачкать десятками различных способов. Возможно, Хог балуется фотографией или гравирует по металлу. Твоя догадка не пройдет без доказательств ни в одном суде.

— Вот, полюбуйтесь, как рассуждают адвокаты! А я уверена, что не ошибаюсь. Ведь правда, мистер Хог?

Все это время он неотрывно смотрел на свои ногти. Появиться на званом ужине с грязными

ногтями — уже одного этого было достаточно для расстройства.

Но Хог к тому же не имел ни малейшего представления, где он мог испачкать ногти. На работе? Вероятно, да, но только чем он занимался на работе?

Он не знал.

— Так скажите, мистер Хог, я права?

С большим трудом отведя глаза от этих жутких каемок, Хог еле слышно пробормотал: «Прошу извинить меня» — и встал из-за стола. В ванной он, поборов беспричинное отвращение, вытащил перочинный нож и выскреб из-под ногтей липкую красновато-коричневую грязь. Непонятная субстанция пристала к лезвию, он вытер его бумажной салфеткой, чуть помедлил, сложил салфетку и сунул ее в жилетный карман. А затем взял щетку и несколько раз тщательно вымыл руки.

Хог не мог уже вспомнить, в какой именно момент появилась у него уверенность, что это вещество — кровь, человеческая кровь.

Он сумел найти котелок, плащ, перчатки и трость, не обращаясь за помощью к горничной, и, ни с кем не прощаясь, торопливо покинул дом гостеприимной хозяйки.

Обдумывая это происшествие сейчас, в тишине убогого гостиничного номера, Хог понял, что первый его страх был вызван инстинктивным отвращением при виде темно-красной грязи под ногтями. И лишь потом он осознал, что не понимает, где мог испачкать ногти, не понимает потому, что не помнит, где был сегодня. Или вчера. Или в любой из предыдущих дней. Он не знал, какая у него профессия.

Это было нелепо, чудовищно — и очень пугало.

Ужинать Хог не стал, чтобы не покидать жалкую, но зато спокойную комнатушку; около десяти часов он наполнил ванну довольно горячей — какая уж текла из крана — водой и лег в нее. Купание немного успокоило, судорожно мелькавшие мысли пришли хоть в какой-то порядок. «Во всяком случае, — утешал себя Хог, — если я не способен вспомнить род своих занятий, то, уж конечно, не смогу к ним вернуться. И значит, не рискую снова обнаружить у себя под ногтями эту мерзость».

Хог вылез из ванны, вытерся, лег и, несмотря на непривычную кровать, сумел в конце концов уснуть.

Проснулся он от какого-то страшного сна, хотя

не сразу это понял, настолько убогая безвкусица комнаты согласовывалась со сном. Когда он осознал, где и почему находится, даже кошмарный сон показался предпочтительнее реальности. Правда, вспомнить, что именно снилось, Хог уже не мог. На часах обычное время его утреннего подъема; позвонив коридорному, Хог заказал завтрак в номер.

К тому времени, как из расположенного за углом ресторанчика принесли завтрак, Хог уже оделся и был полон нетерпеливого желания отправиться домой. Выпив две чашки безвкусного кофе и поковыряв еду, Хог покинул гостиницу.

Войдя в свою квартиру, он повесил плащ и шляпу, снял перчатки и привычно направился в ванную. Здесь он тщательно вычистил ногти левой руки и как раз взялся за правую, когда сообразил, чем занимается.

Ногти левой его руки были белыми и чистыми, а правой — темными и грязными. Изо всех сил стараясь сдерживаться, Хог выпрямился, взял с туалетного столика свои часы, затем пошел в спальню и проверил их по висящим там электрическим часам. И те и другие показывали десять минут седьмого — обычное время, когда он возвращается домой вечером.

Возможно, он и забыл свою профессию, но вот она-то о нем не забыла.

2

Ночной телефон фирмы «Рэндалл и Крэг, конфиденциальные расследования» располагался не в конторе, а на квартире — это было удобнее, так как Рэндалл женился на Крэг еще на заре их делового сотрудничества. Младший партнер только что положила грязные после ужина тарелки в раковину и теперь пыталась принять решение: нужна ли ей «книга месяца», рекомендованная клубом, когда раздался телефонный звонок и пришлось брать трубку.

— Да? — спросила она не очень довольным голосом и добавила через несколько секунд: — Да.

Старший партнер приостановил свое занятие, а занятием этим было весьма сложное научное исследование, связанное с оружием, баллистикой и некоторыми крайне эзотерическими аспектами аэродинамики, — говоря конкретно, он отрабатывал бросок дартса из-под руки, причем мишенью служило прикрепленное к доске для резки хлеба цветное изображение самой модной сейчас в обществе девицы. Один дартс воткнулся красотке прямо в левый глаз, теперь шли попытки придать лицу симметрию.

— Да, — снова сказала Крэг, жена Рэндалла.

— А ты попробуй сказать «нет», — посоветовал ей муж.

— Заткнись и дай карандаш, — ответила она, прикрыв микрофон рукой, а затем перегнулась через столик и сняла с крюка висевший на стене блокнот.

— Да, говорите.

Получив от супруга карандаш, она изобразила на бумаге несколько крючков и загогулин, которыми пользуются стенографистки вместо нормальных человеческих букв.

— Не думаю, — сказала она после некоторой паузы. — В такое время мистера Рэндалла обычно нет. Он предпочитает принимать клиентов в нормальные рабочие часы. Мистер Крэг? Нет, мистер Крэг не сможет вам помочь. Да, уверена. Даже так? Подождите секунду, не вешайте трубку, я попробую узнать.

Рэндалл совершил еще одно покушение на очаровательную девушку. Дарт воткнулся в ножку радиолы.

— Так что там?

— Звонит какой-то тип, которому просто не терпится увидеться с тобой, и прямо сегодня. По фамилии Хог, Джонатан Хог. Заявляет, что

ему физически невозможно посетить тебя днем. Сперва не хотел говорить, что у него за дело, а когда попробовал — наплел нечто несусветное.

— Джентльмен или жлоб?

— Джентльмен.

— С деньгами?

— Похоже. Эта сторона его вроде не беспокоит. Возьми-ка ты это дело, Тедди. Пятнадцатое апреля на носу.

— Хорошо. Дай мне его.

Отмахнувшись от мужа, она снова заговорила в трубку:

— К счастью, я сумела все-таки найти мистера Рэндалла. Через несколько секунд он сможет с вами поговорить. Подождите, пожалуйста.

Прервав разговор, она аккуратно отсчитала по часам тридцать секунд, а затем сказала:

— Мистер Рэндалл на проводе. Говорите, мистер Хог. — И сунула трубку мужу.

— Говорит Эдвард Рэндалл. В чем у вас дело, мистер Хог?

Выслушав Хога, Рэндалл заключил:

— Мистер Хог, думаю, вам все-таки лучше зайти сюда утром. В конце концов, мы ведь тоже люди и должны когда-то отдыхать, во всяком случае, я должен… Хочу сразу предупредить вас, мистер

Хог, когда солнце опускается, цены у меня поднимаются… Ну, дайте немного подумать. Я как раз собирался идти домой. По правде говоря, я только что позвонил своей жене, и она ждет меня, а вы же знаете, что такое женщины. Но если бы вы согласились зайти ко мне домой минут через двадцать, то есть в… э-э… восемь семнадцать, мы могли бы поговорить. Хорошо. У вас есть под рукой карандаш? Пишите адрес…

Рэндалл положил трубку на рычаг.

— Ну и кем же буду я на этот раз? Женой, партнером или секретаршей?

— А ты сама как думаешь? Ведь это ты с ним говорила.

— Лучше, пожалуй, женой, а то голос у него малость чопорный.

— Женой так женой.

— И я переоденусь в платье. А ты, Мозговой Центр, убрал бы куда-нибудь эти свои цацки.

— Может, не стоит? Хороший штрих, такая, знаешь ли, небольшая невинная эксцентричность.

— Давай тогда выложим еще трубочный табак в ковровом шлепанце. Или сигареты «Режи»[3].

---

[3] Примечания: 3

Сигареты «Режи» — марка так называемых турецких сигарет, с конца XIX в. выпускавшихся французской монопольной компанией «Régie» из турецкого табака.

Она выключила верхний свет, а затем поставила стол и торшеры таким образом, чтобы кресло, в которое сядет посетитель, было хорошо освещено.

Не удостоив ответом гнусный выпад младшего партнера, старший партнер детективного агентства собрал дарты, взял хлебную доску, задержавшись на мгновение, чтобы послюнить палец и потереть им царапину на радиоле, закинул все это хозяйство на кухню и прикрыл дверь. В мягком, приглушенном свете комната, из которой больше не открывался вид на кухню, выглядела строго и почти богато.

— Добрый вечер, сэр. Дорогая, это мистер Хог. Мистер Хог… миссис Рэндалл.

— Добрый вечер, мадам.

Рэндалл помог гостю снять плащ, попутно удостоверившись, что тот не вооружен или, если вооружен, носит пистолет не под мышкой, не на бедре, а в каком-то более скрытном месте. Рэндалл не страдал болезненной подозрительностью, он просто был прагматичным пессимистом.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Хог. Сигарету?

— Нет, спасибо.

Рэндалл помолчал. Он сидел и разглядывал посетителя — не грубо, спокойно, но в то же время

внимательно. Костюм английский или от братьев Брукс. И уж во всяком случае, не дешевка от Харта, Шаффнера и Маркса. Галстук такого качества, что впору называть его краватом, и притом скромный что твоя монашенка. Да, тут можно содрать гонорар и побольше. Этот коротышка нервничает, никак не может сесть в кресле свободно. Возможно, его сковывает присутствие Синтии. Тем лучше, пусть немного дойдет на медленном огне, а потом отставим в сторону.

— Вы только не стесняйтесь миссис Рэндалл, — сказал он в конце концов. — Все, что можно доверить мне, можно доверить и ей.

— О… о да. Да, конечно. — Не поднимаясь с кресла, Хог поклонился всем корпусом, от талии. — Я счастлив, что в нашей беседе будет участвовать миссис Рэндалл.

На этом он замолчал, не собираясь вроде говорить о своих проблемах.

— Ну так что, мистер Хог, — сказал наконец Рэндалл, утомившись игрой в молчанку, — вы, кажется, хотели о чем-то со мной посоветоваться, я верно вас понял?

— Н-ну, да.

— Тогда, возможно, вы расскажете мне, что у вас за дело?

— Да, конечно. Это… То есть… Понимаете, мистер Рэндалл, вся эта история просто нелепа.

— Так обычно и бывает. Но вы продолжайте. Неприятности с женщиной? Или кто-нибудь вас шантажирует?

— Нет, нет! Ровно ничего похожего, все гораздо сложнее. Но я боюсь.

— Чего?

— Не знаю, — быстро ответил Хог и добавил, судорожно переведя дыхание: — Мне нужно, чтобы вы это узнали.

— Подождите немного, мистер Хог, — недоуменно остановил его Рэндалл. — Я что-то ничего не понимаю. Вы говорите, что боитесь чего-то, и хотите, чтобы я выяснил, чего именно вы боитесь. Но ведь я не психоаналитик. Я детектив. Чем конкретно может помочь вам в вашем деле детектив?

Хог молчал, вид у него был совершенно несчастный.

— Я хочу, чтобы вы узнали, чем я занимаюсь днем, — выпалил он наконец.

Рэндалл снова внимательно оглядел своего клиента.

— Так, значит, вы хотите, чтобы я узнал, чем вы занимаетесь днем?

— Да. Да, именно так.

— Мм. А не проще ли будет, если вы сами расскажете мне это?

— Я не могу этого рассказать.

— Почему?

— Потому, что не знаю.

Рэндалла начало охватывать раздражение.

— Мистер Хог, — сказал он. — За игру в загадки я обычно беру по двойному тарифу. Если я сейчас не услышу, чем вы занимаетесь днем, это будет вполне определенно указывать на недостаток у вас ко мне доверия, а в таком случае мне будет крайне затруднительно оказать вам какую бы то ни было помощь. Давайте начистоту. Чем вы занимаетесь днем и как это связано с вашим делом? И вообще, в чем состоит ваше дело?

Мистер Хог встал.

— Я так и знал, что не смогу ничего объяснить, — сказал он убитым голосом, скорее самому себе, чем Рэндаллу. — Извините, пожалуйста, что я вас побеспокоил. Я…

— Подождите, мистер Хог, — впервые вмешалась Синтия Крэг-Рэндалл. — Мне кажется, вы двое просто не понимаете друг друга. Ведь вы имеете в виду, если я верно понимаю, что самым буквальным образом не знаете, чем именно за-

нимаетесь в дневное время?

— Да, — благодарно повернулся к ней Хог. — Да, именно так.

— И вы хотите, чтобы мы это узнали? Проследили за вами, выяснили, куда вы ходите, а потом рассказали вам, что вы там делали?

— Да, — энергично кивнул головой Хог. — Именно это я и пытался сказать.

Рэндалл перевел взгляд с Хога на жену, а затем опять на Хога.

— Давайте сформулируем все поточнее, — медленно сказал он. — Значит, вы действительно не знаете, чем занимаетесь в дневное время, и хотите, чтобы я это узнал. Сколько времени продолжается такая ситуация?

— Я… я не знаю.

— Хорошо, ну а что же вы знаете?

С некоторыми понуканиями Хог сумел все-таки рассказать свою историю. Из своего прошлого он помнил только последние пять лет, начиная с Дубьюка, с санатория Святого Георгия. Необратимая амнезия — но эта болезнь больше его не беспокоила, он считал себя полностью вылечившимся. При выписке они, то есть администрация санатория, подыскали ему работу.

— Какую работу?

Этого Хог не знал. По всей видимости, это была та же самая должность, которую он занимал и сейчас, теперешняя его работа. Выписывая Хога из санатория, врачи настоятельно рекомендовали ему никогда не беспокоиться о служебных делах, никогда не брать работу на дом — не только в буквальном смысле слова, но даже в мыслях.

— Видите ли, — объяснил Хог, — они исходят из теории, что амнезия вызывается беспокойством и переутомлением. Доктор Рено подчеркивал — мне это очень хорошо запомнилось, — что я не должен в свободное время говорить о работе, не должен о ней даже думать. Возвращаясь вечером домой, я должен забывать о делах и думать о более приятных материях. Именно так я и старался поступать.

— Хм. И похоже, добились успеха, такого успеха, что даже с трудом верится. Послушайте, а не пользовались ли они при лечении гипнозом?

— Не знаю, просто не знаю.

— Наверное, пользовались. А как думаешь ты, Син? Ведь все согласуется.

— Да, согласуется, — кивнула Синтия. — Постгипнотическое внушение. Пять лет такой жизни — и он просто не может после работы думать о ней, не может, как бы ни старался. Только стран-

ная какая-то это терапия.

Рэндалл был вполне удовлетворен. Психология — это по ее части. Строит ли Синтия свои заключения на основе науки (формальная подготовка у нее вполне приличная) или берет готовыми откуда-то из подсознания — этого он не знал, да, собственно, и знать не хотел. Главное — она всегда права.

— Но у меня есть еще один вопрос, — добавил он. — Целых пять лет вы живете себе, не имея представления, где ваша работа и что вы там делаете. Отчего же вдруг такой интерес и озабоченность?

Хогу пришлось рассказать про разговор за столом, странное вещество под ногтями и про непонятное поведение врача.

— И я боюсь, — закончил он несчастным голосом. — Сперва я думал, это кровь. А теперь я знаю, что это нечто худшее.

— Почему? — недоуменно поглядел на него Рэндалл.

Хог нервно облизал губы.

— Потому, что…

Он беспомощно смолк.

— Но ведь вы поможете мне?

Рэндалл встал.

— Это не по моей части, — сказал он. — Совершенно ясно, что вам действительно нужна помощь, но помощь психиатра, а не детектива. В амнезии я ничего не понимаю.

— Но я хочу именно детектива. Я хочу, чтобы вы проследили за мной и выяснили, чем я занимаюсь.

Рэндалл открыл было рот, чтобы отказаться, но его остановила Синтия.

— Мы сумеем помочь вам, мистер Хог, я в этом уверена. Пожалуй, вам и вправду стоит обратиться к психиатру…

— Нет, ни в коем случае.

— …Но если вы хотите, чтобы за вами проследили, это можно организовать.

— Не нравится мне это, — повернулся к жене Рэндалл. — Мы ему не нужны.

— Я оплачу ваши хлопоты.

Хог положил перчатки на столик, полез в карман пиджака и начал отсчитывать купюры.

— У меня тут только пять сотен, — озабоченно посмотрел он на Рэндалла. — Хватит этого?

— Сойдет, — ответила вместо мужа Синтия.

— В качестве задатка, — уточнил Рэндалл. Взяв деньги, он небрежно сунул их в карман. — А кстати, — добавил он, — если вы не знаете, чем

занимаетесь на работе и все ваше прошлое ограничивается больницей, откуда же у вас деньги?

Вопрос был задан без нажима, словно между прочим.

— О, мне платят каждое воскресенье. Двести долларов наличными.

Когда Хог ушел, Рэндалл отдал деньги жене.

— Какие красивые фантики, — сказала она, разгладив и аккуратно сложив купюры. — Тедди, а чего это ты прямо из кожи вон лез, чтобы испортить такую голевую ситуацию?

— Я хотел испортить? Да ничего подобного, я просто вздувал цену. Старая методика «видеть-тебя-не-могу-обними-меня-покрепче».

— Так я и думала. Только ты чуть не перестарался.

— Ни в коем разе. Я знал, что всегда могу положиться на тебя. Что уж ты-то не выпустишь клиента из дома, пока тот не выложит все до последнего цента.

Синтия весело улыбнулась:

— Хороший ты все-таки человек, Тедди. И у нас с тобой очень много общего. Мы оба любим деньги. Ну и на сколько ты поверил этой истории?

— Ни на грош.

— Вот и я тоже. Очень неприятный тип, плюга-

вый и какой-то жутковатый. Интересно, что это он такое задумал.

— Не знаю, но намерен выяснить.

— Ты что, собираешься сам за ним следить?

— А почему бы и нет? Зачем платить десятку в день какому-нибудь отставному полицейскому, который обязательно сделает все сикось-накось?

— Мне как-то все это не по душе, Тедди. С чего это он платит такую кучу денег, — Синтия махнула рукой в сторону аккуратно сложенных купюр, — за удовольствие поводить тебя за нос?

— Вот это я и узнаю.

— Только поосторожнее. Не забывай про «Союз рыжих».

— Союз… а, опять Шерлок Холмс. Пора бы тебе и повзрослеть, Син.

— А я взрослая. Чего и вам желаю. Этот коротышка вызывает у меня ужас.

Синтия вышла, чтобы спрятать деньги. Вернувшись в комнату, она обнаружила своего мужа рядом с креслом, в котором только что сидел Хог. Стоя на коленях, Рэндалл сосредоточенно работал распылителем. Он поднял на нее глаза.

— Син…

— Да, Мозговой Центр?

— Ты не трогала это кресло?

— Конечно нет. Я только протерла его ручки перед приходом этого типа — все как обычно.

— Я не про это, я про после его ухода. Ты не помнишь, он снимал перчатки?

— Подожди-ка секунду. Да. Я уверена, что снимал. Я помню, как посмотрела на его ногти, когда он нам про них вешал лапшу на уши.

— Вот и я тоже, просто хотелось проверить, не спятил ли я. Ты погляди на эту поверхность.

Синтия осмотрела полированные подлокотники кресла, покрытые сейчас тонким слоем серого порошка. Девственно-гладкая поверхность, ни одного отпечатка пальца.

— Наверное, он до них не дотрагивался… Да нет же, дотрагивался. Я сама это видела. Сказав «но я боюсь», он прямо вцепился в ручки. Я помню, как побелели костяшки его пальцев.

— Может, коллодий?

— Не говори глупостей. Тут же вообще ни пятнышка. Ты пожимал ему руку. Так что, был у него коллодий на ладонях?

— Не думаю. Я должен был бы заметить. Человек Без Отпечатков Пальцев. Давай будем считать его призраком и забудем о нем.

— Призраки не платят наличными за то, чтобы за ними пустили хвост.

— Нет, не платят. По крайней мере, я о таком не слыхал.

Поднявшись на ноги, Рэндалл направился к телефону и набрал номер междугородной связи.

— Мне нужна медицинская служба Дубьюка, э-э…

Прикрыв микрофон ладонью, он окликнул жену:

— Слушай, лапа, а в каком штате этот чертов Дубьюк?

По прошествии сорока пяти минут и нескольких телефонных разговоров трубка была с силой брошена на рычаг.

— Всё один к одному, — объявил Рэндалл. — В Дубьюке нет санатория Святого Георгия. Нет, не было и, скорее всего, никогда не будет. Ну и доктора Рено, естественно, тоже нет.

3

— Вон он!

Синтия Крэг-Рэндалл больно толкнула своего мужа локтем. Тот продолжал держать перед лицом «Трибюн», делая вид, что газета очень его заинтересовала.

— Сам вижу, — тихо ответил он. — Возьми себя в руки. Можно подумать, ты никогда раньше ни за кем не следила. Главное тут — не суетиться.

— Тедди, я прошу тебя, будь осторожен.

— Непременно.

Глядя поверх газеты, он проследил, как Джонатан Хог спускается по ступенькам. Квартира коротышки располагалась в Готем-билдинге, здании весьма фешенебельном. Выйдя из-под козырька парадного входа, загадочный клиент свернул налево. Было ровно без семи минут девять утра.

Рэндалл встал, аккуратно, не спеша, свернул газету, положил ее на скамейку автобусной остановки — своего наблюдательного пункта, а затем повернулся к расположенному рядом драгстору и опустил монетку в щель автомата, торгующего жевательной резинкой. Зеркало, укрепленное

на лицевой стороне автомата, давало ему прекрасный вид на Хога, неторопливо шествующего по противоположной стороне улицы. Столь же неторопливо Рэндалл двинулся следом, но по своей стороне.

Синтия продолжала сидеть на скамейке и только тогда, когда муж удалился на полквартала, встала и пошла за ним.

На следующем углу Хог вошел в автобус. Воспользовавшись задержкой автобуса у светофора, Рэндалл перебежал улицу на красный свет и успел к автобусу в тот самый момент, когда тот трогался с места. Хог поднялся на открытый второй этаж машины. Рэндалл уселся внизу.

Синтия подбежала слишком поздно, однако успела разглядеть номер автобуса. Остановив первое же свободное такси, она сказала этот номер водителю, и они пустились в погоню. Увидеть автобус удалось только через двенадцать кварталов, а еще через три квартала красный светофор позволил шоферу такси встать рядом с автобусом. Синтия рассмотрела внутри своего мужа, больше ей ничего и не надо было. Остаток поездки она посвятила тому, чтобы все время иметь в кулаке точную сумму по счетчику плюс четвертак чаевых.

Увидев, что Хог и Рэндалл выходят, она попросила шофера притормозить. Такси свернуло к бровке тротуара в нескольких ярдах от автобусной остановки. К несчастью, Хог шел как раз в ее направлении, и Синтия не смогла выйти сразу. Она отсчитала шоферу точную сумму, одновременно краем глаза — того глаза, который у хорошего сыщика расположен на затылке, — приглядывая за мужем и Хогом. Таксист стал посматривать на свою пассажирку с явным любопытством.

— А вы бегаете за бабами?

Неожиданный вопрос немного ошарашил его.

— Нет, мадам. Я человек семейный.

— А вот мой муж бегает, — бесстыдно соврала она полным горечи голосом. — Возьмите.

Тот самый четвертак перешел наконец в руки таксиста.

Теперь объекты ее внимания уже удалились на несколько ярдов. Выйдя из машины, Синтия пересекла тротуар, остановилась в ожидании перед витриной какого-то магазина. К своему крайнему удивлению, она увидела, как Хог обернулся и заговорил с Рэндаллом. Было далеко, и слов она не расслышала.

Синтия замялась в нерешительности — под-

ходить к ним или нет. Все шло не так, как намечалось, и это настораживало, но Рэндалл не выказывал никаких признаков озабоченности. Он спокойно выслушал Хога, после чего они вместе поднялись по ступенькам административного здания, перед которым и происходил их разговор.

Теперь Синтия двигалась быстро. Как и должно быть в такое время, вестибюль кишел людьми. Шесть расположенных в ряд лифтов работали безостановочно. Перед самым ее носом захлопнулись двери лифта номер два, а третий как раз начал заполняться. В третьем их не было, Синтия встала рядом с табачным киоском и быстро огляделась.

В вестибюле их не было. Не было их и, как она быстро в том убедилась, в парикмахерской, примыкавшей к вестибюлю. Скорее всего, они успели попасть во второй лифт. Синтия начала наблюдать за его указателем. Впрочем, толку от этого занятия было чуть: лифт останавливался почти на каждом этаже.

Когда второй лифт снова открыл двери, она вошла в него не первой, не последней, а в толпе. Этаж называть она не стала, а подождала, пока выйдет последний из пассажиров.

Лифтер недоуменно поднял брови.

— Этаж, пожалуйста.

Синтия продемонстрировала ему долларовую бумажку.

— Мне нужно с вами поговорить.

Лифтер закрыл двери, обеспечив предполагаемому разговору подобающую конфиденциальность.

— Только быстро, — сказал он, с тревогой глядя на истерически мигающие лампочки вызова.

— В последний раз к вам вошли двое мужчин, вместе.

Быстро и очень живо Синтия описала лифтеру своего мужа и Хога.

— Я хочу знать, на каком этаже они вышли.

— Не знаю, — покачал головой лифтер. — Сейчас ведь час пик, в таком сумасшедшем доме разве запомнишь.

Синтия добавила к первой бумажке вторую.

— Думайте. Скорее всего, они вошли последними. Возможно, им приходилось выходить на остановках, чтобы выпустить других. А этаж, вероятно, называл тот, который пониже.

Лифтер снова покачал головой.

— Ничего я не вспомню, даже за пятерку. При такой толкучке появись тут хоть леди Годива

вместе со своей кобылой[4], я и их не замечу. Ну так что, выйдете здесь или везти вас вниз?

— Вниз. — Синтия сунула ему одну из бумажек. — И на том спасибо.

Лифтер взглянул на доллар, пожал плечами и сунул его в карман.

Теперь оставалось только одно: занять позицию в вестибюле и ждать. Именно так и сделала кипящая негодованием Синтия. Это же надо, думала она, попалась как маленькая на самый старый из способов избавления от хвоста. Гордо именовать себя сыщицей и попасться на трюк с административным зданием! Их небось давно здесь нет, а Тедди ломает голову, куда могла подеваться его надежная напарница. Может быть, как раз сейчас ему нужна помощь.

Ей бы лучше вязанием заняться. Или вышивать крестиком. Вот же черт!

Синтия купила в табачном киоске бутылку пепси-колы и, все так же стоя, неторопливо ее

---

[4] Примечания: 4

Леди Годива — жена Леофрика, графа Мерсии, лорда Ковентри, который в 1040 г. якобы обложил жителей графства непосильным налогом. Леди Годива умоляла налог отменить, и супруг согласился — при условии, что его жена обнаженной проедет верхом на лошади через весь город. Женщина приняла вызов и выполнила условие — причем, как утверждает записанная в XIII в. Роджером Вендоверским легенда, горожане при ее приближении, лишь заслышав стук копыт, опускали взгляд.

выпила. Она как раз думала, сможет ли — из соображений маскировки — поглотить еще одну бутылку этой бурды, когда появился Рэндалл.

И только теперь, когда Синтию охватило огромное, всепоглощающее облегчение, она осознала, в каком страхе провела эти минуты. Однако выходить из роли она не стала и безразлично отвернулась, зная, что муж узнает ее по затылку не хуже, чем по лицу.

Он не подошел к ней и не заговорил, поэтому Синтия продолжала наблюдение. Хога нигде не было видно. Прозевала она его, что ли?

Выйдя из здания, Рэндалл дошел до угла, задумчиво посмотрел на стоянку такси, а затем вскочил в только что остановившийся автобус. Она вошла следом, но не сразу, а пропустив перед собой нескольких человек. Автобус тронулся. Хог на этой остановке не садился, и Синтия решила, что нет никакого риска в нарушении условленной процедуры.

Рэндалл поднял глаза на появившуюся рядом с ним жену.

— Син! Я уже думал, что потерял тебя.

— Почти так оно и было, — призналась она. — Но ты расскажи, как там дела?

— Подожди, в конторе все узнаешь.

Ждать она не хотела, однако смирилась. Автобус подвез партнеров фирмы «Рэндалл и Крэг» прямо к зданию, в котором располагалась их контора, да и езды той было всего шесть остановок. Открыв дверь крошечного помещения, Рэндалл сразу направился к телефону. Аппарат, установленный в их конторе, был подключен к коммутатору круглосуточной секретарской службы.

— Были звонки? — спросил он и добавил, помедлив несколько секунд: — О'кей. Пришлите записи. Можете особенно не спешить.

Положив трубку, он повернулся к жене.

— Ну что ж, крошка, это самые легкие пять сотен, какие мы когда-нибудь зашибали.

— Ты выяснил, чем он там занимается?

— Конечно.

— Ну и чем же?

— А ты угадай.

Синтия смерила мужа взглядом.

— А по соплям не хочешь?

— Ладно, ладно, стихни. Тебе бы в жизнь не угадать, хотя все это крайне просто. Он работает ювелиром — шлифует драгоценные камни. И ты знаешь, что это было у него под ногтями, из-за чего он так всполошился?

— Ну?

— Ровно ничего страшного, да и вообще интересного. Красная полировочная паста. А он, со своим больным воображением, решил, что это засохшая кровь. Вот так мы и отхватили полкуска.

— Мм. Похоже, что так и есть. А работает он, как я понимаю, где-то в этом корпусе «Акме».

— Комната тысяча триста десять. Или, скорее, кабинет тысяча триста десять. А ты почему отстала?

Синтия немного замялась. Ей не хотелось сознаваться в своей неловкости, однако привычка — они с мужем всегда и все говорили друг другу прямо — оказалась сильнее.

— Я немного растерялась, когда Хог заговорил с тобой у входа в «Акме», и пропустила ваш лифт.

— Ясненько. Ну что ж, я… Погоди! Что это ты такое мелешь? Хог заговорил со мной?

— Ну да.

— Но он же со мной не говорил. Он меня даже не видел. О чем это ты?

— О чем это я? О чем это ты! Буквально за минуту до того, как вы с ним вошли в здание, Хог остановился, обернулся и заговорил с тобой. Вы стояли там и трепались, что несколько сбило меня с толку. А затем вы с ним вошли в вестибюль,

чуть ли не под ручку.

Несколько секунд, показавшихся Синтии очень долгими, Рэндалл сидел, молчал и как-то странно смотрел на нее. В конце концов она не выдержала:

— Ну что ты уставился на меня, словно недоумок какой. Что там случилось?

— А теперь, Син, — медленно заговорил Рэндалл, — послушай, как все было. Я вышел из автобуса после Хога и проследовал за ним в вестибюль «Акме». В лифт я вошел по старой методике — дыша ему прямо в затылок, а затем, когда он повернулся к двери кабины, быстро передвинулся и снова встал у него за спиной. Когда Хог вышел, я немного задержался в дверях, то ли выходя, то ли нет и задавая лифтеру дурацкие вопросы, Хог тем временем отошел на приличное расстояние. Когда я свернул за угол коридора, он как раз исчезал в двери тысяча триста десять. Он ни разу не заговорил со мной, он даже ни разу не видел моего лица — я в том абсолютно уверен.

Синтия заметно побледнела, но сказала только:

— Валяй дальше.

— Когда туда входишь, там справа длинная такая стеклянная перегородка, а изнутри впритык

к ней стоят верстаки, или рабочие столы, или как их еще там. Можешь смотреть через стекло и наблюдать за работой ювелиров — хорошо придумано, отличная реклама. Хог нырнул направо и к тому времени, как я пошел по проходу, оказался уже по ту сторону стекла, без пиджака, в рабочем халате и с этой самой увеличительной хреновиной в глазу. Я прошел мимо — он так и не поднял глаза — к столу дежурного и попросил вызвать управляющего. Через какое-то время появился щуплый тип, нахохленный, как воробушек, и я спросил, работает ли здесь некий Джонатан Хог. Управляющий сказал «да» и спросил, не хочу ли я с ним поговорить. Я ответил, что нет необходимости, я всего лишь следователь страховой компании. Он захотел узнать, в чем дело, нет ли каких неприятностей, но я его успокоил, объяснил, что Хог хочет застраховать свою жизнь, а нам надо знать, как долго он здесь работает. Пять лет, сказал управляющий и добавил, что Хог у них — один из самых надежных и умелых работников. Я сказал, вот и прекрасно, и поинтересовался, потянет ли Хог страховой полис на десять тысяч. Он ответил «конечно» и сообщил, что они всегда рады, когда их работники вкладывают деньги в такое надежное дело, как страховой полис. Так

я, собственно, и думал, когда вешал ему всю эту лапшу… По пути к двери я остановился напротив стола Хога и посмотрел на него через стекло. Через некоторое время он поднял голову, взглянул на меня и вернулся к своей работе. Я уверен, что он меня не узнал: на его лице ничего не отразилось. Клинический случай полной шазо, шизо… как это произносится?

— Шизофрения. Полное расщепление личности. Но послушай, Тедди…

— Да?

— И все-таки ты говорил с ним. Я же видела собственными глазами.

— Тише, киска, тише, не кипятись. Ты просто считаешь, что видела, а в действительности смотрела на каких-то совершенно других мужиков. А как далеко ты стояла?

— Не настолько далеко. Я была перед обувным магазином Бичема, после него идет ресторан «У Луи», а там и вход в «Акме». Ты стоял спиной к газетному киоску, лицом практически ко мне. Хог был ко мне спиной, но ошибиться было невозможно: когда вы с ним повернулись и направились в «Акме», я увидела его в профиль.

На лице Рэндалла выразилось отчаяние.

— Да не говорил я с ним. И шел не вместе с ним,

а сзади, незаметно.

— Знаете, Эдвард Рэндалл, не надо мне рассказывать сказки. Верно, я потеряла вас с Хогом, но это еще не дает вам права измываться надо мной и выставлять меня дурочкой.

Рэндалл был женат слишком давно и удачно, чтобы не обращать внимания на явные признаки опасности. Он встал, подошел к Синтии и обнял ее за плечи.

— Слушай, маленькая, — голос его звучал ласково и серьезно. — Я не устраиваю никаких шуток. Что-то у нас здесь перепуталось, но я рассказываю тебе все совершенно прямо, так, как я это помню.

Синтия всмотрелась в глаза Рэндаллу, а затем неожиданно чмокнула его.

— Ну ладно. Мы оба правы, хотя это и невозможно. Пошли.

— Пошли? Куда?

— На место преступления. Если не разобраться в этой истории, я, пожалуй, никогда больше не сумею заснуть.

Здание «Акме» оказалось, слава тебе господи, на том же месте, что и раньше. Равно как и обувной магазин, и ресторан «У Луи», и газетный киоск. Рэндалл встал на то место, где утром стояла его

жена, и согласился, что с такого расстояния ошибиться можно было только в мертвецки пьяном виде. Однако он был по-прежнему уверен и в своей версии.

— А ты не опрокинула, случаем, по дороге пару стопарей? — спросил он с надеждой в голосе.

— Ни в коем разе.

— Ну и что же будем теперь делать?

— Не знаю. Да нет, слушай, я придумала! Ведь мы же покончили с Хогом. Ты его выследил, а больше ничего не требовалось.

— Ну да… а что?

— Проводи меня туда, где он работает. Я хочу спросить у его дневной личности, говорил он с тобой, выйдя из автобуса, или нет.

Рэндалл пожал плечами.

— Хорошо, лапа. Делай как знаешь.

Зайдя в вестибюль, они направились к свободному лифту. Щелкнул стартер, лифтер захлопнул двери и провозгласил свое обычное: «Этажи, пожалуйста».

Шестой, третий и девятый. Рэндалл подождал, пока обслужат других пассажиров, и только потом сказал: «Тринадцатый».

Лифтер недоуменно обернулся.

— Могу отвезти тебя, парень, на двенадцатый и

на четырнадцатый, а пополам дели их сам.

— Чего?

— Нету у нас тринадцатого. А если бы был — никто не стал бы снимать там помещение.

— Что-то ты ошибаешься. Я был на тринадцатом сегодня утром.

По взгляду, которым лифтер одарил Рэндалла, было видно, что он с трудом сдерживается.

— Смотрите сами.

Секунда быстрого подъема, затем остановка.

— Двенадцатый.

Дальше кабина пошла медленнее. Число 12 уползло из поля зрения, а затем сменилось другим.

— Четырнадцатый. Ну и какой выберете?

— Извините, — несколько неуверенно выговорил Рэндалл. — Какая-то глупая ошибка. Я действительно был здесь утром и думал, что запомнил этаж.

— А может, восемнадцатый? — попытался прийти ему на помощь лифтер. — Восьмерку часто путают с тройкой. А кого вы ищете?

— «Детеридж и компания», это ювелирная фирма.

— Только не в нашем корпусе, — покачал головой лифтер. — Здесь нет никаких ювелиров и

никаких Детериджей.

— Вы уверены?

Вместо ответа лифтер опустил кабину на десятый этаж.

— Попробуйте узнать в десять ноль-один. Там администрация корпуса.

Нет, у них нет съемщиков по фамилии Детеридж. Нет, у них нет ни ювелиров, ни даже торговцев ювелирными изделиями. Возможно, джентльмен перепутал и ему нужен корпус «Апекс», а не «Акме»? Рэндалл поблагодарил администратора и удалился, порядком ошарашенный.

Все это время Синтия хранила полное молчание. Теперь она заговорила:

— Слушай, Тедди…

— Да? Что тебе?

— Мы можем подняться на самый верх и обследовать все здание, этаж за этажом.

— Чего ради? Будь здесь эта фирма, в конторе здания знали бы об этом.

— А может, они знают, но не говорят. Во всей этой истории есть что-то очень сомнительное. В таком здании можно спрятать целый этаж, замаскировав его дверь под гладкую стену.

— Да нет, глупости. Просто у меня поехала кры-

ша, вот и все. Отвела бы ты меня к психиатру.

— Никакие это не глупости, и головой ты пока не повредился. Чем отсчитывается высота в лифте? Этажами. Замаскируй этаж, чтобы его не было видно, и никто не догадается, что он вообще существует. Возможно, мы вышли на что-то очень крупное.

Синтия и сама не больно-то верила своим доводам, но понимала, что ее мужу необходимо сейчас чем-нибудь заняться.

Рэндалл начал было спорить, но затем сдержался.

— А как же лестницы? Уж с лестницы-то этаж не пропустишь.

— Не знаю, может, и с лестницами устроен какой-нибудь фокус. Вот мы и постараемся это выяснить. Пошли.

Однако никаких фокусов не было и в помине. Между двенадцатым и четырнадцатым этажами они насчитали восемнадцать ступенек — ровно столько же, как и между любыми двумя соседними этажами. Они прошли все здание сверху донизу и прочитали надпись на матовом стекле каждой двери. На это потребовалось довольно много времени. Синтия наотрез отвергла предложенный мужем вариант — разделиться и

каждому осматривать по половине этажа. Она не хотела ни на секунду терять его из виду.

И нигде ни тринадцатого этажа, ни двери с надписью «Детеридж и компания». И никаких ювелирных фирм, хотя бы и с другим названием. Даже простое чтение названий фирм на дверях требовало уйму времени; чтобы зайти под тем или иным предлогом в каждую фирму, не хватило бы и суток.

Рэндалл смотрел на дверь с надписью «Прайд, Гринвей, Гамильтон, Стейнболт, Картер и Гринвей, адвокаты».

— За это время, — задумчиво сказал он, — надпись на двери могли и поменять.

— Только уж не на этой, — указала на адвокатскую контору Синтия. — Да и вообще, если это было декорацией, они могли изменить все подчистую, до неузнаваемости.

Однако, невзирая на уверенный тон, она с растущим сомнением смотрела на невинно выглядевшую надпись. При всей своей доступности административное здание — место удивительно скрытное. Звукоизолирующие стены, плотные жалюзи и ничего не говорящие названия фирм. В таком месте может произойти что угодно, в самом буквальном смысле что угодно. И никто

не узнает. И никто не поинтересуется. Никто даже ничего и не заметит. Никаких полицейских, обходящих свой участок; соседи, расстояние до которых — толщина стенки, могли бы с тем же успехом находиться на Луне, даже уборщица не зайдет, если съемщик этого не хочет. Администрация заинтересуется арендатором в одном-единственном случае: если тот не внесет арендную плату в срок. Можете совершать любые преступления по своему вкусу и набивать шкафы широким ассортиментом трупов.

Синтия зябко поежилась.

— Пошли дальше, Тедди. Надо спешить.

Осмотрев остаток здания быстро, как только могли, они вернулись в вестибюль. Вид человеческих лиц и солнечный свет несколько успокоили Синтию, хотя загадочной фирмы так нигде и не было. Остановившись на ступеньке, Рэндалл растерянно огляделся.

— Как ты думаешь, а может, мы и вправду были в другом здании? — спросил он с сомнением в голосе.

— Ни в коем разе. Видишь этот табачный киоск? Я знаю каждое мушиное пятнышко на его витрине.

— Тогда где же решение?

— Решением будет ланч. Пошли.

— Хорошо, только я, пожалуй, перейду на жидкую диету.

Синтия кое-как заставила мужа закусить третий бокал «виски-сауэр» тарелкой гуляша из говяжьей тушенки. Выпив в довершение две чашки кофе, он оказался трезвым как стеклышко и еще более несчастным, чем прежде.

— Син…

— Да, Тедди?

— Так что же это со мной случилось?

— Я думаю, — медленно ответила Синтия, — что мы стали жертвами великолепного, высокопрофессионального гипноза.

— Вот и я так думаю теперь. Или это, или у меня и вправду крыша поехала. Так что пусть будет гипноз. Хотелось бы только знать: для чего это все?

Синтия рассеянно водила вилкой по тарелке.

— А вот я не уверена, что мне хочется знать. Знаешь, Тедди, что мне хочется сделать?

— Что?

— Отослать мистеру Хогу эти пять сотен с запиской, что мы не можем ему помочь и поэтому возвращаем деньги.

Рэндалл явно был поражен.

— Вернуть? Деньги? Силы небесные!

По лицу Синтии можно было подумать, что ее поймали на совершенно непристойном предложении, однако она не отступала.

— Знаю, знаю. И все равно мне хотелось бы так сделать. Мы можем заработать на хлеб бракоразводными делами и поисками беглых должников, так что совсем не обязательно связываться с сомнительными историями.

— Ты рассуждаешь так, словно пять сотен — это ерунда, вроде чаевых официанту.

— Нет, я так не рассуждаю. Просто мне кажется, что не стоит рисковать шеей или здравым рассудком даже ради такой суммы. Слушай, Тедди, кто-то изо всех сил старается загнать нас в угол. Прежде всего я хочу узнать, зачем ему это.

— Вот и я хочу узнать зачем. Именно поэтому мне и не хочется бросать это дело. Какого черта, я не привык, чтобы со мной играли такие шутки. Мне это не нравится.

— Что ты скажешь мистеру Хогу?

Рэндалл поворошил рукой волосы, и без того, впрочем, взъерошенные.

— Не знаю. Может, ты с ним поговоришь? Наплети там чего-нибудь.

— Прекрасная мысль. Просто великолепная

мысль. Я скажу, что ты сломал ногу, но к завтрашнему дню обязательно поправишься.

— Не надо так, Син. Я же знаю, что ты справишься.

— Хорошо. Только ты обещай мне одну вещь.

— Какую вещь?

— Во время этого расследования мы все и всегда делаем вместе.

— Так мы же всегда так.

— Я имею в виду буквально вместе. Я не хочу терять тебя из виду ни на секунду.

— Послушай, Син, это же может оказаться неудобным.

— Обещай.

— Хорошо, хорошо. Обещаю.

— Вот так-то лучше.

Теперь Синтия немного успокоилась и выглядела почти умиротворенной.

— Не вернуться ли нам в контору?

— Ну ее к черту. Пошли лучше в кино, на тройной сеанс.

— Согласна, Мозговой Центр. — Она взяла перчатки и сумочку.

Фильмы не доставили Рэндаллу удовольствия, а ведь программа состояла из сплошных вестернов, предмета нежной его любви. Но сейчас

отважный герой казался таким же бандитом, как и главный злодей, а таинственные всадники в масках не вызывали приступа энтузиазма, а просто пугали. Из головы не шел тринадцатый этаж здания «Акме», длинная стеклянная перегородка и склонившиеся над своим трудом мастера, маленький иссохший управляющий «Детериджа и компании». Кой бес — неужели можно загипнотизировать человека так, что он во все поверит и будет вспоминать такие подробности?

Синтия почти не смотрела на экран. Все ее внимание занимали окружающие. Она поймала себя на том, что осторожно изучает их лица каждый раз, когда в зале зажигается свет. Если, даже развлекаясь, эти люди выглядят подобным образом, на что же они похожи в несчастье? В лучшем случае на лицах читалась героическая решимость ни на что не жаловаться, исключений почти не было. Неудовлетворенность, зловещие следы перенесенной физической боли, одиночество, разочарование, тупая озлобленность — всего этого было в достатке, и очень, очень редко мелькали веселые лица. Даже Тедди, одним из главных достоинств которого была неискоренимая жизнерадостность, выглядел крайне кисло, и, надо признать, не без причин. Интересно, а какие

причины сделали несчастными всех остальных?

Синтия вспомнила картину — она где-то ее видела, — называвшуюся «Подземка». Художник изобразил дверь вагона подземки и толпу, вываливающуюся на перрон. Одновременно другая толпа пытается прорваться внутрь вагона. Было видно, что все они — и входящие, и выходящие — очень спешат, но удовольствия от этого не получают. Красота отсутствовала в картине напрочь, было ясно, что единственная цель, двигавшая кистью художника, — едкая критика современного образа жизни.

Синтия почувствовала большое облегчение, когда фильмы окончились и они с Рэндаллом сменили тесноту зала на относительную свободу улицы. Рэндалл остановил такси и дал шоферу свой адрес.

— Тедди…

— Да?

— Ты не обратил внимания, какие были лица у людей, сидевших в кино?

— Да нет, я как-то не смотрел. А что?

— Ни про одного из этих людей не скажешь, что жизнь доставляет ему удовольствие.

— А может, она и не доставляет ему удовольствия.

— Но почему не доставляет? Слушай, ведь мы-то живем весело?

— Это уж точно.

— Мы всегда жили весело. Даже когда у нас не было ни цента и мы только пытались организовать свое дело — даже и тогда нам было весело. Мы ложились в постель улыбаясь и вставали счастливыми. У нас с тобой и до сих пор так. В чем тут дело?

Рэндалл улыбнулся, в первый раз после неудачных розысков тринадцатого этажа, и ущипнул жену.

— А дело в том, лапа, что мне весело с тобой.

— Благодарствую. И вам того же самого по тому же месту. Знаешь, когда я была маленькой, у меня появилась странная мысль.

— Чего ты замолчала? Колись.

— У меня самой было счастья — целый вагон. Но вот я стала подрастать и замечать, что у мамы его нет. И у папы тоже. Мои учителя, да и почти все окружающие взрослые, — все они не были счастливыми. Вот мне и влезло в голову, что я тоже вырасту и узнаю что-то такое, после чего никогда больше не буду счастливой. Ты же знаешь, как принято говорить с детьми: «Ты еще маленькая и ничего не понимаешь», или: «Вот

подрастешь, тогда и поймешь». Я задавалась вопросом, что же это за секрет такой они от меня скрывают; иногда я подслушивала за дверью и пыталась это выяснить.

— Прирожденный сыщик.

— Чушь. Но я отлично видела: в чем бы там ни состоял этот секрет, он не дает взрослым счастья, наоборот, он делает их печальными. Вот я и стала молиться, чтобы никогда не узнать этого секрета. — Синтия слегка пожала плечами. — Наверное, я так его и не узнала.

— И я тоже, — хмыкнул Рэндалл. — Я — профессиональный Питер Пэн. И это ничуть не хуже, чем иметь здравый смысл.

— А ты не смейся, Тедди.

Маленькая, обтянутая перчаткой рука легла на запястье Рэндалла.

— Вот это и пугает меня в истории с Хогом: я боюсь, что, продолжая ею заниматься, мы и вправду узнаем то, что знают взрослые. И навсегда перестанем смеяться.

Рэндалл хотел рассмеяться, но затем повернулся к жене и пристально на нее посмотрел.

— Ты это что, серьезно? — Кончиками пальцев он слегка приподнял ее подбородок. — Тебе все-таки нужно хоть чуть повзрослеть. А обоим нам

нужен ужин — и хорошая выпивка.

4

После ужина, едва Синтия начала собираться с мыслями, что же в самом деле сказать мистеру Хогу, как эти нелегкие раздумья прервал входной звонок. Подойдя к двери, она взяла трубку домофона.

— Да?

Буквально через долю секунды она повернулась к мужу и беззвучно, одними губами проговорила:

— Это мистер Хог.

Брови Рэндалла приподнялись. Предостерегающим жестом приложив палец к губам, он с преувеличенной осторожностью, на цыпочках, двинулся к спальне.

Синтия понимающе кивнула.

— Секунду, пожалуйста. Вот так, так вроде лучше. У нас тут что-то аппарат барахлит. Кто это, повторите, пожалуйста. А… мистер Хог. Заходите, мистер Хог.

Нажав на кнопку электрического замка, она открыла дверь подъезда.

Было видно, что Хог чем-то очень возбужден. Прямо с порога он начал быстро, нервно сыпать

словами:

— Хотелось бы надеяться, что вы не сочтете мое вторжение бестактным, но я попал в такую неприятную ситуацию, что просто не мог ждать вашего сообщения.

Сесть Синтия ему не предложила.

— К сожалению, я должна вас разочаровать.

В ее приветливом голосе слышались нотки искреннего сочувствия.

— Мистер Рэндалл еще не вернулся.

— О!

Огорченный Хог выглядел настолько жалким, что на мгновение Синтия и вправду почувствовала к нему симпатию, однако, вспомнив, через что прошел сегодня ее муж, она снова заледенела.

— А вы не знаете, — продолжал непрошеный гость, — когда он будет дома?

— Трудно сказать. Жена детектива, мистер Хог, быстро отвыкает смотреть на часы и ждать мужа.

— Да, понимаю. Ну что, тогда, пожалуй, я не стану больше обременять вас своим присутствием. Но мне очень нужно с ним поговорить.

— Я передам ему. А вы хотели сообщить что-нибудь конкретное? Какие-нибудь новые данные?

— Нет.

Было видно, что Хог в нерешительности.

— Пожалуй, нет… Все это выглядит исключительно глупо!

— Что выглядит глупо, мистер Хог?

— Да как вам сказать… — Хог с надеждой посмотрел ей в глаза. — Миссис Рэндалл, а вот вы верите в одержимость?

— Одержимость?

— Одержимость человеческих душ — дьяволом.

— Знаете, я как-то об этом никогда не задумывалась.

Сейчас Синтия отвечала осторожно, тщательно подбирая слова. Интересно, слышит ли все это Тедди? И как быстро прибежит он на крик?

Путающимися пальцами Хог делал что-то непонятное со своей рубашкой. Вот он расстегнул верхнюю пуговицу, пахнуло чем-то едким, неприятным, затем в руках у него оказалось что-то странное, что-то висевшее под рубашкой на шнурке.

Только сделав над собой большое усилие, Синтия вгляделась в непонятную вещь и поняла, к величайшему своему облегчению, что это просто ожерелье из головок чеснока.

— Зачем вы это носите?

— Очень глупо, правда? — обреченно признал Хог. — Никогда бы не поверил, что поддамся таким дурацким суевериям, но сейчас это как-то успокаивает. У меня появилось совершенно жуткое ощущение, что за мной следят…

— Естественно. Ведь мы… то есть мистер Рэндалл следил за вами по вашей же просьбе…

— Я не про это. Человек в зеркале…

Хог не закончил фразу.

— Человек в зеркале?

— Понимаете, когда смотришь в зеркало, отражение всегда смотрит на тебя, но это естественно и ничуть не беспокоит. А тут — нечто совсем иное, неприятное, словно кто-то пытается добраться до меня и только ждет удобного случая. Вы, наверное, считаете меня сумасшедшим? — несколько неожиданно закончил он.

Синтия слушала гостя вполуха, ее внимание привлекла рука, сжимавшая чесночное ожерелье. Кончики пальцев Хога были испещрены дугами, петлями и завитками точно так же, как и у любого другого человека, и никакого коллодия на них нет, это уж точно. Неплохо бы получить отпечатки пальцев странного клиента.

— Нет, я не считаю вас сумасшедшим.

Сейчас ее голос звучал успокаивающе, словно

при разговоре с капризным ребенком.

— Только вы слишком много тревожитесь. Расслабьтесь, успокойтесь. Вы не хотели бы что-нибудь выпить?

— Стакан воды, если это вас не затруднит.

Хоть вода, хоть виски, главное — стакан. Выйдя на кухню, Синтия взяла с полки высокий стакан с гладкой, без каких-либо узоров, поверхностью. Аккуратно протерев стакан, она с той же аккуратностью — чтобы не замочить стенки снаружи — налила в него воду, положила лед и отнесла гостю, осторожно держа за донышко.

Однако замыслу ее не суждено было осуществиться. Хог стоял перед зеркалом, судя по всему поправляя галстук и вообще приводя себя в порядок после возвращения на место чесночного ожерелья. Когда гость повернулся к вошедшей в комнату хозяйке дома, оказалось, что он — намеренно или ненамеренно — уже надел перчатки.

В надежде, что он снова их снимет, Синтия предложила Хогу присесть, но тот вежливо отказался.

— Нет, нет, я и так отнял у вас слишком много времени.

Выпив полстакана воды, он поблагодарил ее, попрощался и удалился.

— Ушел он? — появился в двери Рэндалл.

— Да, ушел, — повернулась Синтия. — Знаешь, Тедди, делал бы ты сам свою грязную работу. У меня от него мурашки по всему телу. Я же чуть не заорала, хотела уже звать тебя на помощь.

— Спокойнее, мать, спокойнее.

— Все это очень хорошо, но только лучше бы нам никогда его не видеть.

Подойдя к окну, Синтия распахнула его настежь.

— Слишком поздно, мы уже влезли в это дело с головой.

Глаза Рэндалла остановились на стакане.

— Слушай, ты что, взяла его отпечатки?

— Ничего не вышло, наверное, он прочитал мои мысли.

— Жаль.

— Ну и что же ты намерен делать дальше?

— Есть у меня одна мысль, но надо еще подумать. А что это он такое наплел про чертей и человека в зеркале, который за ним следит?

— Он говорил совсем не так.

— Наверное, я и есть тот самый человек. Сегодня утром я следил за ним при помощи зеркала.

— Он говорил не буквально, а в переносном смысле. Психует он, дергается.

Синтия резко повернулась, ей почудилось сзади какое-то движение. Однако там все было спокойно: мебель, стена — и больше ничего. Наверное, просто отражение в зеркале.

— Вот и я начинаю дергаться, — добавила она. — А что касается чертей, то какие мне еще черти после него самого. Знаешь, чего бы я хотела?

— Чего?

— Хорошую дозу чего-нибудь покрепче и лечь пораньше.

— Мысль здравая.

Выйдя на кухню, Рэндалл начал смешивать заказанное женой лекарство.

— А бутерброд надо?

Когда Рэндалл пришел в себя, он обнаружил, что стоит, одетый в пижаму, в гостиной перед висящим рядом с входной дверью зеркалом. Его отражение — нет, какое там отражение, изображение в зеркале было вполне пристойно облачено в несколько консервативного вида костюм, приличествующий серьезному деловому человеку, — изображение обратилось к нему:

— Эдвард Рэндалл.

— А?

— Эдвард Рэндалл, вас вызывают. Вот, возь-

митесь за мою руку. Пододвиньте стул, тогда пролезть будет совсем легко, сами увидите.

Почему-то такой способ действий показался вполне естественным, более того — единственно возможным. Рэндалл поставил перед зеркалом стул, взял предложенную ему руку и пролез сквозь зеркало. На другой стороне под зеркалом оказалась раковина, с ее помощью Рэндалл легко опустился на пол. Он и его спутник находились в маленькой, выложенной белым кафелем туалетной комнате — такие часто встречаются в конторах.

— Быстрее, — поторопил его спутник. — Все остальные уже собрались.

— Кто вы такой?

— Моя фамилия Фиппс, — слегка поклонился Рэндаллу его компаньон. — Сюда, пожалуйста.

Открыв дверь туалета, он несильно подтолкнул Рэндалла. Зал, в котором они оказались, явно предназначался для заседаний совета некой фирмы. В настоящий момент как раз и происходило одно из таких заседаний: за длинным столом сидело около дюжины человек. Все эти люди смотрели на Рэндалла.

— Алле-гоп, мистер Рэндалл!

Еще один толчок — на этот раз не такой уж неж-

ный, — и он сидит в самом центре полированного стола. Сквозь тонкую ткань пижамы явственно ощущался холод гладкой, жесткой столешницы.

Не в силах совладать с охватившим его ознобом, Рэндалл покрепче закутался в пижамную куртку.

— Кончайте эти штучки, — сказал он. — Дайте мне слезть отсюда.

Попытавшись встать, он сразу убедился, что не способен даже на такое несложное действие.

Сзади кто-то невидимый коротко хохотнул.

— Не слишком-то он упитан, — сказал кто-то издевательским голосом.

— Для данного дела это не важно, — ответил другой голос.

Рэндалл начал узнавать ситуацию. Без штанов на Мичиганском бульваре — так, кажется, это было в последний раз. А сколько раз он попадал в детство, в школу, и не только в раздетом виде, но еще и с неприготовленными уроками. А для полного комплекта — безнадежно опаздывал к началу занятий. Ну что ж, тогда понятно, что надо делать: закрыть глаза, натянуть на себя одеяло, а потом проснуться в уюте и безопасности собственной постели. Он закрыл глаза.

— Прятаться бессмысленно, мистер Рэндалл.

Все равно мы вас видим, так что напрасная трата времени.

Рэндалл открыл глаза.

— Что вы тут придумали? — спросил он с яростью в голосе. — Где я? Зачем вы меня сюда притащили? Что тут происходит?

Заседание возглавлял сидевший напротив Рэндалла человек весьма внушительной внешности. Его высокий — не меньше ста восьмидесяти пяти сантиметров — рост дополнялся широкими плечами и крепким телосложением. Толстый слой жира обильно облегал этот огромный костяк. Однако кисти рук его были тонкими, изящными и великолепно ухоженными, а черты лица, и так не очень крупные, казались еще миниатюрнее в обрамлении жирных щек и многочисленных складок на шее. Маленькие глазки весело щурились, рот непрестанно складывался в улыбку. Кроме того, он обладал забавной привычкой выпячивать плотно сложенные губы.

— Не все сразу, не все сразу, мистер Рэндалл, — весело ответил председательствующий. — На один ваш вопрос могу ответить: это тринадцатый этаж здания «Акме», да вы же помните.

Он слегка хохотнул, словно при понятной им обоим шутке.

— Что здесь происходит? Здесь происходит собрание совета управляющих фирмы «Детеридж и компания», а я ваш, сэр, покорный слуга, — тут он сумел, оставаясь сидеть и несмотря на огромное свое брюхо, изобразить нечто вроде поклона, — возглавляю этот совет и ношу имя Р. Джефферсон Стоулз.

— Но…

— Пожалуйста, мистер Рэндалл. Сперва я должен представить вам всех присутствующих. Направо от меня мистер Таунсенд.

— Рад познакомиться, мистер Рэндалл.

— Рад познакомиться, — автоматически ответил Рэндалл. — Послушайте, все это заходит слишком…

— Затем мистер Грэйвзби, мистер Уэллс, мистер Йокам, мистер Прентан, мистер Джоунс. С мистером Фиппсом вы уже знакомы, он наш секретарь. Далее сидят мистер Райфснайдер и мистер Снайдер — они не состоят в родстве. Последние — мистер Паркер и мистер Круз. Должен с сожалением сообщить вам, что мистер Потифар не смог сегодня явиться на собрание, однако кворум у нас есть.

Рэндалл еще раз попробовал встать, однако крышка стола оказалась прямо-таки невероятно

скользкой.

— А мне по фигу, — с ненавистью сказал он, — кворум у вас тут или бандитская разборка. Отпустите меня.

— Ну, ну, мистер Рэндалл. Неужели вы не хотите получить ответы на свои вопросы?

— Не настолько. Да какого черта, дайте мне…

— Однако на эти вопросы необходимо ответить. Совершенно необходимо. Это — деловое совещание, а обсуждаемой деловой проблемой являетесь именно вы.

— Я?

— Да, вы. Вы представляете собой, как бы это выразиться, не очень значительный раздел повестки дня, однако и по этому разделу нужна полная ясность. Нам не нравится ваша деятельность, мистер Рэндалл. Вы должны ее прекратить.

Прежде чем Рэндалл успел ответить, Стоулз остановил его жестом руки.

— Не нужно никакой поспешности, мистер Рэндалл. Выслушайте меня. Я совсем не имел в виду всю вашу деятельность. Нам совершенно безразлично, сколько блондинок вы подсунете в гостиничные номера для дальнейшего использования в качестве послушных свидетельниц на бракоразводных процессах. В равной степени нас

не интересует, ко скольким телефонным линиям вы подключитесь и сколько писем вскроете. Нас занимает одна-единственная часть вашей деятельности. Я имею в виду мистера Хога.

Последнее слово прозвучало как плевок.

Все присутствующие как-то неловко зашевелились, Рэндалл почувствовал это совершенно отчетливо.

— Так что же насчет мистера Хога? — спросил он вызывающе.

Шевеление повторилось. Стоулз больше не улыбался и даже не изображал улыбку.

— Давайте, — сказал он, — начиная с этого момента, употреблять термин «ваш клиент». Все очень просто, мистер Рэндалл. У нас имеются свои планы в отношении мистера… в отношении вашего клиента. Вы должны прекратить всякие с ним отношения — забыть о нем, никогда с ним не встречаться.

Сейчас взгляд Стоулза стал тяжелым, но Рэндалл не дрогнул и не отвел глаз.

— В жизни своей не динамил клиентов и впредь не собираюсь. Да я скорее в аду вас увижу.

— Готов согласиться, — выпятил губы Стоулз, — что не исключена и такая возможность, однако вряд ли вам или мне хочется рассматривать ее

иначе, чем излишне живописную метафору. Попробуем быть разумными. Ведь вы, насколько мне известно, разумный человек, а я и мои собратья — тоже существа разумные. Поэтому я не стану пытаться вас уговорить, подкупить или принудить, я просто расскажу вам некую историю, из которой вы сами все поймете.

— Я не хочу слушать никаких историй. Я ухожу.

— Уходите? Сильно сомневаюсь. И вы будете слушать!

Стоулз ткнул пальцем в сторону Рэндалла. Рэндалл попробовал что-нибудь ответить, однако оказалось, что теперь он не может даже этого.

«Это, — подумал сыщик, — самый дурацкий изо всех моих бесштанных снов. Ведь знал же, что не надо наедаться перед сном».

— Вначале, — провозгласил Стоулз, — была Птица.

Неожиданно он закрыл лицо ладонями, все остальные присутствующие сделали то же самое.

Птица. Рэндалл неожиданно увидел, что скрывается за таким простым словом, когда его произносит этот отвратительный толстяк, — не мягкий пушистый цыпленок, а хищная птица,

мощная и прожорливая… немигающие глаза, тускловато-серые, как снятое молоко, и пристальные… налитые кровью сережки… но особенно отчетливо он увидел лапы, огромные птичьи лапы, костлявые, когтистые, покрытые желтыми чешуйками и какой-то отвратительной грязью. Ужасные и непристойные…

Стоулз убрал ладони от лица.

— Птица была одинока. Ее огромные крылья мерно взбивали бескрайние глубины пространства, где не на чем было остановить взгляд. Но в Ее глубинах была Сила, и Сила была Жизнью. Птица посмотрела на север, где не было севера, и Она посмотрела на юг, где не было юга. Она посмотрела на восток и запад, вверх и вниз. А затем из ничего и из своей Воли Она свила Гнездо.

Гнездо было широким, глубоким и крепким. В это гнездо Она положила сто яиц. Она сидела в гнезде десять тысяч лет, высиживая яйца и размышляя. Когда время приспело, Она покинула гнездо и повесила вокруг него светильники, дабы птенцы могли видеть. Она смотрела, и Она ждала.

Из каждого яйца вылупились сто Сынов Птицы — общим числом в десять тысяч. Но столь широким и столь глубоким было это гнездо, что

места хватило всем, и с избытком, — каждому по царству, и каждый был царь — царь надо всеми существами, которые ползают и плавают, летают и бегают на четырех ногах, над существами, рожденными в щелях и закоулках гнезда, рожденными из тепла и ожидания.

Мудра и жестока была Птица, мудры и жестоки были Сыны Птицы. Два раза по десять тысяч лет они сражались и царствовали, и Птица была довольна. Затем некоторые из них решили, что они столь же мудры и столь же могущественны, как сама Птица. Из ткани гнезда они сотворили тварей, подобных себе самим, и дохнули им в ноздри, дабы иметь своих сыновей, которые станут служить им и сражаться за них. Но сыновья Сынов не были мудрыми, не были сильными и жестокими, а были глупыми, слабыми и мягкотелыми. Птица не была довольна.

Она низринула своих Сынов и позволила, чтобы их сковали глупые и мягкотелые… Перестаньте крутиться, мистер Рэндалл! Я знаю, что это слишком огромно для вашего маленького умишка, однако, вы уж мне поверьте, сейчас вам просто необходимо задуматься над вещами, которые длиннее вашего носа и шире вашего рта.

Глупые и слабые не могли сдержать Сынов

Птицы, поэтому Птица поместила среди них, в разных местах, других, более сильных, более умных и более жестоких, дабы хитростью своей, жестокостью своей и обманом они не дали Сынам вырваться на свободу. Потом Птица удалилась, довольная, и стала ждать и смотреть, как разворачивается игра.

Игра идет и сейчас. А посему мы не можем позволить вам общаться с вашим клиентом, равно как и помогать ему каким-либо образом. Теперь вы видите сами, не правда ли?

— А ни хрена я не вижу, — закричал Рэндалл, почувствовавший вдруг, что снова может говорить. — И к чертовой матери всю вашу гопу! Эта шутка зашла слишком далеко.

— Неразумный, слабый и глупый, — вздохнул Стоулз. — Покажите ему, мистер Фиппс.

Фиппс встал, положил на стол портфель, открыл его, вытащил оттуда какой-то предмет и сунул его Рэндаллу под нос. Предмет оказался зеркалом.

— Посмотрите, пожалуйста, сюда, мистер Рэндалл, — вежливо попросил Фиппс.

Рэндалл посмотрел на свое отражение в зеркале.

— О чем вы думаете, мистер Рэндалл?

Отражение потускнело и исчезло, теперь он смотрел в собственную спальню, но со странной точки зрения, словно немного сверху. В спальне было темно, однако он вполне мог различить голову жены, лежащую на подушке. Вторая подушка — его собственная — пустовала.

Синтия пошевелилась, повернулась и негромко вздохнула. Приоткрытые губы слегка улыбались, наверно, ей снилось что-то хорошее.

— Видите, мистер Рэндалл? — прервал молчание Стоулз. — Ведь вы не хотите, чтобы с ней что-нибудь случилось?

— Послушай, ты, грязный ублюдок…

— Спокойнее, мистер Рэндалл, спокойнее. Так вот, мы не хотим от вас ничего особенного. Просто не забывайте о своих интересах и о ее интересах. — Стоулз отвернулся от Рэндалла, словно от чего-то безмерно скучного. — Удалите его, мистер Фиппс.

— Идемте, мистер Рэндалл.

И снова Рэндалл ощутил унизительный толчок сзади, а затем оказалось, что он летит по воздуху, а все окружающее кувыркается, вертится, рассыпается на мелкие куски…

Совершенно проснувшийся, он лежал в своей собственной постели на спине, покрытый холод-

ным, липким потом.

Синтия пошевелилась и села.

— Что с тобой, Тедди? — спросила она сонно. — Ты так страшно кричал.

— Ерунда. Сон какой-нибудь, наверное. Прости, что я тебя разбудил.

— Ничего. Желудок не в порядке?

— Да, есть немного.

— Выпей соды.

— Сейчас.

Рэндалл встал, вышел на кухню, разболтал щепотку соды в воде и выпил. Теперь, полностью проснувшись, он чувствовал неприятное жжение во рту, сода немного помогла.

Когда он вернулся в спальню, Синтия уже спала. Он тихо скользнул под одеяло. Не просыпаясь, она прижалась к мужу, согревая его своим телом. Вскоре заснул и он.

— Ла-диди-да! Все не беда! — Оборвав песню на полуслове, Рэндалл слегка ослабил душ, чтобы не заглушать нормальный разговор. — Доброе утро, красавица!

Появившаяся в дверях ванной Синтия терла рукой один глаз и сонно глядела на мужа другим.

— Всем людям, поющим на голодный желудок, доброе утро.

— А чего мне не петь? Сегодня прекрасный день, я прекрасно выспался. И я сочинил новую прекрасную душевую песню. Ты только послушай.

— Могу и обойтись.

— Эта песня, — продолжал Рэндалл, нимало не возмутившись, — посвящается Юноше, Который Вознамерился Питаться Червями Из Огорода.

— Какая гадость!

— Никакая это не гадость. Слушай.

Включив душ посильнее, он объяснил:

— Для достижения максимального эффекта необходим аккомпанемент льющейся воды. Куплет первый:

Я червей призову, и они приползут.

Не желаю в грязи я копаться.

Мне пускай создадут и комфорт, и уют,

Раз уж должен я дрянью питаться.

Он сделал паузу, ожидая, видимо, аплодисментов, а затем объявил:

— Припев.

Ла-диди-да! Все не беда!

Я червяков приглашаю сюда!

Они вкусны весьма с витамином А.

Я люблю червяков, я от них без ума!

Тут он снова помолчал и объявил:

— Второй куплет. Только второй куплет я еще не сочинил. Повторить первый?

— Спасибо, не надо. Лучше вылезай скорее и дай мне возможность помыться.

— Тебе не понравилось, — укоризненно сказал Рэндалл.

— Я этого не говорила.

— Настоящее искусство редко получает признание, — скорбно возгласил он, однако из душа вышел.

К тому времени как Синтия умылась, кофе был уже готов. Рэндалл церемонно вручил ей стакан апельсинового сока.

— Тедди, ты просто душка. И что же ты намерен выцыганить у меня всем этим подлизыванием?

— Тебя самое. Правда, попозже. А ведь я не только очарователен, но и умен.

— Правда?

— Ага. Слушай, я придумал, что делать с общим нашим другом Хогом.

— С Хогом? О господи.

— Осторожнее, разольешь.

Забрав у жены стакан, он поставил его на стол.

— Успокойся, киска. Что это с тобой?

— Не знаю, Тедди. Просто у меня ощущение, словно мы вооружились детским пугачом и пытаемся при его помощи победить самого главного злодея.

— Не надо было мне начинать деловые разговоре до завтрака. Выпей ты кофе, может, полегчает.

— Хорошо. А тоста мне не надо. Так что же у тебя там за блестящая идея?

— Все очень просто, — объяснил Рэндалл, хрустя поджаренным хлебом. — Вчера мы старались не попасться Хогу на глаза, чтобы он, часом, не вернулся в вечернюю свою личность.

— Вот-вот.

— Ну а сегодня нам этого совсем не потребуется. Мы можем прицепиться к нему, как пиявки, идти за ним по пятам. Если это как-нибудь помешает дневной половине его личности — ну и что? Ведь мы можем сами показать ему дорогу в «Акме». А там привычка приведет его туда, куда он ходит всегда. Ну как, все верно?

— Не знаю, Тедди. Возможно. Люди, перенесшие амнезию, ведут себя иногда очень странно. Он может просто прийти в смятение, утратить ориентацию.

— Так ты думаешь, не получится?

— Может, получится, может, и нет. Но пока в

твой план входит быть всюду и все время вместе со мной, я согласна попробовать, хотя лучше бы бросить это дело.

Рэндалл словно не обратил внимания на поставленное женой условие.

— Вот и отлично. Сейчас я позвоню этому старому сычу и скажу, что мы зайдем за ним прямо в его квартиру.

Потянувшись через стол, он подвинул к себе телефон и позвонил Хогу.

— Ну точно, он с приветом, — сказал Рэндалл после короткого разговора с клиентом. — Сперва он вообще меня не узнал. Затем вроде как в его голове что-то щелкнуло, и дальше все пошло нормально. Ты готова, Син?

— Одну секунду.

Тихо насвистывая какой-то мотив, он встал и направился в гостиную.

Неожиданно свист прекратился, Рэндалл чуть не бегом вернулся на кухню.

— Син…

— Что там такое, Тедди?

— Пойди, пожалуйста, сюда.

Встревоженная выражением на лице мужа, Синтия торопливо встала и прошла в гостиную. Рэндалл указывал на стул, поставленный прямо

под висящим рядом со входной дверью зеркалом.

— Как он попал сюда, Син?

— Стул? Да это я поставила его сюда, чтобы поправить зеркало, вечером, когда ложилась спать. Ну и забыла его там, наверное.

— Мм… ну, наверное, так и было. Странно только, что я не заметил его, когда гасил свет.

— А почему это тебя так встревожило? Ты испугался, что к нам в квартиру ночью кто-то залез?

— Да. Да, конечно, так я и решил.

Однако выражение тревоги не покинуло лица Рэндалла.

Недоуменно поглядев на него, Синтия прошла в спальню. Здесь она взяла свою сумочку, быстро просмотрела ее содержимое, а затем выдвинула маленький потайной ящик комода.

— Если кто-нибудь и вправду залез к нам, он не многим разжился. Посмотри свой бумажник. Все на месте? А твои часы?

— Все в порядке, — ответил Рэндалл через несколько секунд. — Наверное, ты и вправду забыла там стул, а я его не заметил. Так ты готова?

— Сию секунду.

Больше Рэндалл об этом не говорил, размышляя про себя, какая же каша может получиться

из нескольких застрявших в подсознании воспоминаний в сочетании с плотным ужином. Наверное, он все-таки заметил этот стул, когда гасил свет, — отсюда и появление стула в кошмаре. Поставив, таким образом, все на место, он начал обдумывать грядущую операцию.

5

Хог ждал их.

— Заходите, пожалуйста. Добро пожаловать, мадам, в мое скромное прибежище. Вы не откажетесь присесть? У вас найдется время на чашку чая? Боюсь, — на его лице появилась смущенная улыбка, — что кофе в этом доме нет.

— Времени достаточно, — успокоил гостеприимного хозяина Рэндалл. — Вчера вы вышли из дому в восемь пятьдесят три, а сейчас еще только восемь тридцать пять. Думаю, лучше всего будет выйти в то же самое время.

— Вот и чудесно.

Хог исчез из комнаты и сразу же вернулся с чайным подносом, каковой и водрузил на стол рядом с Синтией.

— Вы разольете, миссис Рэндалл? Это китайский чай, — добавил он. — Моя собственная смесь.

— С удовольствием.

Сейчас, утром, в этом человеке нет ровно ничего зловещего, вынуждена была признать Синтия. Просто маленький, суетливый холостяк, обладатель усталых морщинок около глаз и прямо-таки

великолепной квартиры. На стенах картины, хорошие, хотя понять, насколько хорошие, Синтии не хватало знаний. Во всяком случае, похожи на оригинальные работы. «И картин этих не слишком много, — отметила она с одобрением. — А то такие вот склонные к искусству холостяки зачастую любят загромождать свои квартиры почище иной старой девы».

Вот уж про квартиру мистера Хога такого не скажешь. Во всем воздушное изящество, словно в вальсах Брамса. Синтии хотелось спросить, где он взял такие шторы.

Хог с поклоном принял у нее чашку, нежно обхватил ее ладонью и, прежде чем сделать глоток, вдохнул аромат. Затем он повернулся к Рэндаллу.

— Боюсь, сэр, что у нас сегодня ровно ничего не получится.

— Не исключено. Но почему вы так думаете?

— Понимаете ли, я сейчас нахожусь в полной растерянности: что мне делать дальше? Ваш телефонный звонок… Когда вы мне позвонили, я готовил себе чай — ведь у меня нет служанки… правду говоря, по утрам я словно в тумане — ну, вы понимаете, рассеянный, делаю все, что полагается делать, встав с постели, умываюсь и все

прочее, а мысли мои где-то в другом месте. Когда вы позвонили, я был немного ошарашен и только через несколько секунд вспомнил, кто вы такой и какие дела у нас друг с другом. Разговор с вами в некотором роде прочистил мою голову, я, если можно так сказать, осознал, кто я такой, однако теперь… — Он беспомощно пожал плечами. — Теперь у меня нет ни малейшего представления, что же я должен делать дальше.

Рэндалл кивнул.

— Я не упускал из виду и такого варианта. Не могу назвать себя большим психологом, но мне казалось возможным, что переход от вечернего «я» к дневному происходит у вас как раз при выходе из квартиры, и любое нарушение привычного распорядка может совсем выбить вас из колеи.

— Тогда почему же…

— Сейчас это не имеет значения. Видите ли, мы следили за вами вчера и знаем, куда вы ходите.

— Вы знаете? Расскажите мне, сэр! Расскажите, пожалуйста.

— Не так быстро. В самую последнюю минуту мы вас потеряли. Теперь я хочу сделать следующее: мы проводим вас по тому же самому пути, вплоть до того места, где вчера вас потеряли.

Я надеюсь, что, начиная оттуда, вами начнет руководить привычка, а мы будем следовать по пятам.

— Вы сказали «мы». Разве миссис Рэндалл помогает вам в работе?

Рэндалл замялся, запоздало сообразив, что, как ни крути, придется признаться клиенту в неполной своей искренности. Синтия бросилась ему на помощь.

— Обычно мы такого не делаем, мистер Хог, но этот случай совершенно исключительный. Вам ведь вряд ли понравится вторжение в вашу жизнь обычного наемного оперативника, так что Рэндалл решил заняться этим делом лично, привлекая при необходимости на помощь меня.

— О, даже так. Это крайне любезно с вашей стороны.

— Спасибо, но это совсем не стоит вашей благодарности.

— Нет, что вы, я крайне тронут. Но только… э-э… не знаю, достаточно ли я вам заплатил. Насколько я понимаю, услуги руководителя фирмы должны оплачиваться несколько выше?

Хог смотрел на Синтию; Рэндалл настойчиво подавал жене сигналы «Скажи „да“», но та делала вид, что не замечает его лихорадочной безмолв-

ной жестикуляции.

— Суммы, уплаченной вами, мистер Хог, вполне достаточно. Если возникнет необходимость дополнительных расходов, мы сможем обсудить это позднее.

— Да, конечно. — Хог задумчиво подергал себя за нижнюю губу. — Я в высшей степени признателен вам за такую предусмотрительность, за то, что вы не стали знакомить с моими личными делами никого со стороны. Но я бы хотел… — С неожиданной резкостью он повернулся к Рэндаллу. — Скажите, а как вы поступите, если моя дневная жизнь окажется — ну, скажем, шокирующей?

Было видно, с каким трудом дался ему этот вопрос.

— Все останется строго между нами.

— А предположим, обнаружится не просто скандальное мое поведение, а что-либо гораздо худшее. Что-нибудь преступное. Скотское.

Отвечал Рэндалл, тщательно подбирая слова:

— У меня есть лицензия, выданная штатом Иллинойс. Согласно этой лицензии, я обязан сознавать себя чем-то вроде внештатного работника полиции — в ограниченном смысле. Конечно же, я не могу и не стану покрывать се-

рьезное преступление. Однако в мои обязанности не входит сдавать своих клиентов властям за всякие мелкие грешки. Уверяю вас, мой клиент должен совершить очень серьезный проступок, чтобы у меня возникло желание способствовать его аресту.

— Но вы не можете заверить меня, что ни при каких обстоятельствах не сделаете этого?

— Нет.

Хог закрыл глаза и некоторое время молчал. Когда он заговорил, голос его был едва слышен:

— Но вы ведь не узнали ничего такого — пока?

Рэндалл покачал головой.

— Тогда, возможно, разумнее будет бросить все это дело прямо сейчас. Некоторые вещи лучше не знать.

Взволнованность Хога, его беспомощность в сочетании с благоприятным впечатлением, которое производила эта изящная, аккуратная квартира, вызвали у Синтии прилив сочувствия, о котором она и помыслить не могла вчера вечером.

— Ну зачем вы так нервничаете, мистер Хог, — наклонилась она к нему. — Ведь у вас нет никаких оснований думать, что вы делаете что-либо плохое.

— Да, оснований у меня нет. Никаких оснований, кроме неотвязного предчувствия.

— Но почему?

— Миссис Рэндалл, а бывало у вас так, что вы услышите за спиной какие-то звуки и боитесь повернуться? Случалось вам когда-нибудь проснуться посреди ночи и лежать с плотно зажмуренными глазами, чтобы только не узнать, что именно прервало ваш сон? Есть такие разновидности зла, которые проявляют полную свою силу лишь тогда, когда их существование осознано и признано, когда им смотрят в глаза… И вот здесь есть нечто, чему я не в силах посмотреть в глаза, — обреченно добавил он. — Мне показалось, что у меня есть такие силы, но я ошибался.

— Оставьте, — попробовала успокоить его Синтия. — Реальные факты почти всегда оказываются лучше наших страхов.

— Вы уверены в этом? Почему им не быть значительно хуже наших страхов?

— Потому, что так не бывает, они лучше.

Синтия смолкла, осознав вдруг, что расхожее мнение, которое она преподносит с таким апломбом, — всего лишь бодренькая утешительная ложь, из тех, какими взрослые успокаивают детей. Она вспомнила свою мать: та легла в

больницу, опасаясь аппендицита, — и друзья, и все любящее семейство единодушно считали это обычной мнительностью — и умерла там. От рака.

Нет, факты и вправду бывают значительно хуже самых страшных страхов.

И все равно она не могла согласиться с Хогом.

— Но даже если мы предположим наихудшее. Предположим, что вы действительно занимаетесь чем-то преступным во время своих провалов памяти. Ни один суд этого государства не признает вас ответственным.

Хог бросил на Синтию взгляд, полный ужаса.

— Нет, скорее всего, они не признают меня вменяемым. Но знаете, что они тогда сделают? Вы же знаете это, правда? Вы представляете себе, что делают с сумасшедшими преступниками?

— Конечно знаю, — уверенно ответила Синтия. — С ними обращаются ровно так же, как со всеми прочими пациентами психиатрической клиники, ни о какой дискриминации нет и речи. Я видела это собственными глазами, когда работала в государственной лечебнице.

— Хорошо, вы это видели, но воспринимали все глазами постороннего. А вы можете представить себе, как все это выглядит с другой стороны? Вас

заворачивали когда-нибудь в мокрые простыни? К вашей кровати ставили охранника? Вас кормили принудительно? Вы знаете, что это такое, когда ключ поворачивается в скважине при каждом вашем движении? Когда хочешь спрятаться от непрестанно наблюдающих глаз — и не можешь? — Хог встал и начал нервно мерить комнату шагами. — Но и это не самое плохое. Хуже всего соседи по палате. Вы что, думаете, что человек, у которого иногда отказывает память, не способен различить признаки сумасшествия у окружающих? У некоторых из них изо рта непрерывно текут слюни, другие ведут себя настолько по-скотски, что этого не передать словами. И все они говорят, говорят, говорят. Вы можете представить себе, как лежите на кровати, прикрученные к ней простыней, а рядом кто-то — да где там «кто-то» — что-то непрерывно повторяет: «Маленькая птичка взлетела, а потом улетела; маленькая птичка взлетела, а потом улетела; маленькая птичка взлетела, а потом улетела…»

— Мистер Хог! — Рэндалл встал и встряхнул Хога за плечо. — Мистер Хог, держите себя в руках! Нельзя так себя вести.

Хог растерянно смолк. Он перевел взгляд с Синтии на Рэндалла, потом обратно, и на его лице

появилось пристыженное выражение.

— Ничего, мистер Хог, все в порядке, — сухо сказала Синтия. Однако прежнее отвращение вернулось.

— А я бы не сказал, что все в порядке, — возразил Рэндалл. — Думаю, сейчас самый подходящий случай кое в чем разобраться. Последнее время происходит много такого, чего я не понимаю, и мне кажется, мистер Хог, что вы должны прямо и откровенно ответить на несколько вопросов.

— Конечно, отвечу, мистер Рэндалл, если только сумею. — Хог искренне недоумевал. — Неужели вам кажется, что я чего-то недоговариваю?

— Я в этом абсолютно уверен. Во-первых, вы находились в лечебнице для психически невменяемых преступников. Когда это было?

— Что вы, такого не было никогда. Во всяком случае, я не думаю, чтобы такое было. Я не помню ничего подобного.

— А чем же можно тогда объяснить истерическую болтовню, которая так и сыпалась из вас последние пять минут? Вы что, придумывали все это?

— О нет! Это… Это было… это связано с санаторием Святого Георгия. Это не имеет ни малейшего отношения к… к лечебнице подобного рода.

— Санаторий Святого Георгия, говорите? К этому мы еще вернемся. Мистер Хог, расскажите мне, пожалуйста, что именно произошло вчера?

— Вчера? Днем? Но, мистер Рэндалл, вы же знаете, что я не могу рассказать, что происходит со мной днем.

— А вот я думаю — можете. Там творилось черт знает что, какое-то непонятное мошенничество, и вы находились в самом центре происходящего. Когда вы остановили меня перед зданием «Акме», что вы мне тогда сказали?

— «Акме»? Я ничего не знаю про «Акме». Я что, был там?

— Были, были, нечего строить невинные глазки, и не только были, но и еще сыграли со мной какую-то подлую шутку — накачали наркотиками, или загипнотизировали, или еще что.

Хог растерянно перевел взгляд с горящего возмущением Рэндалла на Синтию. Однако ее лицо оставалось бесстрастным, с этой стороны помощи ожидать не приходилось. В отчаянии он повернулся к Рэндаллу.

— Поверьте, мистер Рэндалл, я просто не понимаю, о чем вы говорите. Возможно, я заходил в «Акме». Но если я даже был там и делал что-то в отношении вас, мне это неизвестно.

Слова Хога звучали так серьезно, с такой торжественной искренностью, что Рэндалл заколебался, несмотря на всю свою убежденность. И все же… какого черта, ведь кто-то провел его за нос. Можно попробовать подойти к делу с другой стороны.

— Мистер Хог, если вы и вправду настолько искренни со мной, как это можно заключить из ваших слов, у вас, конечно, не появится никаких возражений против того, что я собираюсь сейчас сделать.

Рэндалл вынул из кармана серебряный портсигар, открыл его и протер зеркально-гладкую внутреннюю поверхность крышки носовым платком.

— Пожалуйста, мистер Хог.

— Что вам нужно?

— Мне нужны отпечатки ваших пальцев.

Ошеломленный Хог несколько раз судорожно сглотнул.

— Зачем вам мои отпечатки? — еле слышно спросил он.

— А в чем, собственно, дело? Если вы не замешаны ни в чем дурном, эта процедура никак не может повредить вам.

— Вы хотите сдать меня в полицию?

— У меня нет к тому никаких оснований. У меня вообще нет на вас никакого материала. Ну так давайте снимем пальчики.

— Нет!

Рэндалл встал, шагнул к Хогу и угрожающе навис над ним.

— А как вам понравится, если я переломаю вам руки? — спросил он, уже не сдерживая охватившую его ярость.

Искоса взглянув на сыщика, Хог испуганно съежился, однако, похоже, остался тверд в своем нежелании дать отпечатки пальцев. Отвернув лицо к стене, он крепко прижал ладони к груди.

Рэндалл почувствовал прикосновение к своей руке.

— Хватит, Тедди. Пошли отсюда.

Хог поднял глаза.

— Да, — сказал он. — Уходите. И никогда не возвращайтесь.

— Пойдем, Тедди.

— Сейчас, потерпи минуту. Я еще не совсем покончил с мистером Хогом.

Хог посмотрел на Рэндалла, было видно, что это потребовало от него большого усилия.

— Мистер Хог, вы уже дважды упоминали санаторий Святого Георгия как свою альма-матер.

Так вот, я хочу, чтобы вы знали, что я знаю, что такого места не существует в природе.

И снова Хог, если судить по его виду, искренне изумился.

— Но ведь этот санаторий существует, — настаивал он. — Ведь я же пробыл там целых… Во всяком случае, мне сказали, что он так называется, — добавил он уже с сомнением в голосе.

Презрительно фыркнув, Рэндалл повернулся к двери.

— Пошли, Синтия.

В кабине лифта Синтия повернулась к мужу.

— Чего это ты сорвался с цепи?

— А того, — со злостью ответил Рэндалл, — что не люблю такие штучки. Когда мешают противники, это куда ни шло, но когда тебя дурит твой же собственный клиент, это уже не лезет ни в какие ворота. Он вывалил перед нами целую кучу вранья, он мешал нашей работе, он организовал какую-то подлую махинацию в этой истории с «Акме». Мне не нравится, когда клиенты откалывают такие номера. Я не собираюсь с этим мириться. Деньги мне нужны, но не настолько.

— Ну что ж, — вздохнула Синтия. — Я лично с радостью готова вернуть ему эти деньги. И просто счастлива, что со всем этим покончено.

— Как это — «вернуть ему эти деньги»? Я не намерен возвращать ему никаких денег, я хочу их заработать.

Кабина лифта слегка дернулась, остановившись на первом этаже, но Синтия не прикоснулась к двери.

— Тедди! Что это ты еще придумал?

— Хог поручил мне выяснить, что он делает. Какого черта, вот я и выясню это — с его помощью или без оной.

Было видно, что Рэндалл ждет ответа, но Синтия молчала.

— А тебе, — добавил он с вызовом, но уже не так уверенно, — совсем не обязательно в этом участвовать.

— Если ты продолжишь расследование, я тоже не останусь в стороне. Вспомни, что ты мне обещал.

— А что я обещал? — с невинным видом вопросил Рэндалл.

— Ты прекрасно все помнишь.

— Но послушай, Син, я собираюсь просто поколачиваться здесь, пока он не выйдет из дому, а потом проследить за ним. На это может уйти целый день. Он может решить и вообще никуда сегодня не ходить.

— Вот и прекрасно. А я буду ждать вместе с тобой.

— Но кому-то ведь надо приглядеть за конторой.

— Вот и пригляди за конторой, — предложила Синтия. — А я буду вести наблюдение за Хогом.

— Но это же просто смешно. Ты…

Кабина лифта поползла вверх.

— Ну вот. Кто-то вызывает лифт.

От ткнул пальцем в кнопку «стоп», а затем — в кнопку первого этажа. На этот раз они не стали задерживаться в кабине.

Рядом с входной дверью дома располагалось небольшое помещение — нечто вроде холла или комнаты ожидания, туда Рэндалл и направил Синтию.

— Нам нужно решить этот вопрос… — начал он.

— Он давно решен.

— Ладно, твоя взяла. Теперь выберем какую-нибудь точку.

— А почему не прямо здесь? Мы сядем здесь, и он не сможет выйти, не попав нам на глаза.

— Хорошо.

Лифт поехал вверх почти сразу, как они из него вышли. Теперь характерное звяканье возвестило

о его возвращении на первый этаж.

— Ну, лапа, принимай низкий старт.

Согласно кивнув, Синтия отодвинулась поглубже в тень. С того места, где стоял Рэндалл, он видел отражение двери лифта в украшавшем холл зеркале.

— Это Хог? — прошептала Синтия.

— Нет, — так же тихо ответил ей муж. — Этот мужик крупнее. Он похож на…

Осекшись, Рэндалл схватил Синтию за руку.

Сквозь открытую дверь холла они увидели фигуру Джонатана Хога. Никуда не поворачиваясь, не заметив наблюдавших за ним сыщиков, он прошел прямо на улицу. Когда входная дверь захлопнулась, рука Рэндалла немного расслабилась.

— Чуть не прошляпил, — признал он с облегчением в голосе.

— А что случилось?

— Не знаю. Паршивое зеркало. Искажение. Ну — ноги в руки.

Выйдя из двери, они увидели, как объект их охоты спустился на тротуар и, как и днем раньше, свернул налево.

Рэндалл остановился в нерешительности.

— Он может увидеть нас, но этим стоит, пожа-

луй, рискнуть. Я не хочу его потерять.

— А может, поехать за ним в такси? Тогда, если он опять поедет на автобусе, мы окажемся в лучшем положении, не надо будет прыгать вслед за ним.

Даже себе самой Синтия не хотела признаться, что старается держаться подальше от Хога.

— Нет, он может и не сесть на автобус. Пошли.

Преследовать Хога не составило особого труда: он шел по улице в быстром, но не выматывающем темпе. Подойдя к той же, что и вчера, автобусной остановке, он купил газету и сел на скамейку. Рэндалл и Синтия прошли у него за спиной и укрылись за входной дверью магазина.

Когда подошел автобус, Хог, как и прежде, поднялся на второй ярус; они тоже сели в этот автобус, но остались внизу.

— Похоже, он едет туда же, что и вчера, — заметил Рэндалл. — Сегодня мы прищучим его, маленькая.

Синтия не ответила.

Когда автобус приблизился к «Акме», они были наготове и напряженно ждали появления Хога, но тот все не спускался. Резко дернувшись, автобус поехал дальше, Синтия и Рэндалл разочарованно сели.

— Как ты думаешь, что это он еще придумал? — беспокойно спросил Рэндалл. — Думаешь, он увидел нас?

— А может, он стряхнул нас с хвоста?

В голосе Синтии звучала плохо скрываемая надежда.

— Как? Спрыгнув с верхушки автобуса? Ну-ну!

— Не совсем, но почти так. Если у светофора рядом с нами встал какой-нибудь другой автобус, Хог легко мог туда перебраться. Один раз какой-то человек проделал такое у меня на глазах. А в задней части автобуса это можно сделать почти незаметно.

Рэндалл на секунду задумался.

— Я почти уверен, что ни один автобус не останавливался рядом с нашим. Но все равно Хог мог перебраться на крышу какого-нибудь грузовика, хотя одному Богу известно, как он потом слезет.

После этого разговора сыщик утратил последние остатки спокойствия.

— А знаешь, я подойду к лестнице и попробую заглянуть наверх.

— И встретишься с ним нос к носу? Ты прямо как ребенок.

Несколько кварталов неохотно уступивший Рэндалл просидел молча.

— А вот и наш угол, — заметил он.

Синтия кивнула; она не хуже мужа видела, что автобус подъезжает к их конторе, точнее — к ближайшей от нее остановке. Пришлось вынимать косметичку и пудрить нос — в восьмой раз за одну эту поездку. Маленькое зеркальце вполне сносно играло роль перископа для наблюдения за выходящими через заднюю дверь пассажирами.

— Вот он, Тедди!

Рэндалл мгновенно вскочил на ноги и бросился по проходу, размахивая при этом руками, чтобы привлечь внимание кондуктора. Вид у кондуктора был недовольный, однако он просигналил водителю задержаться.

— Чего не следишь за остановками? — пробурчал он.

— Прости, друг, я не здешний. Пошли, Син.

Человек, которого они преследовали, как раз входил в дверь того самого здания, где располагалась их контора. Рэндалл остановился.

— Странно мне все это, лапа.

— Ну и что будем делать?

— Пойдем за ним.

До здания они добрались почти бегом, но в вестибюле Хога уже не было. Мидуэй-Коптон — здание не очень большое и не из роскошных,

иначе арендная плата была бы им не по карману. В нем всего два лифта, один из которых, пустой, стоял внизу, а второй, судя по указателю, только что тронулся вверх.

Рэндалл подошел к открытой кабине, но входить туда не стал.

— Джимми, — сказал он. — Сколько пассажиров сейчас в том лифте?

— Двое, — не задумываясь ответил лифтер.

— Точно?

— Да. Я трепался с Бертом до самого момента, когда он закрыл двери. Мистер Гаррисон и какой-то еще тип. А что?

Рэндалл сунул ему четвертак.

— Да так, — неопределенно ответил он, не сводя глаз с медленно поворачивающейся стрелки указателя. — А на какой этаж поехал мистер Гаррисон?

— Седьмой.

Стрелка как раз остановилась на семерке.

— Отлично.

Стрелка двинулась снова, миновала восьмерку, девятку и остановилась на числе десять.

Рэндалл впихнул Синтию в кабину.

— Наш этаж, Джимми, — чуть не выкрикнул он. — И побыстрее.

На пульте рядом с четверкой настойчиво мигала сигнальная лампочка «вверх». Джимми потянулся было к кнопкам, но Рэндалл схватил его за руку.

— Ничего с ними не случится, подождут немного.

Лифтер пожал плечами, но возражать не стал. Коридор десятого этажа оказался пустым. Мгновенно оценив обстановку, Рэндалл повернулся к Синтии.

— Пробегись быстренько по другому крылу, Син, — сказал он и быстро двинулся направо, к их конторе.

Синтия, вообще-то говоря, от своей прогулки не ожидала никаких результатов. Она находилась в полной уверенности, что Хог приехал сюда из-за их конторы. Однако привычка во время операций беспрекословно выполнять указания мужа взяла свое: если Тедди хочет проверить и второй коридор, она, конечно же, так и сделает. В плане этаж представлял собой нечто вроде заглавной «Н», причем лифты располагались в перекладине буквы. Синтия свернула налево. Никого. Развернувшись, она посмотрела в противоположную сторону — опять пустой номер. И тут у нее появилась мысль, что Хог мог выйти на по-

жарную лестницу — вероятность ничтожная, но и исключать ее тоже нельзя. В действительности пожарная лестница находилась в том направлении, куда она посмотрела сначала, в задней части здания, но Синтию обманула привычка — в том крыле, где располагалась их контора, все, конечно же, было зеркально вывернуто по сравнению с этим крылом.

Сделав три или четыре шага по коридору, выходящему на улицу, она осознала свою ошибку: впереди виднелось открытое окно, за которым не было никакой пожарной лестницы. Негромко выругав себя за свою глупость, Синтия повернулась.

И увидела в нескольких шагах от себя Хога.

И тогда эта профессионалка крайне непрофессионально взвизгнула.

— А, миссис Рэндалл, — зловеще улыбнулся Хог.

Синтия ничего не ответила, она просто не могла придумать, что тут можно сказать. В ее сумочке лежал пистолет тридцать второго калибра, появилось страшное желание выхватить его и начать стрелять. Когда-то она работала «приманкой» в полицейской наркобригаде и получила две благодарности за хладнокровную отвагу в

опасных ситуациях; сейчас она не замечала у себя ни хладнокровия, ни отваги.

Хог сделал шаг в ее сторону.

— Вы ведь хотели найти меня здесь?

Синтия отступила на шаг.

— Нет! — еле слышно выдохнула она. — Нет!

— Но ведь я знаю, что хотели. Вы думали, что я в вашей конторе, однако я предпочел встретиться не с вашим мужем, а с вами. Здесь.

Сейчас коридор был глухим и безлюдным, не слышались даже обычные в таких местах перестуки пишущих машинок и обрывки разговоров. Словно огромные бельма, слепо таращились матовые стеклянные двери. Едва долетавший сюда, на десятый этаж, уличный шум был сейчас единственным звуком, если не считать немногих слов, которыми обменивались Хог и Синтия.

Хог подошел ближе.

— Вы ведь хотели снять у меня отпечатки пальцев? Вы хотели проверить их и узнать про меня всякие вещи. Вы и ваш всюду лезущий со своим длинным носом муженек.

— Отойдите от меня!

Хог продолжал улыбаться.

— Ну что вы. Вы ведь хотели получить отпечатки моих пальцев? Ну так вы их получите.

Вытянув вперед руки с широко растопыренными пальцами, он потянулся к Синтии. В ужасе она отпрянула от этих страшных, готовых вцепиться в нее рук. И сейчас Хог не казался маленьким, он стал выше, шире — даже крупнее, чем Тедди. Его глаза смотрели на нее сверху вниз.

Каблук пятившейся Синтии во что-то уперся, она поняла, что дошла до самого конца коридора — до тупика.

Руки приближались.

— Тедди! — закричала она. — Тедди!

Склонившийся над ней Тедди шлепал ее по щекам.

— Прекрати, — возмущенно сказала Синтия. — Больно ведь.

Рэндалл вздохнул с облегчением.

— Ну, маленькая, уж я тут перепсиховал. Ты же была в отключке, не знаю сколько времени.

Только сейчас вспомнив все происшедшее, Синтия в ужасе застонала.

— И ты знаешь, где я тебя подобрал? Здесь! — Он указал на место прямо под раскрытым окном. — Упади ты не так удачно, тебя бы сейчас соскребали с асфальта. А что случилось? Захотела посмотреть вниз, и головка закружилась?

— Ты поймал его?

— Вот это понимаю — профессионал, — с восхищением посмотрел на жену Рэндалл. — Нет, хотя почти поймал. Я увидел его в противоположном конце коридора и немного помедлил, хотелось посмотреть, что это он задумал. Если бы ты не закричала, я бы его точно…

— Если бы я не закричала?

— Ну да. Он остановился перед дверью нашей конторы, дверь хотел вскрыть, наверное, а тут вдруг…

— Кто остановился?

— Как кто? — недоуменно посмотрел на жену Рэндалл. — Да Хог же, конечно… Синти! Встряхнись! Никак ты собираешься снова шлепаться в обморок?

Синтия набрала в легкие воздух и медленно выдохнула.

— Со мной все в порядке, — мрачно сказала она. — Сейчас. Когда ты рядом. Доведи меня до конторы.

— Может, отнести тебя?

— Нет, только дай руку.

Осторожно подняв жену на ноги, Рэндалл начал отряхивать ее платье.

— Брось, не до того, — отмахнулась от него Синтия. Однако сама она задержалась, чтобы

попытаться — безо всякого успеха — послюнявленным пальцем остановить длинную стрелку на чулке.

Открыв дверь конторы, Рэндалл осторожно усадил Синтию в кресло и протер ей лицо мокрым полотенцем.

— Ну как, лучше?

— Да я вообще в порядке — физически. Нужно только кое-что выяснить. Так, значит, Хог пытался забраться в нашу контору?

— Ага. Вовремя мы врезали этот хитрый замок.

— И как раз в это время я закричала?

— Ну да.

Синтия задумчиво побарабанила пальцами по ручке кресла.

— В чем дело, Син?

— Ни в чем. Все нормально, кроме одного обстоятельства: я закричала потому, что Хог пытался меня задушить.

Рэндаллу потребовалось довольно много времени, чтобы хоть что-нибудь сказать, да и после раздумий его вопрос не блистал глубокомыслием.

— А?

— Да, милый, я понимаю. Вот так оно все и есть, хотя это — сумасшедший дом какой-то. Хог опять

сыграл с нами эту шутку, не знаю уж, как ему такое удается. Только я могу поклясться на чем угодно, что он пытался меня задушить. Точнее, что я так думала.

Синтия подробно изложила мужу все случившееся.

— Ну и что же теперь получается? — закончила она свой рассказ.

— Хотел бы я знать, — ответил Рэндалл. — Очень хотел бы. Если бы не вчерашняя история в «Акме», я бы сказал, что у тебя закружилась голова, ты упала в обморок и очнулась немного не в себе. Но теперь я и не знаю, кто из нас свихнулся. Ведь я был абсолютно уверен, что вижу его.

— А может, у нас обоих крыша поехала? Стоило бы нам вместе показаться хорошему психиатру.

— У обоих? А может, все-таки у одного кого-нибудь? Разве бывает, чтобы два человека свихнулись одним и тем же образом?

— Бывает. Это случается, хотя и редко. Folie à deux.

— Фоли аду?

— Индуцированное бредовое расстройство. Это когда слабости двоих людей совпадают, и они усиливают сумасшествие друг друга.

Синтия вспомнила истории болезни, которые

когда-то изучала: обычно один из членов такой психованной парочки играл доминирующую роль, а другой — подчиненную, но сейчас не хотелось упоминать об этом. Она имела собственное мнение о том, кто доминирует в их семье, однако из соображений стратегических держала это мнение при себе.

— А может, — сказал Рэндалл после долгого молчания, — нам просто нужно хорошенько отдохнуть? Съездить на Мексиканский залив, поваляться на солнышке?

— А вот эта, — охотно поддержала его Синтия, — мысль отличная, вне зависимости от чего бы то ни было. Я никогда не понимала, откуда берутся охотники жить в таком мерзком, грязном, уродливом месте, как Чикаго.

— Сколько у нас денег?

— После оплаты всех счетов и налогов останется сотен восемь. Ну и пять сотен Хога, если ты хочешь считать и их тоже.

— Думаю, мы их заработали, — мрачно сказал Рэндалл. — Послушай! А у нас и вправду есть эти деньги? А вдруг это тоже было надувательством?

— Ты хочешь сказать, никакого мистера Хога никогда и не было, а сейчас придет сестричка и принесет нам вкусный обед?

— Мм… ну что-то в этом роде. Так есть у тебя эти деньги?

— Я думаю, что есть. Подожди секунду.

Открыв сперва сумочку, а затем — закрытое на молнию отделение этой сумочки, Синтия проверила наличность.

— Здесь они, как миленькие. Красивые такие зелененькие бумажки. Поехали в отпуск, Тедди. Да и вообще, чего мы сидим в этом Чикаго?

— А того, что здесь для нас есть работа. Кушать-то надо или нет? Кстати, спсихел я или нет, но стоит узнать, кто за это время звонил.

Рэндалл потянулся было к телефону, но тут его взгляд упал на пишущую машинку. На секунду Рэндалл замер и смолк.

— Подойди сюда, — сказал он наконец каким-то чужим, напряженным голосом. — Погляди.

Синтия вскочила на ноги, подошла к мужу и заглянула через его плечо. В пишущую машинку был вставлен их собственный фирменный бланк, на котором чернела одна-единственная строчка:

ЛЮБОПЫТНОМУ НОС ПРИЩЕМИЛИ.

Синтия почувствовала болезненный спазм где-то в нижней части желудка. Она стояла и молчала.

— Син, это ты напечатала?

— Нет.

— Ты уверена?

— Да.

Синтия потянулась, чтобы вынуть лист из машинки, но Рэндалл остановил ее руку.

— Не трогай. Отпечатки.

— Ладно. Но только есть у меня предчувствие, — добавила она, — что на этом ты не найдешь вообще никаких отпечатков.

— Может, и нет.

И все-таки Рэндалл сделал попытку. Вынув из нижнего ящика стола свою технику, он опылил и бумагу, и машинку — одинаково безрезультатно. Не было даже отпечатков пальцев Синтии, которые могли бы запутать дело; отличаясь образцовой аккуратностью, она ежедневно протирала машинку перед уходом домой.

— Сдается, ты видел, как он выходит из конторы, а не входит в нее, — заметила Синтия, наблюдая за бесплодными стараниями мужа.

— Чего? Как это?

— Вскрыл, наверное, замок.

— Только не этот. Ты забываешь, что этот замок — одно из высших достижений мистера Йейла. Сломать его, очень постаравшись, можно, но

вскрыть — никогда.

Синтия не ответила, она просто не знала, что и ответить. Рэндалл посмотрел на машинку с таким выражением, словно хотел спросить у нее, что же произошло в этой комнате, затем выпрямился, собрал свое хозяйство и засунул его в ящик.

— Что-то есть мерзкое во всей этой истории, — сказал он, начиная нервно расхаживать по слишком тесной для такого занятия комнате.

Синтия вынула из своего стола тряпочку, стерла порошок с машинки, села и стала молча смотреть на взволнованного мужа. Беспокойство, отражавшееся на ее лице, не было беспокойством за себя, однако назвать его полностью материнским тоже было нельзя. Она беспокоилась за них обоих, за всю семью.

— Син, — резко остановился Рэндалл. — Этому нужно положить конец.

— Вот и прекрасно, — согласилась Синтия. — Давай положим этому конец.

— Каким образом?

— Уедем в отпуск.

Рэндалл покачал головой.

— Я не могу сбежать от этой истории. Я должен знать.

— А вот я бы предпочла ничего не знать, —

вздохнула Синтия. — Мы встретились с чем-то слишком огромным, бороться нам просто не под силу — так что же постыдного будет в бегстве?

— Что это с тобой, Син? — недоуменно посмотрел на нее Рэндалл. — Раньше ты никогда не трусила.

— Да, — медленно произнесла она. — Я никогда не трусила. Но у меня никогда и причин к тому не было. Погляди на меня, Тедди, — ведь ты знаешь, что я не из «женственных» женщин. Мне совсем не надо, чтобы ты ввязывался в драку, когда в ресторане ко мне пристает какой-нибудь балбес. Я не начинаю визжать при виде крови и не требую, чтобы ты исключил из своего лексикона выражения, не достойные моих нежных девичьих ушек. А что касается работы — разве я тебя хоть раз подводила? Я имею в виду — из-за трусости. Подводила?

— Кой черт, конечно нет. А я этого и не говорю.

— Но здесь совсем другое дело. Несколько минут назад — ведь у меня в сумочке лежал пистолет, но я не могла его использовать. Бессмысленно спрашивать почему. Просто не могла.

Рэндалл выругался длинно и цветисто.

— Жаль, я его тогда не видел. Уж за мной бы не заржавело.

— Ты уверен?

Увидев, как изменилось выражение лица мужа, она подошла к нему и чмокнула его в кончик носа.

— Я совсем не хочу сказать, что ты бы испугался, ты же понимаешь, что я имела в виду совсем другое. Ты смелый, ты сильный, и я лично считаю тебя умным. Но ты подумай: вчера он обвел тебя вокруг пальца и заставил поверить, что ты видишь вещи, которых не было и в помине. Ну так почему же ты не взялся за свой пистолет?

— У меня не было ни случая, ни причины.

— Вот именно. Ты видел то, что должен был видеть, согласно чьему-то решению. Как можно драться, если нельзя верить даже своим собственным глазам?

— Какого черта, не может же этот проклятый коротышка…

— Не может, говоришь? А вот я тебе скажу, что он может.

Синтия начала загибать пальцы.

— Он может быть в двух местах одновременно. Он может заставить тебя видеть одно, а меня в то же самое время — другое. Помнишь, перед «Акме»? Он может заставить тебя считать, что ты посетил фирму, которая не существует, на этаже,

которого отродясь не бывало. Он может пройти сквозь запертую дверь, чтобы воспользоваться пишущей машинкой. И он не оставляет отпечатков пальцев. Ну и что же получается, если сложить все это вместе?

— Чушь какая-то получается, — раздраженно махнул рукой Рэндалл. — Или колдовство. А в колдовство я не верю.

— И я тоже.

— Ну а тогда получается, — засмеялся Рэндалл, — что мы оба с приветом.

Однако смех его трудно было назвать веселым.

— Возможно, и так. Если это колдовство, нам стоило бы сходить к священнику.

— Я же сказал, что не верю в колдовство.

— Слышала. Ну а если второй вариант, нам нет никакого смысла пытаться следить за мистером Хогом. Ведь не может человек в белой горячке переловить своих зеленых чертей и сдать их в зоопарк. Ему лучше обратиться к доктору, как, возможно, и нам.

— Слушай! — неожиданно насторожился Рэндалл.

— Что слушать?

— Ты сейчас напомнила мне о совсем упущенном нами моменте. Врач Хога, ведь мы так и не

проверили его.

— Но ты же сам и проверил, забыл, что ли? Никакого такого врача не существует.

— Я не про доктора Рено, я про доктора Потбери, того, к которому Хог носил свою грязь из-под ногтей.

— А ты что, веришь, что так оно и было? Я считала это частью той кучи вранья, которую он нам наплел.

— Я тоже. Но проверить все-таки не мешает.

— Зуб даю, нет такого доктора.

— Скорее всего, так оно и есть, но нам нужно знать. Дай-ка телефонную книгу.

Получив у Синтии справочник, Рэндалл начал его перелистывать.

— Потбери… Потбери. Здесь их целых полстолбца. Но среди них ни одного Д. М.[5], — подытожил он безуспешные поиски. — Посмотрим «желтые страницы», иногда врачи не помещают в справочниках своего домашнего адреса.

Синтия передала мужу другой том телефонной книги.

— «Врачи и хирурги». Господи, да сколько же их тут! Врачей больше, чем забегаловок, — мож-

---

[5] Примечания: 5

Д. М. — доктор медицины.

но подумать, половина города только и делает, что лечится. Ну вот, пожалуйста. «Потбери, П. Т., Д. М.»

— Да, возможно, это тот самый, — согласилась Синтия.

— А чего же мы ждем? Поедем и узнаем.

— Тедди!

— Ну что тут такого? — оправдывающимся голосом спросил Рэндалл. — Ведь Потбери — это не Хог и…

— Не знаю, не знаю.

— Чего? Что ты хочешь сказать? Ты думаешь, что Потбери, может быть, тоже замешан во всей этой дикой афере?

— Я не знаю. Просто мне хотелось бы совсем позабыть про нашего милого мистера Хога.

— Слушай, киска, да чего же тут такого страшного? Сяду я в машину, быстренько доеду, задам глубокоуважаемому доктору пару вполне пристойных, уместных вопросов и вернусь как раз к ланчу.

— Машину мы отдали в ремонт, на притирку клапанов, ты что, забыл?

— Ну и что, поеду надземкой, даже и быстрее.

— Если ты так настаиваешь, поедем вместе. Теперь, Тедди, мы все время будем вместе.

Рэндалл задумчиво подергал себя за губу.

— Может, ты и права. Мы же не знаем, где сейчас Хог. Если ты предпочитаешь…

— Предпочитаю. Совсем недавно мы с тобой разошлись на какие-то три минуты — и посмотри, что из этого вышло.

— Да, пожалуй. И уж конечно, очень не хочется, чтобы с тобой что-то случилось.

— Я не про себя, я про нас, — возразила Синтия. — Если с нами случится, я бы предпочла, чтобы с обоими случилось одно и то же.

— Хорошо, — с неожиданной серьезностью согласился Рэндалл. — С этого момента мы держимся вместе. Если хочешь, сцепимся наручниками.

— Незачем, я и так от тебя не отстану.

6

Кабинет Потбери располагался на юге города, за университетом. Миля за милей рельсы надземки тянулись среди давно знакомых жилых кварталов. Обычно подобные пейзажи воспринимаются механически, почти не отражаясь в мозгу, но сегодня Синтия глядела на них и видела, причем видела окрашенными в тона своего мрачного настроения.

Четырех-, пятиэтажные дома без лифтов, отвернувшиеся фасадами от линии надземки, в каждом здании — не меньше десяти семей, а чаще — два десятка, даже больше. Дома эти теснятся почти вплотную друг к другу, деревянные крылечки черных лестниц ясно говорят, какими ловушками станут эти перенаселенные крольчатники в случае пожара, несмотря на свои кирпичные стены. Семейные постирушки, вывешенные сохнуть на эти самые крылечки, мусорные баки. Миля за милей уродливого, унизительного убожества.

И на всем — черная пленка грязи, вечной и неизбежной, — в точности такой же, как и грязь на раме вагонного окна, сквозь которое смотрит Синтия.

Она начала думать об отпуске, о чистом воздухе и ярком солнечном свете. Зачем оставаться в Чикаго? Чем этот город может оправдать свое существование? Один приличный бульвар, один приличный пригород на севере, но жить в нем по карману только богатым, два университета и озеро. А все остальное — бесконечные мили грязных, наводящих тоску улиц. Этот город словно огромный загон для скота.

Теперь дома сменились вагонным парком надземки, поезд свернул налево и полетел на восток. Еще несколько минут поездки, и они сошли на остановке Стоуни-Айленд; Синтия с большим облегчением вышла из поезда, избавилась от слишком уж откровенных, повергающих в уныние картин изнанки повседневной жизни — даже шум и грошовое торгашество Шестьдесят третьей улицы, по которой шли теперь они с Рэндаллом, казались предпочтительнее.

Окна кабинета Потбери выходили на улицу, давая великолепный вид на эстакаду надземки. В таком месте терапевт может не сомневаться, что пациентов у него будет достаточно, в равной степени ему не приходится сомневаться, что ни богатых людей, ни знаменитых среди этих пациентов не окажется. Маленькая душная комната

ожидания была переполнена, но очередь двигалась быстро, так что ждать Рэндаллу и Синтии пришлось недолго.

— Кто из вас пациент? — спросил Потбери, окинув их взглядом. Выглядел врач довольно раздраженным.

Они собирались подойти к вопросу о Хоге исподволь, использовав в качестве предлога для визита недавний обморок Синтии. Следующая фраза, произнесенная Потбери, совершенно поломала такую схему — с точки зрения Синтии.

— Кто бы ни был пациентом, второй может подождать снаружи. Я не люблю устраивать здесь митинги и демонстрации.

— Моя жена… — начал Рэндалл.

Синтия крепко сжала его руку.

— Моя жена и я, — без малейшей запинки перестроился он, — хотели задать вам, доктор, пару вопросов.

— Ну и?.. Говорите.

— У вас был один пациент — некий мистер Хог.

Торопливо встав, Потбери подошел к выходящей в комнату ожидания двери, убедился, что она плотно закрыта, и повернулся спиной к этому единственному выходу из кабинета.

— Ну, так что же насчет Хога? — зловеще спросил он.

Рэндалл вынул свои документы.

— Вы можете сами убедиться, что я имею вполне законное право проводить расследование. У моей жены тоже есть лицензия.

— Какое отношение имеете вы к… к упомянутому вами человеку?

— Он поручил нам провести некое расследование. Ваша профессия чем-то близка к моей, и как врач вы понимаете, что я предпочитаю откровенность…

— Вы работаете на него?

— И да и нет. Если конкретнее, мы пытаемся узнать некоторые факты, касающиеся его жизни, но ему это известно, мы не делаем ничего за его спиной. Можете, если хотите, позвонить и убедиться в этом лично.

Рэндалл сделал такое предложение скорее вынужденно, он надеялся, что Потбери им не воспользуется.

Именно так Потбери и поступил, однако его поведение не внушало особых надежд.

— Разговаривать с ним? Только под страхом смертной казни. Что вы хотите про него узнать?

— Несколько дней назад, — осторожно начал

Рэндалл, — Хог принес вам на анализ некое вещество. Я хочу узнать, что это было за вещество.

Потбери негодующе фыркнул.

— Всего несколько минут назад вы сами напомнили мне о родстве наших профессий. Удивляюсь, как вам в голову могло прийти задать подобный вопрос.

— Я понимаю вашу точку зрения, я знаю, что врачебные сведения о пациенте являются конфиденциальными. Однако в данном конкретном случае имеется…

— Вам лучше этого не знать.

Рэндалл на секунду задумался.

— Знаете, доктор, я достаточно насмотрелся на изнанку жизни, так что вряд ли что-нибудь может меня шокировать. Может быть, вас стесняет присутствие миссис Рэндалл?

Потбери с интересом посмотрел на него, а затем перевел взгляд на Синтию.

— Вы выглядите довольно приличными людьми, — снизошел он в конце концов. — Вероятно, вы и вправду считаете, что шокировать вас почти невозможно. Но позвольте дать вам хороший совет. Как я понимаю, вы тем или иным образом связаны с этим человеком. Так вот, держитесь от него подальше. Не имейте с ним никаких дел. И

не спрашивайте меня, что было под его ногтями.

Синтия с трудом сдержала возглас удивления. Она не участвовала в беседе, однако следила за ней очень внимательно. И Тедди ни словом не упомянул прежде о ногтях.

— Но скажите мне, почему? — настаивал Рэндалл.

Потбери начинал подавать признаки раздражения.

— Вы довольно глупый юноша, сэр. Позвольте мне сказать вам следующее: если вы знаете об этой личности не больше, чем можно судить по вашему поведению, то не имеете и малого представления о бездонности скотства, возможного в этом мире. И это ваше счастье. Лучше, несравненно лучше не знать этого.

Рэндалл помедлил, он понимал, что спор поворачивается не в его пользу. Затем он сделал новую попытку:

— Хорошо, доктор, предположим, вы правы. Но почему же тогда, зная, что он такой злодей, вы не сообщили о нем в полицию?

— А откуда вы знаете, что не сообщил? Но я отвечу вам на ваш вопрос, сэр. Нет, я не сообщил о нем в полицию и поступил так по очень простой причине: от этого не было бы никакого проку.

Наши блюстители порядка не обладают ни умом, ни фантазией, необходимыми, чтобы хотя бы представить себе саму возможность связанного с Хогом зла. В наши дни, в наш век он просто неуязвим для правосудия.

— Простите, я не понял, что вы имели в виду, говоря «в наши дни, в наш век».

— Ничего, не обращайте внимания. И вообще с обсуждением этого вопроса покончено. Вначале вы сказали что-то про свою жену, так она что, хотела со мной проконсультироваться?

— Ерунда, — торопливо вмешалась Синтия. — Ровно ничего серьезного.

— Просто предлог? — почти дружелюбно улыбнулся Потбери. — Так что там у вас было?

— Пустяки. Утром со мной случился обморок, но сейчас все в порядке.

— Хм-м. Вы ведь не в положении? По глазам не похоже. Вид у вас вполне здоровый, ну, может, чуть анемичный. Думаю, вам не повредило бы побольше солнца и воздуха.

Подойдя к дальней стене кабинета, Потбери открыл белый шкафчик и начал перебирать пузырьки. Через минуту он вернулся с небольшим стаканчиком, наполненным янтарно-коричневой жидкостью.

— Выпейте это.

— А что это такое?

— Тонизирующее. В его составе как раз достаточно «того, от чего проповедник заплясал», чтобы вам понравилось.

Синтия нерешительно посмотрела на мужа.

— Не хочется пить в одиночку? — весело поинтересовался Потбери, перехватив этот взгляд. — Ну что ж, нам это тоже не повредит.

Он опять отошел к шкафчику и вернулся с двумя новыми порциями коричневатой жидкости, одну из которых вручил Рэндаллу.

— Ну, давайте за то, чтобы забыть обо всех неприятностях, — сказал он, поднял свой стаканчик и опрокинул его в рот.

Рэндалл тоже выпил, а затем его примеру последовала и Синтия. «Вполне приличная отрава», — подумала она. Малость горьковатая, но вкус виски — а это именно виски, решила она, а не какой-то там медицинский спирт — покрывал все остальные привкусы. Возможно, бутылочка такого тонизирующего и не принесет реальной пользы, но зато почувствуешь ты себя значительно веселее.

Потбери проводил их к двери.

— Если ваш обморок повторится, миссис Рэн-

далл, приходите сразу ко мне, и я вас тщательно обследую. А пока не беспокойтесь попусту о таких делах, в которых вы бессильны.

На обратном пути Синтия и Рэндалл сели в последний вагон и достаточно далеко от других пассажиров, чтобы говорить, не стесняясь ничьим присутствием.

— Ну и что ты можешь про все это сказать? — спросил Рэндалл, когда они устроились на своих местах.

— Даже и не знаю, — наморщила лоб Синтия. — Ясно как божий день, что Потбери не любит Хога, только он так и не сказал почему.

— Вот-вот.

— А как понимаешь все это ты, Тедди?

— Во-первых, Потбери знает Хога. Во-вторых, Потбери крайне озабочен, чтобы мы не узнали ничего про Хога. В-третьих, Потбери ненавидит Хога — и боится его.

— Да? А почему ты так решил?

Вот за такие снисходительные улыбочки Синтия иногда была готова выцарапать любимому мужу глаза.

— Пошевели немного извилинами, красавица. Думаю, я могу сойтись с Потбери, но только напрасно он надеется напугать меня так, чтобы я

прекратил попытки узнать, чем занимается Хог в свое рабочее время.

Синтия вполне резонно решила не спорить сейчас с мужем: за годы совместной жизни она узнала его достаточно хорошо.

По ее просьбе они поехали прямо домой, а не в контору.

— Я сейчас просто не могу, Тедди. А если ему так уж хочется поиграть с моей пишущей машинкой — ну и пускай его.

— Все еще дрожат коленки после несостоявшегося прыжка в окно? — озабоченно спросил Рэндалл.

— Да, вроде.

Почти весь оставшийся день Синтия продремала. «Похоже, — думала она, — что от этого самого тонизирующего никакого проку — только голова кружится да во рту противный вкус».

Рэндалл не стал мешать ей. Покрутившись бесцельно по квартире, он установил мишень и начал было свои метательные упражнения, но вовремя сообразил, что может разбудить Синтию. Заглянув в спальню, он увидел, что она и вправду мирно спит. Тогда Рэндалл решил, что, проснувшись, его жена вряд ли откажется от пива, найдя таким образом вполне удовлетворительный

предлог для прогулки, тем более что и сам хотел пива. Слегка побаливала голова, ничего особенного, но только после посещения доктора ему все время было как-то не по себе. Ерунда, пара пива — и все пройдет.

А как раз не доходя до ближайшей деликатесной лавки располагалась вполне уютная пивная, в которую Рэндалл и завернул, чтобы опрокинуть кружку разливного. В какой-то момент он с удивлением обнаружил, что невесть уже сколько времени с пылом втолковывает хозяину заведения, почему именно вся совокупность реформ никогда не покончит с машиной, заправляющей городом.

Выходя из пивной, он припомнил все-таки первоначальное свое намерение, а потому вернулся домой, нагруженный пивом и разнообразными мясными деликатесами. Синтия уже встала и возилась на кухне.

— Приветик, крошка!

— Тедди!

Рэндалл поцеловал ее, еще не успев освободить руки от свертков.

— Испугалась небось, когда проснулась, а меня нету?

— Не то чтобы, но лучше бы ты оставил запис-

ку. Что это у тебя?

— Пиво и всякое мясное. Рада?

— Отлично. Не хочу сегодня никуда идти и вот пробую сообразить, что бы состряпать, но в доме ни кусочка мяса.

Синтия взяла свертки.

— Кто-нибудь звонил или заходил?

— Ага. Проснувшись, я позвонила на станцию, там ничего интересного. Но зеркало уже доставили.

— Зеркало?

— Не строй невинные глазки, Тедди. Большое спасибо за такой приятный сюрприз. Пойди посмотри, как теперь красиво в спальне.

— Слушай, давай-ка разберемся, — остановил ее Рэндалл. — Я не знаю ничего ни про какое зеркало.

Синтия удивленно смолкла.

— А я думала, ты купил его мне как сюрприз. Грузчики сказали, что за него уже уплачено.

— А на чье имя его доставили, на твое или мое?

— Даже и не заметила, я ведь тогда едва проснулась. Просто подписала какую-то бумажку, а они распаковали его и повесили, где я попросила.

Зеркало оказалось очень красивым — толстое

шлифованное стекло с фаской, безо всякой рамы — и довольно большим. Рэндалл был вынужден согласиться, что теперь туалетный столик Синтии выглядит совсем по-другому.

— Знаешь, лапа, если ты хочешь такое зеркало — я тебе куплю. Но это зеркало не наше. Думаю, нужно позвонить и сказать, чтобы его у нас забрали. Где квитанция?

— Они, кажется, взяли ее с собой. Да и вообще сейчас уже поздно, все закрыто.

— Тебе оно, что, очень понравилось? — снисходительно, как ребенку, улыбнулся Рэндалл. — Ну ладно, на сегодня оно твое, а завтра я подсуечусь добыть другое.

Это и вправду было великолепное зеркало — абсолютно прозрачное стекло, покрытое безупречным слоем амальгамы. Синтии казалось, что в него можно просунуть руку, как в открытое окно.

Когда они легли, Рэндалл уснул быстрее Синтии. «Это потому, — подумала она, — что я чуть не весь день провалялась». Приподнявшись на локте, она смотрела на мерно дышащего во сне мужа. Тедди. Он очень добрый — во всяком случае, ко мне. Завтра я скажу, чтобы он не беспокоился доставать другое зеркало: зачем оно

мне, собственно? Мне нужно одно: всегда быть с ним, чтобы ничто нас не разделяло. Вещи ровно ничего не значат, быть вместе — это единственно важная вещь.

Синтия взглянула на зеркало. Красивое, слов нет. И такое прозрачное — ну как распахнутое окно. Сейчас ей показалось, что она может пролезть сквозь это зеркало, как Алиса пролезла в Зазеркалье.

Проснулся Рэндалл оттого, что кто-то кричал его имя.

— Вылезай из постели, Рэндалл. Ты опаздываешь.

Не Синтия, это уж точно. Он сонно потер глаза и попытался их сфокусировать.

— В чем дело?

— В тебе, — сказал просунувшийся сквозь новое зеркало Фиппс. — Пошевеливайся! Не заставляй нас ждать.

Рэндалл инстинктивно посмотрел на соседнюю подушку. Синтия исчезла.

Исчезла! Теперь у Рэндалла сна не осталось ни в одном глазу; мгновенно вскочив с кровати, он начал лихорадочно искать ее, сразу везде. В ванной нет.

— Син!!!

В гостиной тоже нет, на кухне, в столовой — тоже.

— Син! Синтия! Где ты?

Все так же лихорадочно он пооткрывал все шкафы и чуланы.

— Син!

Затем он вернулся в спальню и встал посреди нее, не зная, где еще искать, — печальная босая фигура в мятой пижаме и с всклокоченными волосами.

Взявшись одной рукой за нижний край зеркала, Фиппс без видимого напряжения перепрыгнул в комнату.

— Здесь должно быть место для установки высокого зеркала, в рост, — заметил он, поправляя пиджак и галстук. — В каждой комнате должно быть высокое зеркало. Думаю, вскоре такое требование будет выдвинуто — я прослежу за этим лично.

Рэндалл перевел глаза на зазеркального гостя, словно только что его заметив.

— Где она? Что вы с ней сделали?

Он угрожающе шагнул к Фиппсу.

— Не ваше дело, — отрезал Фиппс. Кивком головы он указал на зеркало. — Перелезайте туда.

— Где она? — закричал Рэндалл и попытался

схватить Фиппса за глотку. Он так и не понял, что, собственно, произошло дальше. Фиппс поднял руку, и Рэндалла отбросило к кровати. Он попытался подняться — никакого толку. Все усилия были бесполезны, словно в кошмарном сне.

— Мистер Круз! — окрикнул Фиппс. — Мистер Райфснайдер! Мне нужна ваша помощь.

В зеркале появились еще два смутно знакомых лица.

— Сюда, пожалуйста, мистер Круз, — скомандовал Фиппс.

Мистер Круз пролез сквозь зеркало.

— Прекрасно! Думаю, мы пронесем его вперед ногами.

Мнением Рэндалла никто не интересовался; он пытался сопротивляться, но мускулы словно превратились в студень. Слабое подергивание конечностей — это все, чего он смог добиться. Он попробовал вцепиться зубами в оказавшуюся рядом руку и был вознагражден за свою предприимчивость ударом в лицо. Впрочем, это был скорее даже не удар, а болезненный толчок твердым, костлявым кулаком.

— Добавлю потом, — пообещал Фиппс.

Протиснув Рэндалла через зеркало, они свалили его на стол — на тот самый стол. И помещение

было то же самое — зал заседаний совета фирмы «Детеридж и компания», вокруг стола собрались те же самые знакомые ледяные физиономии, а возглавлял приятную компанию тот же самый жовиальный толстяк со свинячьими глазками. Единственным изменением было большое зеркало, не отражавшее зал, а показывавшее вместо этого изображение спальни Рэндалла, но изображение не прямое, а перевернутое справа налево, словно наблюдаемое в это же самое зеркало.

Однако все эти подробности мало интересовали сейчас Рэндалла. Попытавшись сесть, он, как и в прошлый раз, убедился, что не может этого сделать, и был вынужден ограничиться приподниманием головы.

— Куда вы ее дели? — с ненавистью спросил он у председательствующего.

Улыбка Стоулза была полна самого искреннего сочувствия.

— А, мистер Рэндалл! Так, значит, вы решили снова посетить нас. И где вы только не бываете, вы такой общительный человек. Я бы даже сказал, чересчур общительный. Неразумный, слабый и глупый, — задумчиво, словно сам себе, добавил он. — И только подумать, что я и мои родные братья не смогли создать ничего лучшего,

чем вы. Ну что же, вы за это заплатите. Птица жестока.

Это последнее замечание он произнес благоговейно и на секунду закрыл лицо руками. Остальные сделали то же самое; чья-то ладонь грубо опустилась Рэндаллу на глаза, а затем убралась прочь.

Стоулз заговорил снова. Рэндалл попытался перебить его, но, как и в тот раз, Стоулз ткнул пальцем в его сторону и строго произнес: «Достаточно», после чего сыщик утратил способность говорить. При каждой попытке сказать что-либо перехватывало горло и накатывала тошнота.

— Хотелось думать, — с манерами заправского оратора продолжал Стоулз, — что существо даже столь жалкой породы, как ваша, сумеет понять предостережения, которые вы получили, и будет действовать соответственно. — Смолкнув на мгновение, он выпятил вперед плотно сжатые губы. — Иногда мне начинает казаться, что моя собственная слабость — в непонимании того, насколько бездонны слабость и глупость, присущие людям. Будучи сам существом разумным, я обладаю несчастной склонностью ожидать от других, не подобных мне, разумного поведения.

Здесь он остановился и перенес внимание с

Рэндалла на одного из своих коллег.

— А вы, мистер Паркер, не надейтесь попусту, — произнес он с самой приветливой улыбкой. — Уж вас-то я не стану недооценивать. А если вы желаете сразиться со мной за право сидеть там, где сижу я, — пожалуйста, но только чуть позже. Интересно, — добавил он задумчиво, — какова на вкус ваша кровь.

Мистер Паркер был не менее учтив.

— Думаю, господин председательствующий, что на вкус она практически такая же, как и у вас. Ваша мысль сама по себе превосходна, но я вполне удовлетворен существующим положением вещей.

— Крайне печально слышать такое, мистер Паркер, ведь вы мне нравитесь. Я надеялся, что у вас побольше амбиций.

— Я терпелив — как наш Предок.

— Даже так? Ну что ж, вернемся к делу. Мистер Рэндалл, в прошлом я уже пытался убедить вас в настоятельной необходимости прекращения каких бы то ни было отношений с… с вашим клиентом. Вы понимаете, какого клиента я имею в виду. Каким, по вашему собственному мнению, способом можно убедить вас в том, что Сыны Птицы не потерпят вмешательства в их планы?

Говорите, отвечайте мне.

Но Рэндалл слышал очень малую часть сказанного и не понял вообще ничего. Все его существо поглощала одна-единственная, ужасная мысль. Обнаружив, что снова способен говорить, он выразил эту мысль вслух.

— Где она? — спросил он хриплым шепотом. — Что вы с ней сделали?

Стоулз нетерпеливо махнул рукой.

— Иногда, — раздраженно сказал он, — коммуникация с ними становится практически невозможной — почти полное отсутствие разума. Мистер Фиппс!

— Да, сэр.

— Вы не откажетесь позаботиться, чтобы сюда был доставлен другой экземпляр?

— Непременно, мистер Стоулз.

Фиппс взглянул на своего помощника, они вышли из зала, но почти сразу вернулись. Ноша, которую они небрежно сбросили на стол рядом с Рэндаллом, оказалась Синтией.

Прилив облегчения был почти невыносим. Он накатился на Рэндалла, лишив его дыхания, оглушив его, застлав глаза слезами, он не оставил места для понимания всего ужаса их теперешнего положения. Однако постепенно трепет всего

его существа ослабел, и Рэндалл понял наконец, что здесь что-то не так. Ни малейшего движения. Даже если они взяли ее спящей, небрежное обращение должно было разбудить Синтию.

Тревога была почти столь же ошеломляющей, как и радость секунду назад.

— Что вы с ней сделали? — молящим голосом спросил Рэндалл. — Неужели она…

— Нет, — брезгливо прервал его Стоулз. — Она не мертвая. Держите себя в руках, мистер Рэндалл. Разбудите ее, — повернулся он к своим коллегам, сопроводив приказание взмахом руки.

Один из них ткнул Синтию пальцем в бок и сказал:

— Заворачивать не надо, я съем это по пути.

— Весьма остроумно, мистер Прентан, — усмехнулся Стоулз, — но я просил вас разбудить ее. Не заставляйте меня ждать.

— Сейчас, господин председательствующий.

Он резко ударил Синтию по щеке; Рэндалл буквально почувствовал удар своим собственным лицом — в сочетании с полной беспомощностью это почти лишило его рассудка.

— Во Имя Птицы — проснись.

Рэндалл увидел, как грудь Синтии слегка приподнялась под шелком ночной рубашки, ее

ресницы задрожали, а губы разжались и произнесли:

— Тедди?

— Син! Я здесь, маленькая, я здесь!

Повернув голову в его сторону, Синтия вскрикнула:

— Тедди! — а затем добавила: — Мне снился страшный сон…

Только сейчас она заметила окружающих, жадно глядевших на нее. Медленно обведя зал серьезными, широко раскрытыми глазами, она снова посмотрела на Рэндалла.

— Тедди, это все еще сон?

— Боюсь, что нет, милая. Держись.

Синтия еще раз взглянула на собравшихся за столом, но на этот раз бегло.

— Я не боюсь, — твердо сказала она. — Действуй, как знаешь, Тедди. В обморок я больше не шлепнусь.

С этого момента она не сводила глаз с Рэндалла.

Рэндалл искоса взглянул на заросшего жиром председательствующего; тот смотрел на них, забавляясь, по всей видимости, зрелищем и не выказывая пока намерения вмешиваться.

— Син, — торопливо прошептал Рэндалл, —

они что-то со мной сделали, и теперь я не могу пошевелиться. Я парализован. Так что не очень на меня рассчитывай. Если у тебя появится шанс смыться — не задумывайся.

— И я не могу пошевелиться, — таким же шепотом ответила Синтия. — Нам надо ждать. — И добавила, заметив появившееся на его лице отчаяние: — Держись, ты же сам так сказал. Но я бы хотела прикоснуться к тебе.

Пальцы правой ее руки задрожали, сумели чуть-чуть зацепиться за гладкую, полированную поверхность стола и начали медленно, мучительно трудно преодолевать немногие разделявшие их дюймы.

Рэндалл обнаружил, что он тоже может слегка двигать пальцами, и его левая кисть поползла навстречу Синтии, так же медленно, на полдюйма за шаг, сковываемая мертвым весом парализованной руки. В конце концов руки встретились, пальцы Синтии сомкнулись с его пальцами и едва заметно их сжали. Она улыбнулась.

Стоулз негромко постучал по столу.

— Я очень тронут этим небольшим представлением, — сочувственно произнес он, — но пора вернуться к делу. Нам надо принять решение, как лучше с ними поступить.

— А не лучше ли всего совсем от них избавиться? — спросил тот, который тыкал Синтию пальцем в ребра.

— Да, это было бы крайне приятно, — согласился Стоулз, — но не надо забывать, что эти двое — только мелкая деталь наших планов, касающихся… клиента мистера Рэндалла. Именно он должен быть уничтожен.

— Но я не понимаю…

— Ну, конечно же, вы не понимаете, потому-то я и сижу на этом месте. Наша ближайшая задача состоит в том, чтобы вывести из игры этих двоих таким способом, который не вызовет никаких подозрений с его стороны. Поэтому вопрос сводится к методу и выбору конкретного субъекта.

Теперь заговорил мистер Паркер.

— А забавно было бы, — предположил он, — вернуть их в таком вот состоянии. Они медленно умрут от голода, не способные открыть дверь, не способные подойти к телефону, беспомощные.

— Да, именно так и было бы, — одобрительно кивнул Стоулз. — Я ожидал, что вы предложите нечто в этом роде. Ну а если он попытается их увидеть, найдет их в таком состоянии? Вы что, думаете, он не поймет их рассказа? Нет, это должно быть нечто такое, что свяжет им языки. Когда

я отошлю их назад, один из них будет мертвым — и в то же время живым.

Вся ситуация была настолько нелепой, настолько чудовищно неправдоподобной, что Рэндалл не мог в нее поверить. Этого не может быть, говорил он себе. Это просто кошмарный сон, нужно только суметь проснуться, и все будет в порядке. Неспособность пошевелиться — это уже встречалось в прошлых снах. Потом просыпаешься и обнаруживаешь, что запутался в простыне или просто спал, засунув руки под голову. Он попробовал укусить себя за язык, чтобы проснуться, однако безрезультатно.

Последние слова Стоулза резко вернули внимание Рэндалла к происходящему, но не потому, что он понял эти слова — они не значили для него почти ничего, хотя и были полны какого-то ужаса, — а из-за ропота одобрения, пробежавшего по собравшимся, напряженного ожидания, появившегося на их лицах.

Пальцы Синтии сжались чуть сильнее.

— Тедди, что они хотят сделать? — прошептала она.

— Не знаю, маленькая.

— И конечно же, мужчина, — сказал Паркер.

Стоулз смерил его взглядом.

Рэндалл ясно чувствовал, что до этого момента Стоулз предназначал то, что они намерены сделать, для мужчины, для него. Но теперь он сказал другое.

— Я всегда благодарен вам за советы. После них гораздо легче принять правильное решение. Приготовьте женщину, — скомандовал он своим коллегам.

«Сейчас, — подумал Рэндалл. — Сейчас или никогда».

Собрав всю свою волю, он попытался встать — встать, чтобы принять бой.

Можно было бы и не стараться.

— Ничего не выходит, маленькая.

Может быть, Синтия и боялась, но сейчас на ее лице читалась только озабоченность состоянием мужа.

— Держись, Мозговой Центр, — ответила она, подкрепив свои слова легким пожатием пальцев.

Вставший со своего места Прентан наклонился над Синтией.

— Вообще-то, это работа Потифара, — недовольно сказал он.

— Потифар оставил подготовленный флакон, — ответил Стоулз. — Он у вас, мистер Фиппс?

Вместо ответа Фиппс открыл свой портфель, вынул оттуда бутылочку и после утвердительного кивка Стоулза передал ее Прентану.

— А воск? — спросил тот все тем же сварливым голосом.

— Сию секунду, — пообещал Фиппс, снова залезая в свой портфель.

— Благодарю вас, сэр. А теперь, если кто-нибудь уберет это, — указал он на Рэндалла, — мы, пожалуй, начнем.

Многочисленные руки вцепились в Рэндалла и перетащили его на дальний край стола; двумя пальцами сжимая бутылочку, Прентан склонился над Синтией.

— Секунду, — остановил его Стоулз. — Я хочу, чтобы каждый из них понимал, что именно происходит и почему. Миссис Рэндалл, — с тяжеловесной учтивостью поклонился он, — надеюсь, что наш с вами краткий разговор убедил вас, что Сыны Птицы никоим образом не позволят, чтобы им мешали существа, подобные вам двоим. Вы поняли меня?

— Я поняла вас, — ответила Синтия. Однако в ее глазах стоял вызов.

— Прекрасно. Мы хотим — и вам необходимо это понять, — чтобы ваш муж не имел никаких

дел с… с определенной личностью. Для того чтобы гарантировать такое положение вещей, мы сейчас разделим вас на две части. Ту из них, которая двигает вами и которую вы — что довольно забавно — называете душой, мы выдавим в этот флакон и оставим у себя. Ну а что касается всего остального, — все остальное ваш муж может оставить себе в качестве постоянного напоминания, что вы находитесь в руках Сынов Птицы. Вы меня понимаете?

Синтия молчала. Рэндалл попробовал ответить, однако обнаружил, что горло опять ему не повинуется.

— Послушайте меня, миссис Рэндалл; вы сможете когда-нибудь встретиться со своим мужем при том только условии, что он будет нам повиноваться. Он не должен, под страхом вашей смерти, никогда больше встречаться со своим клиентом. Под страхом того же наказания он обязан молчать в отношении нас и всего здесь происшедшего. Если он не послушается… уверяю вас, мы сделаем вашу смерть весьма интересной.

Рэндалл хотел закричать, пообещать им сделать все, что угодно, лишь бы они пощадили Синтию, но голос все еще его не слушался, — видимо, Стоулз хотел выслушать сперва Синтию.

Синтия покачала головой.

— Он поступит по своему усмотрению.

— Великолепно, — улыбнулся Стоулз. — Такой ответ я и хотел услышать. Ну а вы, мистер Рэндалл, вы обещаете?

Он хотел согласиться, он уже почти согласился, но тут увидел глаза Синтии, говорившие «Нет!». По выражению лица жены он понял, что теперь блокирована ее речь. Рэндаллу показалось, что где-то в глубине его головы ясно, отчетливо звучит голос Синтии:

— Это ловушка, Мозговой Центр. Не обещай им ничего.

Рэндалл молчал.

Фиппс вдавил палец в его глаз.

— Отвечай, когда с тобой разговаривают!

Чтобы видеть Синтию, Рэндаллу пришлось зажмурить неповрежденный глаз; на ее лице по-прежнему читалось одобрение. Он продолжал молчать.

— Ладно, ерунда, — заговорил наконец Стоулз. — Продолжим, джентльмены.

— Давай! — скомандовал Прентан, прижав бутылочку к левой ноздре распростертой на столе женщины.

Кто-то резко надавил Синтии на грудь; с ко-

ротким хриплым стоном воздух вырвался из ее легких.

— Тедди, — выговорила она задыхаясь. — Они рвут меня на ча…

Операцию повторили, прижав бутылочку к другой ноздре. Теплые нежные пальцы, лежавшие в ладони Рэндалла, внезапно обмякли.

— Дайте воск, — отрывисто сказал Прентан, зажав горлышко бутылки пальцем. Запечатав, он передал ее Фиппсу.

Стоулз махнул рукой в сторону зеркала и небрежно кинул:

— Положите их на место.

Проследив за тем, как сквозь зеркало протолкнули Синтию, Фиппс обратился к Стоулзу:

— А нельзя ли нам оставить ему кое-что на память?

— Как хотите, — безразлично пожав плечами, ответил Стоулз, поднимаясь с места. — Только постарайтесь, чтобы без серьезных повреждений.

— Прекрасно, — ухмыльнулся Фиппс и, небрежно взмахнув рукой, едва не выбил Рэндаллу все зубы. — Мы его осторожненько.

Значительную часть этой процедуры Рэндалл находился в сознании — хотя, конечно же, точно оценить пропорцию было трудно. Раз или два он

отключался — но только затем, чтобы очнуться от еще худшей боли.

Напоследок Фиппс приберег новый, им же, вероятно, и придуманный способ без особого членовредительства доводить человека до предела страданий.

Рэндалла окружали зеркала; зеркальными были и стены комнаты, куда он попал, и ее пол, и ее потолок. Куда ни посмотри — всюду бесконечные вереницы его изображений, и каждое из этих изображений — он сам, его «я», и каждое из этих «я» ненавидело его, и бежать от них было некуда.

— Врежь ему еще, — орали они — орал он, — и их-его крепко сжатые кулаки били его в зубы. А затем раздавался их-его довольный гогот.

Они обступали его все ближе и ближе, а он не мог от них убежать. Какие отчаянные усилия он ни прилагал — мышцы его не слушались. Это потому, что его приковали, приковали к огромному колесу вроде беличьего. Заодно ему завязали глаза, а скованные руки не давали сдернуть повязку. Но надо было бежать — ведь наверху стояла Синтия, и надо было до нее добраться.

Только какой там верх, когда ты в беличьем колесе.

Рэндалл страшно устал, а когда он хоть чуть-чуть замедлял движение, они снова его били. Кроме того, он должен был считать шаги, иначе не считается, иначе все бесполезно. Десять тысяч девяносто один, десять тысяч девяносто два, десять тысяч девяносто три, вверх-вниз, вверх-вниз… Хоть бы увидеть, куда я бегу.

Рэндалл споткнулся, его ударили сзади, и он упал лицом вниз. Мир куда-то исчез.

Когда сознание наконец вернулось, он обнаружил, что лежит, прижавшись лицом к чему-то жесткому, холодному и бугристому. Отодвинувшись от непонятного предмета, он почувствовал, что все его тело онемело. Ноги не слушались: с трудом разглядев их в неверном свете раннего утра, Рэндалл понял причину — наполовину стянутая с кровати простыня плотно обвила его лодыжки.

Жесткий холодный предмет оказался батареей парового отопления, рядом с которой он почему-то лежал. Рэндалл начал ориентироваться в обстановке. Он находился в своей собственной спальне. По-видимому, он бродил во сне, надо же, ведь последний раз такое было страшно давно, в раннем детстве! Бродил во сне, зацепился за что-то и врезался головой в батарею. Ну и от-

шибло мозги, конечно же, напрочь. Как еще жив остался.

Собравшись немного с силами, болезненно морщась при каждом движении, он начал подниматься на ноги и заметил непривычный предмет — новое зеркало. Мгновенно вспомнив свой сон, он бросился к кровати.

— Синтия!

Но Синтия была на месте, в целости и сохранности. Она даже не проснулась от этого вопля, чему Рэндалл очень обрадовался — зачем же людей зря пугать? На цыпочках отойдя от кровати, он тихо пробрался в ванную, притворил за собой дверь и только тогда повернул выключатель.

Хорош видок, ничего не скажешь. Нос расквашен, и давно, — кровь в основном уже подсохла и не течет. Вся грудь пижамной куртки в той же кровище. Кроме того, по всей видимости, он лежал правой щекой в луже крови, кровь засохла, и картина получилась устрашающая — значительно страшнее, чем в действительности, как он с облегчением обнаружил, умывшись.

В действительности повреждений не так уж много, только вот — ой! — весь правый бок онемел и ноет — наверное, расшиб, падая, а потом, для полного комплекта, еще и застудил. Интерес-

но, думал Рэндалл, долго ли я так валялся?

Сняв пижамную куртку, он решил, что стирать сейчас — слишком много хлопот, смял ее в комок и засунул за унитаз. Чтобы Синтия не наткнулась на такой ужас раньше, чем он объяснит ей происшедшее.

«Господи, Тедди, что это с тобой?»

«Да так, маленькая, ерунда. Просто поцеловался с батареей».

Объяснение звучало даже сомнительнее, чем классическое «на дверь наткнулся».

Голова все еще кружилась, кружилась сильнее, чем Рэндалл думал, — засовывая куртку, он чуть не упал и с трудом сохранил равновесие, ухватившись за бачок. И стучало в этой голове так, словно внутри ее лупила по своим барабанам целая орава доброхотов из Армии спасения. Пошарив в аптечке, Рэндалл нашел аспирин, проглотил три таблетки и задумчиво воззрился на коробочку люминала, приобретенную Синтией несколько месяцев назад. Прежде такое было ни к чему, спал он всегда как убитый, но тут особый случай. Кошмары две ночи кряду, а для полной радости — начал расхаживать по квартире, как лунатик, и чуть не свернул себе дурацкую свою шею.

«А ведь девица в чем-то права, — подумал

Рэндалл, глотая таблетку. — Отпуск совсем не повредил бы, а то я совсем как выжатый лимон».

Найти чистую пижаму, не зажигая в спальне свет, было практически невозможно, так что Рэндалл без куртки скользнул под одеяло, подождал секунду — не проснется ли Синтия, а потом закрыл глаза и попытался расслабиться. Через несколько минут снотворное начало действовать, болезненные толчки в голове немного стихли, и вскоре он крепко заснул.

7

Проснувшись от бившего в лицо солнца, Рэндалл сощурил один глаз на будильник, увидел, что уже десятый час, и торопливо слез с кровати. Поступок оказался не из самых остроумных — дико заныл правый бок. Затем коричневое пятно под батареей напомнило ему вчерашние приключения.

Осторожно повернув голову, он поглядел на жену. Та все еще безмятежно спала и, по всей видимости, даже не собиралась шевелиться. Такой расклад вполне устраивал Рэндалла — лучше сперва напоить ее апельсиновым соком, а уж потом описывать столь прискорбные обстоятельства. Зачем сразу устраивать панику?

Кое-как нащупав шлепанцы, он накинул на себя купальный халат — голые плечи зябли, а все мышцы неприятно ныли. Чистка зубов несколько улучшила положение — избавившись от противного вкуса во рту, Рэндалл настолько осмелел, что начал подумывать о завтраке.

Мысли его рассеянно скользили по событиям прошлой ночи, даже не пытаясь проникнуть в них поглубже. Неприятная все-таки вещь, думал

он, выжимая сок из апельсинов, — эти ночные кошмары. Может, и не психоз, но невроз — это уж точно, а что в этом хорошего? Кончать надо с этим. Разве можно работать, если всю ночь прослонялся как дурак по квартире, даже если при этом и не сломал себе шею, зацепившись за что-нибудь. Мужчине нужен сон — какие тут сомнения.

Управившись со своей порцией сока, Рэндалл понес второй стакан в спальню.

— Ну-ка, красавица, подъем!

Синтия не пошевелилась, так что он решил прибегнуть к средствам более радикальным и запел:

Вставай, вставай, штанишки надевай,
Маечку натягивай, песенку подтягивай!

И снова никакого результата. Аккуратно поставив стакан на тумбочку, Рэндалл сел на край кровати, взял Синтию за плечо и слегка ее потормошил.

— Вставай, засоня! Всю молодость проспишь!

Синтия не шелохнулась. Плечо было холодным как лед.

— Син! — закричал он в голос. — Син! Син!

Теперь Рэндалл тряс ее изо всех сил.

Безжизненно, как ватная, Синтия перевернулась на спину. Он снова встряхнул ее.

— Син, милая… ой, господи!

Через некоторое время испытанное Рэндаллом потрясение само успокоило его, фигурально говоря, он сорвал тормоза и был готов с мертвенным, ледяным спокойствием сделать все, что угодно, все, что окажется необходимым. Сам того не осознавая и неизвестно почему, Рэндалл считал Синтию мертвой. Однако он решил убедиться наверняка — при помощи известных ему средств. Пульс не прощупывался. «А может, я просто не умею его искать, — говорил он себе. — А может, пульс есть, но очень слабый». И все это время какой-то дьявольский хор кричал в его голове: «Она умерла… умерла… умерла… Это ты позволил ей умереть!»

Рэндалл приложил ухо к груди жены. Теперь ему показалось, что сердцебиение прослушивается, но уверенности не было, возможно, это просто отзвуки собственного его пульса. Так ничего и не поняв, он оглянулся в поисках какого-нибудь небольшого зеркала.

Вполне подходящее круглое зеркальце нашлось в сумочке Синтии; Рэндалл старательно вытер

его рукавом халата и приблизил к губам жены.

Зеркало слегка запотело.

В полном ошеломлении, все еще не позволяя себе надеяться, Рэндалл снова протер зеркальце и сделал еще одну попытку. Оно снова запотело, чуть-чуть, но вполне определенно.

Она жива — она жива.

Удивившись секунду спустя, почему лицо Синтии плывет у него перед глазами, Рэндалл понял вдруг, что собственное его лицо залито слезами. Вытерев на ходу глаза, он, как заведенный автомат, продолжил ненужную теперь, собственно, проверку. Иголка, иголка… где в этом доме иголки? Вытащив иголку из подушечки, лежавшей на туалетном столике, Рэндалл подошел к кровати, двумя пальцами оттянул кожу на руке Синтии, прошептал: «Прости, маленькая», — зажмурился и уколол.

Показалась алая капелька, затем укол быстро затянулся. Жива! Хорошо бы измерить температуру, но термометра не было — они с Синтией практически никогда не болели. Что еще… Когда-то и где-то Рэндалл читал что-то про то, как изобретали стетоскоп. Если свернуть листок бумаги…

Найдя подходящий листок, он свернул его в

трубку, приставил один конец этой трубки к груди Синтии, где-то в районе сердца, а к другому приложил ухо.

Тук-тук… тук-тук… тук-тук… Негромко, но ритмично и отчетливо. На этот раз сомнений не осталось, раз бьется сердце, значит она жива.

Чтобы справиться с собой, ему пришлось на минуту присесть.

Только большим усилием Рэндалл заставил себя думать — что же делать дальше. Ну конечно же — вызвать врача. Он не догадался сделать это раньше потому, что они с Синтией никогда не болели, — а значит, никогда не вызывали врача. И правда, ведь за все время после свадьбы им ни разу не потребовался врач.

А может, позвонить в полицию и попросить прислать медицинскую машину?.. Ну, пришлют какого-нибудь ихнего живодера, который привык полосовать ножиком несчастных, пострадавших в автомобильных авариях и перестрелках. Нет, врач нужен самый лучший. А кто из них самый лучший? Семейного врача семейство Рэндалл не имело. Смайлз… да ну его, алкоголика. Еще Хартвик — но у него очень узкая специализация: весьма интимные операции для сливок общества. Рэндалл взялся за книгу.

Потбери! Кто его, конечно, знает, этого старого шарлатана, но вид у него вполне компетентный. Рэндалл нашел нужную страницу, три раза набрал номер неправильно, отчаялся и попросил помощи у телефонистки.

— Да, это Потбери. Что вам нужно? Говорите же.

— С вами говорит Рэндалл. Рэндалл. Р-Э-Н-Д-А-двойное Л. Мы с женой заходили к вам вчера, помните? Это насчет…

— Да, я помню. В чем дело?

— Моя жена заболела.

— Что с ней такое? Снова обморок?

— Нет… ну да. То есть я хотел сказать — она без сознания, она совсем как мертвая.

— Она мертвая?

— Не думаю — но она в очень тяжелом состоянии. Я боюсь, доктор. Вы можете приехать прямо сейчас?

Последовало недолгое молчание.

— Я приеду.

— Ой, как хорошо! Послушайте, а что мне делать до вашего приезда?

— Не делайте ничего. Не трогайте ее. Я скоро буду.

Потбери повесил трубку.

Отставив телефон, Рэндалл торопливо вернулся в спальню. Вид Синтии не изменился. Он хотел было ее потрогать, вспомнил указание доктора и резко отдернул руку. Однако, заметив свой импровизированный стетоскоп, Рэндалл не устоял перед искушением.

Услышав успокоительное «тук-тук», он виновато убрал бумажную трубку.

Теперь Рэндаллу оказалось нечего делать — только стоять рядом с кроватью, смотреть на Синтию и обкусывать ногти. Десять минут такого плодотворного занятия привели его на грань истерики. Тогда Рэндалл прошел на кухню, достал с верхней полки бутылку, налил полстакана виски, несколько минут смотрел на щедрую дозу народного успокоительного средства, выплеснул ее в раковину и побрел в спальню.

Никаких изменений.

Неожиданно Рэндалл вспомнил, что не дал врачу своего адреса. Бросившись на кухню, он схватил телефон и, с трудом держа себя в руках, каким-то образом сумел правильно набрать номер. Ответил женский голос:

— Нет, доктор на выезде. Вы хотите что-нибудь передать?

— Моя фамилия Рэндалл. Я…

— О, мистер Рэндалл. Доктор выехал к вам минут пятнадцать назад. Он будет у вас с минуты на минуту.

— Но у него нет адреса.

— Как? Да нет, я уверена, что он знает адрес, иначе он уже позвонил бы сюда.

Рэндалл в недоумении положил трубку. Все это до крайности странно. Ладно, дадим Потбери три минуты, а потом попробуем поискать другого врача.

На сигнал домофона Рэндалл поднялся со стула, покачиваясь, словно боксер после нокаута.

— Да?

— Потбери. Это вы, Рэндалл?

— Да, да, поднимайтесь.

Прижимая ухом трубку, он нажал кнопку замка.

Рэндалл встретил Потбери у настежь распахнутой двери.

— Заходите, доктор, заходите, заходите!

Коротко кивнув, врач прошел мимо него.

— Где пациентка?

— Здесь, она здесь.

Суетливо проводив Потбери в спальню, Рэндалл напряженно замер около кровати, с надеждой наблюдая, как врач осматривает лежащую без

сознания Синтию.

— Ну как она? Она поправится? Скажите, доктор…

Слегка распрямившись, Потбери недовольно хмыкнул и повернул голову к не находящему себе места Рэндаллу.

— Будьте любезны, отойдите от кровати и перестаньте дышать мне в затылок. Тогда, возможно, мне и удастся что-нибудь выяснить.

— Ой, извините. — Рэндалл испуганно ретировался к двери.

Достав из саквояжа стетоскоп, Потбери некоторое время прослушивал Синтию, затем передвинул прибор и вслушался снова. В конце концов он вытащил черные резиновые трубки из ушей, и Рэндалл, все это время тщетно пытавшийся прочесть что-нибудь на его непроницаемом лице, с надеждой шагнул вперед.

Однако Потбери не обратил на него никакого внимания. Теперь врач двумя пальцами оттянул веко Синтии и всмотрелся в ее зрачок, передвинул тонкую безжизненную руку так, что она свесилась с кровати, и постучал молоточком по локтю, после чего выпрямился и несколько минут просто смотрел на пациентку.

Рэндаллу хотелось кричать и ломать мебель.

Потбери проделал еще несколько странных, почти ритуальных телодвижений, входящих в репертуар каждого терапевта. Некоторые из этих действий Рэндалл — так ему, по крайней мере, казалось — понимал, некоторые — точно нет.

— А что она делала вчера, после того, как вы ушли от меня? — неожиданно спросил врач, закончивший, по всей видимости, осмотр.

— Так я и думал, — умудренно кивнул он, выслушав сбивчивый рассказ Рэндалла. — Все это связано с утренним ее шоком. И ведь виноваты вы, а никто другой.

— Я виноват?

— Вы были предупреждены. Вам не следовало и близко подходить к подобному человеку.

— Но… но… ведь вы не предупредили меня после того, как он ее напугал.

Было похоже, что замечание Рэндалла несколько обеспокоило врача.

— Пожалуй, да, пожалуй, да. Мне показалось, что кто-то предупреждал вас еще до меня. В любом случае нужно было понимать, с какой тварью имеете дело.

Однако сейчас эта тема мало интересовала Рэндалла.

— А как она, доктор? Она поправится? Ведь она

поправится, правда?

— На вашем попечении, мистер Рэндалл, оказалась очень больная женщина.

— Да, я понимаю, что она… но чем она больна?

— Lethargica gravis[6] на почве психической травмы.

— А это опасно?

— Достаточно опасно. Однако при соответствующем уходе она должна поправиться.

— Все, что угодно, доктор, все, что угодно. Деньги не проблема. Что мы теперь сделаем? Отправим ее в больницу?

— Ничего хуже и не придумаешь, — отмахнулся Потбери. — Проснувшись в незнакомой обстановке, она может снова потерять сознание. Держите ее здесь. Вы можете так организовать свои дела, чтобы находиться при ней непрерывно?

— Конечно могу.

— Вот так и сделайте. Не отходите от нее ни днем ни ночью. Лучше всего, если, проснувшись, она увидит свою комнату, а также вас — рядом и бодрствующего…

— Но ей, наверное, нужна сиделка?

— Не думаю. С ней, собственно, ничего не надо

---

[6] Примечания: 6
Летаргический ступор *(лат.)*.

делать — только следить, чтобы была тепло укрыта. Ну разве еще — чтобы ее ноги находились чуть выше головы. Подложите по паре книг под ножки кровати с нужной стороны — и все.

— Сейчас же сделаю.

— Если такое состояние продлится неделю или около того, подумаем о глюкозных вливаниях или еще чем-нибудь в этом роде. — Потбери наклонился, застегнул свой саквояж и поднял его с пола. — Если ее состояние изменится — звоните.

— Обязательно. Я…

Рэндалл осекся на полуслове, последние слова врача напомнили ему о забытом было обстоятельстве.

— Доктор, а как вы нас нашли?

На лице Потбери появилось изумление.

— Что вы имеете в виду? Ваш дом совсем легко найти.

— Но я не говорил вам адрес.

— Что? Чепуха.

— Но я действительно не говорил. Потом я быстро это сообразил и позвонил в вашу приемную, но вас уже не было.

— А кто говорит, что вы дали мне свой адрес сегодня?

Вид у Потбери был уже не удивленный, а раз-

драженный.

— Вы дали мне его вчера.

Рэндалл немного задумался. Вчера он показывал Потбери свои документы, но там ведь только адрес конторы. Конечно, их домашний телефон есть в справочнике и в лицензии, но и там и там — просто как ночной деловой телефон, без адреса.

Разве что Синтия…

Но Синтию сейчас не спросишь, и мысль о ней заставила его позабыть все эти мелочи.

— Доктор, так вы уверены, что ничего больше не нужно? — озабоченно спросил он.

— Ничего. Сидите дома и наблюдайте за ней.

— Обязательно. Только лучше бы я был парой близнецов, — с сожалением сказал Рэндалл.

— Это еще почему? — повернул голову Потбери, уже взявший свои перчатки и направлявшийся к двери.

— А из-за этого драгоценного Хога. У меня теперь к нему счет, и большой. Ну ладно, я пошлю кого-нибудь следить за этой гнидой, а как только освобожусь — разберусь с ним по-свойски.

Вздрогнув, словно ужаленный, Потбери резко повернулся.

— Ничего подобного вы не сделаете, — зловеще

посмотрел он на Рэндалла. — Ваше место здесь.

— Да, да, понимаю, но мне хотелось бы иметь его под колпаком. А потом, когда все придет в порядок, я разберусь — кто он такой и что он такое.

— Молодой человек, — медленно, с угрозой в голосе сказал Потбери. — Вы должны обещать мне, что никогда и никоим образом не вступите в отношения с… с упомянутым вами человеком.

Рэндалл посмотрел на кровать.

— Я не могу допустить, чтобы все это сошло ему с рук, — почти выкрикнул он. — Неужели вы не понимаете?

— Во имя… послушайте. Я старше вас и должен бы вроде привыкнуть к глупости и неразумности. И все же ну как еще можно убедить вас, что есть вещи слишком опасные, с которыми лучше не шутить? Ну как я могу взять на себя ответственность за ее, — Потбери указал на Синтию, — выздоровление, если вы намерены совершать поступки, неминуемо ведущие к катастрофе?

— Но… Послушайте, доктор Потбери, я ведь сказал, что буду точно следовать всем вашим указаниям, касающимся ее. Но я не намерен просто так вот простить ему то, что он сделал. Если она умрет… если она умрет, то прости меня, Господи, но я разберу его на кусочки ржавым топором.

На этот раз Потбери немного помедлил, а когда наконец заговорил, то спросил только:

— А если не умрет?

— Если она не умрет, моим главным делом будет находиться здесь, заботиться о ней, но забывать про Хога я ни в коем случае не собираюсь. Такого обещания вы от меня не получите.

— Ладно, на том и порешим — и будем надеяться, что она не умрет. Но позвольте мне сказать вам, молодой человек, — тут Потбери решительно нахлобучил шляпу, — что вы идиот.

И он ушел, негодующе топая ногами.

Некоторое возбуждение, охватившее Рэндалла во время перебранки с Потбери, быстро выветрилось, и его обуяла черная тоска. Делать было ровно нечего, ничто не отвлекало его мозг от жгучей тревоги за Синтию. Следуя совету Потбери, он приподнял немного задние ножки кровати, но на это ушло всего несколько минут, а затем опять наступило выматывающее душу безделье.

Поднимая кровать, он действовал очень осторожно, словно боясь разбудить Синтию, и только на второй ножке сообразил, что разбудить ее — самое страстное его желание. И все равно он не мог делать это шумно и небрежно — такой слабой и беззащитной казалась она сейчас.

Рэндалл поставил стул поближе к кровати, чтобы всегда иметь возможность потрогать руку Синтии, и начал пристально глядеть на нее, выискивая хоть какие-нибудь изменения. Через некоторое время он начал различать, как поднимается и опускается казавшаяся прежде абсолютно неподвижной грудь. Открытие несколько ободрило его, и он провел довольно долгое время за наблюдением — медленный, почти незаметный вдох, затем — гораздо более быстрый выдох…

Лицо Синтии побледнело и устрашающе походило на мертвое, но все равно оставалось прекрасным. Такая хрупкая… и она так в него верила… а теперь он не может ничем ей помочь. Если бы он ее послушал, если бы только он ее послушал, ничего этого не произошло бы. Она боялась, но делала все, о чем он ее просил.

Даже Сыны Птицы не смогли ее испугать.

Господи, да что же я такое говорю? Возьми себя в руки, Эд, — этого не было, все это часть твоего страшного сна. И все равно, случись что-либо подобное, именно так она и вела бы себя — держалась бы сама и поддерживала бы его игру при любом, даже самом худшем раскладе.

Мысль, что даже во сне он абсолютно уверен в

Синтии, уверен в ее отваге и преданности, принесла Рэндаллу некое печальное удовлетворение. Твердость, характер — редкие даже у мужчин. Вот хотя бы вспомнить, как она вышибла бутылку с кислотой из рук этой сумасшедшей старухи, которую он повинтил по делу Мидуэлла. Если бы не ее быстрота и решительность, носить бы тебе, Эд, сейчас черные очки, и водила бы тебя по улицам здоровая такая, симпатичная псина.

Слегка отодвинув одеяло, Рэндалл посмотрел на руку Синтии — вот тогда она и получила этот шрам. Ни одна капля кислоты не попала на Рэндалла, но кое-что попало на нее, и остались следы, навсегда остались, но ее это, похоже, не беспокоило.

Синтия! Син, милая ты моя!

Однако в конце концов наступил момент, когда даже он не мог больше оставаться в одном положении. Болезненно морщась — застуженные вчера ночью, а теперь к тому же занемевшие мышцы ног жутко болели, — Рэндалл кое-как встал и, вздохнув, начал борьбу с трудностями повседневной жизни. Мысль о еде вызывала отвращение, но никуда не денешься — надо питаться, чтобы сохранить силы для ожидания и наблюдения, которые могут продлиться неиз-

вестно сколько времени.

При обыске, произведенном на кухонных полках и в холодильнике, обнаружилась кое-какая пища — всякая мелочь для завтрака, несколько банок консервов, какая-то крупа, пучок вялого салата. Кулинарные вопросы никогда не волновали Рэндалла, консервированный суп, — решил он, — еда не хуже любой другой. Открыв банку шотландской бараньей похлебки, он вывалил ее содержимое в кастрюлю, добавил немного воды и зажег газ. Дав месиву побулькать пару минут, Рэндалл снял его с огня и съел стоя и прямо из кастрюли. Ничего, вполне прилично, правда, малость смахивает на вареные опилки.

Затем Рэндалл вернулся в спальню, сел и возобновил свое ненадолго прерванное бдение. Однако вскоре выяснилось, что лучше было бы ему не заниматься рассуждениями, а послушаться голоса организма, — спешно выскочив в ванную, он вытошнил все содержимое своего желудка. Вымыв лицо и почистив зубы, Рэндалл снова уселся на свой стул уже в довольно приличном состоянии — разве что бледный и обессиленный.

На улице стемнело, и это дало ему небольшое занятие — он встал, зажег стоящую на туалетном столике лампу, прикрыл ее, чтобы не светила в

глаза Синтии, и снова сел. Состояние Синтии не изменилось.

И тут зазвонил телефон.

Резкость реакции Рэндалла, его удивление превосходили все разумные пределы. Он так долго просидел здесь, с тоской и страхом глядя на неподвижное лицо Синтии, что совсем забыл про всех остальных людей, живущих где-то там во внешнем мире. Немного собравшись, он поднял трубку.

— Алло? Да, это Рэндалл.

— Мистер Рэндалл, все это время я много думал и пришел к выводу, что должен извиниться перед вами и дать некоторые объяснения.

— Что вы мне должны? Кто это говорит?

— Это я, Джонатан Хог, мистер Рэндалл. Когда вы…

— Хог! Вы сказали Хог?

— Да, мистер Рэндалл. Я хочу извиниться перед вами за беспардонность своего поведения вчера утром и буквально умоляю вас простить меня. Хотелось бы надеяться, что миссис Рэндалл не была оскорблена моим…

К этому времени Рэндалл достаточно оправился от начального своего удивления, чтобы выразить все, что думал. И выразил свои мысли

он сочно, с использованием лексики и риторических фигур, освоенных за долгие годы близкого общения с теми личностями, с которыми чаще всего приходится общаться частному сыщику. По окончании своего монолога он услышал в телефонной трубке судорожный вздох, за которым последовала мертвая тишина.

Однако полного удовлетворения Рэндалл не чувствовал. Ему хотелось, чтобы Хог заговорил, чтобы можно было прервать его и с новыми силами продолжить свою тираду.

— Хог, вы еще у телефона?

— Э-э, да.

— А еще я хочу добавить следующее. Возможно, вам кажется милой такой шуткой подстеречь женщину в коридоре и перепугать ее до полусмерти. Мне это шуткой не кажется. Но я не собираюсь сдавать вас в полицию, не дождетесь вы такого счастья. Просто как только миссис Рэндалл выздоровеет, я отыщу вас, где бы вы ни были, и тогда — тогда помоги вам Бог, Хог. Вам очень потребуется такая помощь.

Рэндалл был уже уверен, что его собеседник повесил трубку, — так долго продолжалось молчание на этот раз. Однако, как оказалось, Хог просто собирался с мыслями.

— Мистер Рэндалл, это просто ужасно…

— Да уж конечно!

— Насколько я понимаю, вы говорите, что я намеренно подстерег миссис Рэндалл и напугал ее.

— Вы сами знаете, что вы сделали.

— Но ведь я не знаю, правда не знаю.

Тут Хог замолчал, а потом продолжил дрожащим, неуверенным голосом:

— Вот именно этого я и боялся, мистер Рэндалл, боялся узнать, что во время провалов в памяти делаю нечто очень плохое. Но причинить страдание миссис Рэндалл… и после всего ее доброго ко мне отношения. Это просто ужасно.

— Вы еще мне говорите!

Хог глубоко вздохнул, как безмерно уставший человек.

— Мистер Рэндалл?

Рэндалл молчал.

— Мистер Рэндалл, мне нет никакого смысла обольщать себя иллюзиями; выход тут только один. Вы должны сдать меня в полицию.

— А?

— Собственно, я понял это еще во время последнего нашего с вами разговора. Я думал об этом весь вчерашний день, но никак не мог набраться смелости. Мне хотелось надеяться, что я покон-

чил с моей… моей другой личностью, но сегодня это произошло снова. Весь сегодняшний день для меня белое пятно, я пришел в себя только недавно, по возвращении домой. Стало окончательно ясно — с этим необходимо что-то делать, поэтому я решил позвонить вам и попросить о возобновлении расследования. Но мне и в голову не приходило, что я мог сделать что-нибудь плохое миссис Рэндалл.

Ужас и потрясение, которыми был полон голос Хога, звучали очень убедительно.

— А когда… когда это случилось, мистер Рэндалл?

Рэндалл оказался в крайней растерянности. Он разрывался между желанием пролезть каким-то образом по телефонному кабелю, чтобы свернуть шею человеку, из-за которого Синтия оказалась в таком состоянии, и необходимостью оставаться дома, чтобы заботиться о Синтии. А тут еще этот Хог говорит совсем не так, как надо, не как злодей. Беседуя с Хогом, слыша его робкие ответы, его встревоженный голос, Рэндалл с большим трудом сохранял в уме образ некоего жуткого чудовища, вроде Джека Потрошителя, хотя и знал, что подобные типы совсем не редко обладают скромными манерами. Поэтому на этот раз ответ

Рэндалла был сухим, чисто фактографическим.

— Девять тридцать утра или около того.

— А где я был сегодня в девять тридцать утра?

— Не сегодня, вы (несколько не пригодных к воспроизведению на бумаге выражений), а вчера.

— Вчера утром? Но это невозможно. Вчера утром я был дома, неужели вы не помните?

— Конечно, помню, а потом я видел, как вы уходили из дома. Возможно, это вам неизвестно.

Тут логика Рэндалла немного хромала — прочие события памятного вчерашнего утра убедили его, что Хог знал об установленной за ним слежке, — но сейчас было не до логики.

— Но вы никак не могли меня видеть. Как раз вчерашнее утро — единственное, если не считать моих обычных сред, про которое я знаю точно, где находился и что делал. Я был дома, в своей квартире, и только около часа дня пошел в клуб.

— Да что вы мне…

— Подождите, пожалуйста, секунду, мистер Рэндалл! Все это повергает меня в такую же растерянность и непонимание, как и вас, но вы просто должны меня выслушать. Вы поломали мой распорядок дня — помните? Моя вторая личность так и не вступила в свои права. После

вашего ухода я сохранил свою… свою настоящую личность. Именно поэтому я и начал надеяться, что наконец освободился.

— Хрена вы освободились. С чего это вы взяли?

— Я понимаю, что моим собственным показаниям невелика цена, — робко сказал Хог, — но ведь я был не один. Почти сразу после вашего ухода пришла уборщица, и она пробыла у меня все утро.

— Вот только почему я не видел, как она входит в лифт?

— Она обслуживает все этажи, — объяснил Хог. — Это жена дворника, миссис Дженкинс. Может быть, вы хотели бы с ней побеседовать? Я, пожалуй, сумею отыскать ее и привести к телефону.

— Но…

Теперь Рэндалл находился уже в полной растерянности, к тому же он начал понимать невыгодность своего положения. Нужно было не вступать в разговоры с Хогом, а приберечь этого проходимца на потом, до того момента, когда появится возможность до него добраться. Ну до чего же скользкий и хитрый тип, правду говорил Потбери. Алиби у него, понимаешь.

Кроме того, отлучившись так надолго из спаль-

ни, Рэндалл начинал чувствовать себя все более нервно и беспокойно.

Разговор продолжался уже не меньше десяти минут, а из угла кухни, где стоял телефон, заглянуть в спальню было невозможно.

— Не хочу я с ней говорить, — грубо ответил он. — У вас что ни слово, то ложь.

Бросив трубку на рычаг, Рэндалл бегом вернулся в спальню.

Синтия лежала так же, как и прежде, можно было подумать, что она просто уснула. И какая красивая, просто сердце щемит. На этот раз привычный глаз Рэндалла легко уловил ее дыхание — неглубокое, но регулярное, а самодельный стетоскоп одарил его такими прекрасными сейчас звуками сердцебиения.

Потом Рэндалл сел рядом с кроватью и начал смотреть на Синтию, всем своим существом впитывая теплое, горькое вино печали. Он не хотел забывать о своей боли, лелеял ее, на собственном опыте познавая, как это познали бесчисленные его предшественники, что самая глубокая, разрывающая сердце тревога о любимой предпочтительнее любого утешения.

Однако через какое-то время его вывела из ступора простая мысль: вот так, упиваясь соб-

ственной болью, он вряд ли приносит большую пользу Синтии. Необходимо иметь в доме хоть какую-нибудь пищу, стоило бы также научиться есть эту пищу, и есть таким образом, чтобы она не вылетела назад через минуту. Завтра, сказал он себе, сяду на телефон и посмотрю, как можно удержать фирму на плаву до того времени, когда удастся вернуться к делам. Все неотложные дела можно передать в агентство «Ночная Стража» — ребята достаточно надежные и не раз сами пользовались его услугами. Но это подождет до завтра.

Ну а сейчас… Рэндалл позвонил в ближайшую деликатесную лавку, сделал довольно-таки беспорядочный заказ и дал владельцу лавки полномочия по собственному усмотрению добавить еще все, что угодно, лишь бы достаточно съедобное и питательное. В завершение он попросил подыскать какого-нибудь охотника заработать доллар доставкой всего этого хозяйства.

Покончив таким образом с продовольственной проблемой, Рэндалл удалился в ванную и тщательно побрился, хорошо понимая глубокую взаимосвязь между аккуратностью внешнего вида и высоким моральным духом. Дверь ванной он не закрывал, чтобы все время одним глазом при-

сматривать за кроватью. Затем он взял половую тряпку и стер пятно под батареей. Окровавленная пижамная куртка отправилась в корзину для грязного белья.

Свершив все эти подвиги, Рэндалл сел и начал ждать заказанные в лавке продукты. Мысли о Хоге не оставляли его. С Хогом, мудро решил он, ясно одно — что с ним ничего не ясно. Уже с самого начала его история была чистый абзац — это же надо, заявиться вот так и предложить «капусту», чтобы за тобой пустили хвост. Ну а дальше — тут вообще крыша поехать может. Хоть этот, долби его, тринадцатый этаж. Ведь он собственными глазами видел тринадцатый этаж и как Хог работает там, засунув лупу в глаз.

А быть этого не могло, никак.

Ну и что же получается в итоге? Гипноз? Однако Рэндалл не был полным лопухом, он знал, что гипноз существует, но при этом далеко не так всесилен, как считают читатели газетных сказочек. На шумной улице в мгновение ока загипнотизировать человека так, чтобы тот во все поверил и мог во всех подробностях вспомнить события, которых не было, — расскажите своей бабушке. Если такое осуществимо — тогда и весь мир может оказаться сплошным очковтирательством.

А может, так оно и есть?

Возможно, весь мир на том только и держится, что ты сохраняешь его в центре своего внимания, веришь в него. А стоит только позволить себе замечать несоответствия — начинаешь сомневаться в нем, и мир расползается, как гнилая тряпка. Может, все это случилось с Синтией именно потому, что сам он усомнился в ее реальности? А стоит только закрыть глаза, поверить, что она жива и здорова, и сразу же…

Рэндалл сделал такую попытку. Отключившись от остального мира, он представил себе Синтию — Синтию живую и здоровую, этот изгиб ее губ, когда она смеется, Синтию утреннюю, едва проснувшуюся и прекрасную, Синтию в отлично сидящем костюме и задорной маленькой шляпке, готовую идти за ним куда угодно, Синтию…

Рэндалл открыл глаза и посмотрел на кровать. Синтия лежала, все такая же неподвижная и бледная как смерть. Позволив себе немного пореветь, он высморкался и пошел к раковине, чтобы ополоснуть лицо холодной водой.

8

Когда загудел домофон, Рэндалл не стал поднимать трубку, а сразу нажал кнопку замка — не хотелось говорить вообще ни с кем, а тем более с разносчиком, которого нанял Джо.

Через пару минут раздался осторожный стук в дверь.

— Заноси, — сказал Рэндалл, открывая дверь, и замер как вкопанный.

На пороге стоял Хог.

Первые мгновения оба они молчали — Рэндалл был слишком потрясен, чтобы говорить, а Хог явно чувствовал себя неуверенно и ждал, чтобы разговор начал хозяин дома.

— Я должен был прийти, мистер Рэндалл, — робко произнес он. — Можно… можно я войду?

Рэндалл глядел на него, не находя слов от возмущения. Ну и наглец же — это только представить себе такое бесстыдство!

— Я пришел сюда, желая доказать вам, — все так же смущенно продолжал Хог, — что никак не мог сознательно сделать что-либо плохое миссис Рэндалл. А если я все же поступил так, сам того не зная, то хочу сделать все возможное для воз-

мещения ущерба.

— Поздно догадались.

— Но, мистер Рэндалл, почему вы считаете, что именно я сделал что-то вашей жене? Я не понимаю, что такое могло случиться — во всяком случае, вчера утром.

Смолкнув, он в отчаянии посмотрел в закаменевшее лицо Рэндалла.

— Ведь вы же не застрелите собаку, не разобравшись сперва в ее вине?

Рэндалл решительно не знал, что делать. Вот послушаешь этого Хога, и начинает казаться, что говоришь с человеком вполне порядочным.

— Заходите, — резко произнес он, широко распахнув дверь.

— Спасибо, мистер Рэндалл.

Не успел Хог войти, как на пороге появился еще один человек, никому не известный и увешанный свертками.

— Ваша фамилия Рэндалл?

— Да, — чистосердечно признался Рэндалл, выискивая в кармане мелочь. — А как вы вошли?

— Вместе с ним, — ответил рассыльный, указывая на Хога, — но сперва я перепутал этаж. А пиво холодное, шеф, — добавил он заискивающе. — Только из холодильника.

— Благодарю.

Добавив к пятидесяти центам еще десять, Рэндалл закрыл дверь, подобрал с пола сверток и пошел на кухню. Стоит, решил он, сразу и выпить пива — вряд ли когда-нибудь оно казалось более соблазнительным. Свалив на кухне свертки, Рэндалл нашел в ящике стола открывалку, взял одну из банок и готов был уже открыть ее, но тут краем глаза уловил какое-то движение — это Хог беспокойно переступил с ноги на ногу. Только сейчас Рэндалл вспомнил, что так и не предложил ему сесть.

— Садитесь.

— Спасибо, — поклонился Хог.

Рэндалл вернулся к пиву, однако чувствовал себя крайне неловко — черт бы побрал эти хорошие манеры. Невозможно ведь налить пиво одному себе, не предложив гостю, хоть сто раз незваному.

«А черт с ним, — подумал он после секундной нерешительности. — Ни мне, ни Синтии не повредит, если этот тип выпьет банку пива».

— Вы пьете пиво?

— Да, благодарю вас.

Вообще-то, Хог крайне редко употреблял пиво, сберегая свое нёбо для тонкостей аромата хоро-

ших вин, однако в этот момент он, скорее всего, согласился бы на любую бормотуху, даже на воду из лужи, предложи Рэндалл таковой напиток.

Рэндалл принес стаканы, поставил их, а потом сходил в спальню, открыв при этом ее дверь едва-едва, лишь бы протиснуться. Синтия, как он и ожидал, была все в том же состоянии. Рэндалл чуть-чуть повернул ее, считая про себя, что даже человеку, находящемуся без сознания, утомительно лежать долго в одном и том же положении, а затем расправил покрывало. Глядя на жену, он думал о Хоге и предостережениях Потбери. Неужели Хог действительно настолько опасен, как считает врач? Не может ли случиться, что он, Рэндалл, прямо сейчас играет ему на руку?

Нет, сейчас Хог не может причинить никакого вреда. Когда самое худшее уже позади, любое изменение может быть только к лучшему. Не страшно, если оба они умрут — или даже если умрет одна Синтия, ведь он последует за ней. Так Рэндалл решил сегодня еще с утра — и шли бы подальше те, которые назовут подобный поступок трусостью.

Нет, если во всем виноват Хог — теперь он безоружен. Рэндалл вернулся в гостиную.

Пиво Хога стояло нетронутым.

— Да вы пейте, — предложил Рэндалл, садясь за стол и беря свой стакан.

Хог последовал его примеру; у него хватило здравого смысла не провозглашать никакого тоста и даже не обозначивать тоста подниманием стакана.

— Не понимаю я вас, Хог, — с усталым любопытством оглядел своего гостя Рэндалл.

— Я сам не понимаю себя, мистер Рэндалл.

— Зачем вы пришли сюда?

— Узнать про миссис Рэндалл, — беспомощно развел руками Хог. — Узнать, что именно я ей сделал. Попробовать хоть как-то возместить ущерб.

— Так вы признаете, что сделали это?

— Нет, мистер Рэндалл. Нет. Не понимаю, как мог я сделать с миссис Рэндалл что бы то ни было вчера утром.

— Не забывайте, что я видел вас.

— Но… Что я сделал?

— Вы подстерегли миссис Рэндалл в коридоре здания Мидуэй-Коптон и пытались ее задушить.

— Боже милосердный! Но… вы видели, как я это сделал?

— Нет, не совсем. Я был…

Рэндалл замолк. Интересно это будет звучать,

если он расскажет Хогу, как не смог увидать его в одной части здания потому, что в это же самое время наблюдал за ним в другой части того же здания.

— Продолжайте, пожалуйста, мистер Рэндалл.

Рэндалл нервно вскочил на ноги.

— Все эти разговоры бесполезны, — резко сказал он. — Я не знаю, что вы сделали. Я не знаю, сделали ли вы вообще что-нибудь. Но вот одно я знаю прекрасно. Начиная с самого первого дня, как вы вошли в эту дверь, с моей женой и со мной происходят странные вещи — страшные вещи, — а теперь она лежит здесь, словно мертвая. Она…

Не в силах говорить дальше, Рэндалл закрыл лицо руками. Он почувствовал осторожное прикосновение к своему плечу.

— Мистер Рэндалл… пожалуйста, мистер Рэндалл. Я очень сожалею и хотел бы вам помочь.

— Не знаю, как может помочь мне кто бы то ни было — разве что вы знаете какой-нибудь способ разбудить мою жену. Вы знаете такой способ?

— Боюсь, что не знаю, — медленно покачал головой Хог. — Но скажите мне, что с ней такое? Ведь я еще не знаю.

— Рассказывать тут особенно и нечего. Сегодня утром она не проснулась. Очень похоже, что она

так никогда и не проснется.

— А вы уверены, что она не… не умерла?

— Нет, она не умерла.

— У вас, конечно же, был уже врач. Что он сказал?

— Он сказал, чтобы я не трогал ее и все время за ней наблюдал.

— Да, но какой он поставил диагноз?

— Он назвал это Lethargica gravis.

— Lethargica gravis? Он именно так сказал?

— Да, а что?

— Неужели он не пытался установить диагноз?

— Но это и был его диагноз…

Хог оставался в недоумении.

— Но ведь это же не диагноз, мистер Рэндалл. Это — просто напыщенный способ сказать «очень глубокий сон». Эти слова совершенно ничего не значат. Это все равно что сказать человеку с кожным заболеванием, что у него дерматит, или человеку с неполадками в желудке — что он болен гастритом. Какие он делал анализы?

— Э-э… Не знаю. Я…

— Он вводил зонд в желудок?

— Нет.

— Рентген?

— Нет, да и как он мог в квартире.

— Вы хотите сказать мне, мистер Рэндалл, что врач просто зашел к вам, посмотрел на нее и ушел, не делая с ней ничего, не проводя никаких анализов, не созывая консилиума? Это ваш семейный врач?

— Нет, — уныло признался Рэндалл. — Вообще-то, я не очень понимаю во врачах. Мы с Синтией никогда к ним не ходили. Но вы сами должны знать, хороший он или нет, — ведь это был Потбери.

— Потбери? Вы имеете в виду доктора Потбери, того самого, к которому я обращался? Как это случилось, что вы выбрали именно его?

— Ну, мы же не знаем никаких врачей — а к нему мы ходили, когда проверяли ваш рассказ. А что вы имеете против Потбери?

— Да в общем-то ничего. Просто он был груб со мной — либо мне так показалось.

— Ладно, а тогда что он имеет против вас?

— Не понимаю, как Потбери может иметь что-нибудь против меня, — удивился Хог. — Я и видел-то его всего однажды. Разве что из-за этого анализа, хотя чего бы, собственно?

Он недоуменно пожал плечами.

— Вы говорите про эту самую грязь из-под ваших ногтей? Я считал ваш рассказ чистой вы-

думкой.

— Нет.

— Как бы там ни было, это не может быть единственной причиной. Он такого про вас наговорил…

— А что он про меня говорил?

— Он сказал…

Рэндалл осекся, сообразив, что Потбери не говорил против Хога ничего конкретного, все его зловещие намеки состояли как раз в том, чего он не хотел говорить.

— Тут дело не в том, что он говорил, а скорее в том, как он к вам относится. Он вас ненавидит, а заодно и боится.

— Меня боится?

Хог слабо улыбнулся, словно стараясь показать, что понял и разделяет шутку Рэндалла.

— Этого он не говорил, но все и так ясно как божий день.

— Вот этого я совсем не понимаю, — покачал головой Хог. — Мне как-то привычнее самому бояться людей, чем чтобы они меня боялись. Подождите — а вам он не сказал результатов того анализа?

— Нет. Знаете, а я вот сейчас вспомнил самую странную вещь из связанных с вами, Хог.

Рэндалл секунду помолчал, думая об этой невероятной истории с тринадцатым этажом.

— Вы, случайно, не гипнотизер?

— Боже, помилуй, конечно нет. А почему вы так спросили?

Рассказ Рэндалла о первой попытке установить за ним наблюдение Хог выслушал молча, с напряженным и недоумевающим лицом.

— Вот так оно, значит, и получается, — подытожил Рэндалл. — Тринадцатого этажа не существует, «Детериджа и компании» не существует, ничего не существует. А я помню все с абсолютной ясностью.

— Это все?

— А что, мало? Вообще-то, я могу добавить еще одну вещь. Значения она никакого не имеет, но показывает, как все это на меня подействовало.

— И что это за вещь?

— Подождите минутку.

Рэндалл встал и снова направился в спальню; на этот раз он не так уж и старался открыть дверь, чтоб в нее едва можно было протиснуться, хотя все-таки прикрыл ее за собой. С одной стороны, он несколько нервничал, что не сидит все время рядом с Синтией, но, с другой стороны, будь Рэндалл способен честно разобраться в своих чув-

ствах, пришлось бы признать, что присутствие даже такого маложелательного гостя, как Хог, несколько облегчает его бремя. Сам он считал свое поведение попыткой выяснить причины постигших их с Синтией бед.

Он снова послушал, как бьется ее сердце. Убедившись, что жена не покинула еще сию юдоль скорби, он чуть-чуть взбил подушку и откинул с лица Синтии какой-то случайный волос. Затем, наклонившись и клюнув ее губами в лоб, Рэндалл вернулся в гостиную.

Хог ждал.

— Как там? — спросил он.

Тяжело опустившись на стул, Рэндалл подпер голову руками.

— Все так же.

Хог разумно воздержался от пустых соболезнований; после нескольких секунд молчания Рэндалл начал устало рассказывать о кошмарах, преследовавших его две ночи подряд.

— Поймите, я совсем не хочу сказать, что это имеет какое-то значение, — добавил он в конце. — Я не суеверен.

— А вот я и не знаю, — задумчиво сказал Хог.

— Что вы имеете в виду?

— Я не имею в виду ничего такого сверхъесте-

ственного, но разве можно исключить возможность, что это не какие-то там случайные сны, вызванные вашими дневными переживаниями? Я хочу сказать — если есть кто-то, способный средь бела дня вызвать у вас такие сны наяву, которые снились вам в «Акме», почему он не может управлять заодно и вашими ночными снами?

— Как это?

— Вас кто-нибудь ненавидит, мистер Рэндалл?

— Если и есть такие, то я о них не знаю. Конечно, при моем роде занятий приходится иногда делать вещи, которые не вызывают особо дружеского расположения, но это всегда по чьему-то поручению, в этом нет ничего личного. У некоторых типов есть на меня зуб — но они не способны ни на что подобное. Все это бред какой-то. А вас кто-нибудь ненавидит? Не считая Потбери.

— Я о таких тоже не знаю. Да и про него мне тоже непонятно, чего это он. Кстати, о нем: ведь вы, наверное, обратитесь теперь к другим врачам?

— Да. Что-то у меня шарики в голове крутятся медленно. Но я и придумать не могу, как это сделать, — разве что взять телефонную книгу и выбрать первый попавшийся номер.

— Можно поступить гораздо лучше. Позвоните в какую-нибудь из больших больниц и попросите

прислать за ней машину.

— Вот так я и сделаю, — вскочил на ноги Рэндалл.

— Можно подождать с этим до утра. До утра с ней все равно ничего существенного делать не будут, а она может за это время сама проснуться.

— Ну… да, пожалуй, что и так. Надо мне еще на нее посмотреть.

— Мистер Рэндалл?

— Да?

— Э-э… вы бы не возражали… нельзя ли мне на нее посмотреть?

Рэндалл поднял голову. Он и сам не осознавал, насколько усыплены были его подозрения словами и вежливостью Хога, но теперь неожиданная просьба отрезвила его, заставила вспомнить зловещие предупреждения доктора Потбери.

— Лучше не надо, — натянуто произнес он.

Хог с трудом скрыл свое разочарование.

— Конечно, конечно, я вполне вас понимаю.

Когда Рэндалл вернулся из спальни, неожиданный гость уже стоял у двери с шляпой в руке.

— Пожалуй, мне лучше уйти, — сказал он и добавил, не получив ответа: — Если хотите, я останусь здесь до утра.

— Не надо. В этом нет необходимости. Всего

хорошего.

— Всего хорошего, мистер Рэндалл.

После ухода Хога Рэндалл начал бесцельно бродить по квартире, раз за разом возвращаясь в спальню, к жене. Замечания, сделанные Хогом по поводу врачебных методов Потбери, обеспокоили его сильнее, чем он сам себе в том признавался; кроме того, Хог, частично усыпив подозрения в отношении себя, отнял у Рэндалла простого и очевидного козла отпущения — это тоже не прибавило спокойствия души.

Рэндалл поужинал бутербродами, запил их пивом и с радостью констатировал, что на этот раз все обошлось без неприятных последствий. Затем он перетащил в спальню большое кресло, поставил перед ним скамеечку для ног, вынул запасное одеяло и приготовился к ночному бдению. Делать было нечего, читать не хотелось — Рэндалл попытался было, но книга валилась из рук. Время от времени он поднимался и выуживал из холодильника очередную банку пива. Когда пиво кончилось, пришлось перейти на виски. Нервы эта отрава немного успокоила, но никакого другого ее действия Рэндалл не замечал. Напиваться ему не хотелось.

Проснулся он словно от толчка, в ужасе, и

первые секунды был уверен, что через зеркало лезет Фиппс, намеренный похитить Синтию. В спальне царила полная темнота, сердце буквально колотилось в ребра Рэндалла; он нащупал выключатель и увидел, что ничего подобного не происходит и его жена, бледная, как воск, лежит на прежнем месте.

Только обследовав большое зеркало, убедившись, что оно самым нормальным образом отражает помещение, а не стало окном в какое-то другое, жуткое место, он решился потушить свет. При слабых отблесках проникавшего в окно света фонарей Рэндалл налил себе рюмку для поправки расшалившихся нервов.

Краем глаза уловив в зеркале какое-то шевеление, он резко повернулся, но увидел только свое же собственное, полное ужаса лицо. Опустившись снова в кресло, он потянулся и принял решение не позволять себе больше засыпать.

Что это?

Он бросился на кухню, но там все было в порядке. Во всяком случае, глазом ничего подозрительного не видно. Новый приступ панического страха бросил его обратно в спальню — а вдруг это была просто уловка, чтобы он отошел от Синтии.

Они издевались над ним, дразнили его, стара-

лись заставить сделать неверный шаг. Рэндалл знал это — уже многие дни они плетут сети заговора, стараясь сорвать его самообладание. Они наблюдают за ним через каждое зеркало, имеющееся в доме, и быстро прячутся, когда он пытается их поймать. Сыны Птицы…

— Птица жестока!

Что это, он сам это сказал? Или это крикнул кто-то другой? Птица жестока. Рэндаллу не хватало воздуха, он подошел к открытому окну спальни и выглянул наружу. Темно, как в яме, ни малейших признаков рассвета. На улице ни души. Со стороны озера наползает стена тумана. Времени-то сколько? Шесть утра, если верить часам на столике. Да светает ли когда-нибудь в этом богом позабытом городе?

Сыны Птицы. Неожиданно Рэндалл почувствовал себя очень хитрым и изворотливым; они считают, что он у них в руках, а он их одурачит, не позволит делать такое с ним самим и с Синтией. Вот пойдет сейчас и перебьет все зеркала, какие есть в квартире. Рэндалл целеустремленно направился к кухонному столу и вытащил из ящика, предназначенного для хранения всякой ерунды, молоток. Вооружившись таким образом, он уверенно вошел в спальню. Сначала — боль-

шое зеркало…

Уже замахнувшись, он замер в нерешительности. Синтия расстроилась бы — семь лет счастья не видать. Сам-то он не суеверен, но… Синтии это не понравилось бы. Рэндалл повернулся к кровати с намерением объяснить ей все. Это же так очевидно — просто перебить все зеркала, и никаким Сынам Птицы сюда не влезть.

Повернулся и увидел бледное, неподвижное лицо.

А что еще можно придумать? Они пользуются зеркалами. А что такое зеркало? Кусок стекла, который отражает. Ну и пожалуйста, сделаем так, что они не будут отражать! И как сделать, это тоже ясно, в том же ящике, что и молоток, лежат три или четыре банки эмалевой краски и небольшая кисть — напоминание об охватившем однажды Синтию благородном порыве перекрасить всю мебель.

Рэндалл вылил содержимое всех банок в миску, получилось около пинты густой краски — вполне достаточно, подумал он, для предстоящей работы. Первым нападению подверглось новое зеркало; Рэндалл швырял на него краску быстрыми беззаботными мазками. Краска текла по рукам, капала на туалетный столик — хрен с ним, не до того.

Теперь возьмемся за остальные.

На зеркало в гостиной краски все-таки хватило, хотя и едва-едва. Ну и хорошо, все равно это последнее в квартире зеркало, не считая, конечно, крохотных зеркалец в сумках Синтии, но на эти штуки, решил Рэндалл, можно не обращать внимания. Слишком маленькие, чтобы пролезть человеку, да и вообще спрятаны от глаз.

Краска в банках была красная и черная, все это перемешалось и теперь изобильно украшало руки Рэндалла; выглядел он сейчас так, словно только что совершил зверское убийство с последующим расчленением — «расчлененку», выражаясь нежным полицейским жаргоном. Ничего, переживем. Вытерев краску — если не всю, то большую ее часть — полотенцем, он вернулся к своему креслу и к своей бутылке.

А вот теперь пусть попробуют. Пусть они попробуют свою подлую, грязную черную магию. Ничего, голубчики, не выйдет.

И когда только начнет светать?

Входной звонок выдернул Рэндалла из кресла. Несмотря на полный сумбур в голове, он продолжал хранить твердую уверенность, что не сомкнул глаз ни на секунду. Синтия в порядке, то есть спит по-прежнему — ни на что большее он и

не надеялся. Свернув свой бумажный стетоскоп, он на всякий случай послушал ее сердце.

Звон продолжался — а может, возобновился — в точности Рэндалл не знал. Совершенно механически он взял трубку домофона.

— Потбери, — послышался раздраженный голос. — В чем дело? Вы что там, уснули? Как состояние больной?

— Без изменений, доктор, — ответил Рэндалл, изо всех сил стараясь справиться с неожиданно непослушным голосом.

— Действительно? Ладно, впустите меня.

Когда Рэндалл открыл дверь, Потбери бесцеремонно прошел мимо него, направился прямо к Синтии и несколько секунд смотрел на нее, низко нагнувшись к кровати.

— Все, похоже, как и раньше, — выпрямился он. — Да и трудно ожидать каких-нибудь перемен в первые день-два. Кризис должен наступить примерно в среду.

С явным любопытством Потбери оглядел Рэндалла.

— А чем это вы тут, позволительно будет спросить, занимались? Видок у вас — как после недельного запоя.

— Ничем, — искренне удивился Рэндалл. — А

почему вы не велели мне отправить ее в больницу?

— Самое худшее, что только можно сделать.

— А почему вы так решили? Вы ведь даже толком ее не обследовали. Ведь вы не знаете, что с ней такое. Ведь не знаете?

— Вы что, свихнулись? Я же вчера вам это сказал.

— Одни умственные слова и увертки, — упрямо помотал головой Рэндалл. — Вы пытаетесь меня обмануть, хотелось бы только знать почему.

Потбери шагнул к Рэндаллу.

— Вы действительно сошли с ума, а заодно и напились. — Он бросил взгляд на большое зеркало. — А вот мне хотелось бы узнать, что это тут происходило.

Он потрогал косо наляпанную краску, обезобразившую безукоризненную когда-то поверхность.

— Не трогайте!

Потбери отодвинулся от зеркала.

— Зачем это?

Лицо Рэндалла приобрело хитрое, пройдошистое выражение.

— А я их обманул.

— Кого?

— Сынов Птицы. Они приходят через зеркало,

а я им помешал.

Потбери смотрел на него молча, безо всякого выражения.

— Я их знаю, — продолжил Рэндалл. — Больше они меня не проведут. Птица жестока.

Потбери спрятал лицо в ладонях.

Несколько секунд оба они стояли совершенно неподвижно. Эти секунды потребовались, чтобы новая мысль нашла себе место в измученном, а заодно и отравленном ночными возлияниями мозгу Рэндалла. А когда она нашла-таки это место, Рэндалл ударил врача ногой в пах. Следующие несколько секунд прошли довольно сумбурно. Не проронив ни звука, Потбери начал яростно сопротивляться. Даже и не пытаясь придерживаться правил честной драки, Рэндалл дополнил первый танковый удар другими, столь же эффективными — и грязными.

Когда дым сражения рассеялся, Потбери был в ванной, за запертой дверью, а Рэндалл — в спальне, с ключом от этой двери в кармане. Дышал он тяжело, но даже и не замечал своих немногочисленных и незначительных боевых ран.

Синтия продолжала спать.

— Мистер Рэндалл, выпустите меня отсюда!

Рэндалл вернулся в свое кресло и теперь напряженно думал, как выбраться из несколько странной ситуации. Полностью протрезвев, он не порывался искать совета у бутылки. Мысль, что Сыны Птицы действительно существуют и что один из них заперт в его ванной, укладывалась в голове с трудом.

Это как же получается? Значит, Синтия лежит без сознания, потому что — Господи милосердный! — эти самые Сыны украли ее душу. Дьяволы — они с Синтией связались с дьяволами.

— Что все это значит, мистер Рэндалл? — продолжал барабанить в дверь Потбери. — Вы совсем свихнулись. Выпустите меня!

— А что вы тогда сделаете? Вы оживите Синтию?

— Я сделаю для нее все, что в силах врача. Зачем вы загнали меня сюда?

— Сами знаете. Почему вы закрыли лицо руками?

— При чем тут это? Я хотел чихнуть, а вы вдруг ударили меня ногой.

— А что я должен был сделать? Сказать: «Будьте здоровы?» Вы, Потбери, дьявол. Вы Сын Птицы.

Последовало короткое молчание.

— Что это за чушь?

Рэндалл задумался. А может, и вправду чушь? А что, если Потбери действительно собирался чихнуть? Нет! Никакие прочие объяснения ничего не объясняют. Дьяволы, дьяволы и черная магия. Стоулз, и Фиппс, и Потбери, и вся остальная компания.

Хог? Это легко поставит на место… секундочку, секундочку. Потбери ненавидит Хога. Стоулз ненавидит Хога. Все Сыны Птицы ненавидят Хога. Прекрасно, дьявол там Хог или не дьявол — все равно он союзник.

Потбери снова колотил в дверь, но теперь уже не кулаками, а, судя по тяжелым, более редким ударам, плечом, всем телом. Дверь ванной — довольно хлипкая, как и все внутренние двери современных квартир, — вряд ли собиралась долго терпеть столь неаккуратное с собой обращение.

Рэндалл постучал в дверь снаружи.

— Потбери! Эй, Потбери! Вы меня слышите?

— Да.

— А вы знаете, что я сейчас сделаю? Я позвоню Хогу и позову его сюда. Вы слышите, Потбери? Он убьет вас, Потбери, он убьет вас.

Ответа не последовало, но через некоторое время тяжелое буханье возобновилось. Рэндалл

достал револьвер.

— Потбери!

Ответа опять не было.

— Потбери, кончайте эту долбежку, или я буду стрелять.

Удары даже не ослабли.

И тут Рэндалла неожиданно осенило.

— Потбери, — во имя Птицы — отойдите от двери.

Шум стих, словно отрезанный.

Немного послушав, Рэндалл решил закрепить свое преимущество.

— Во имя Птицы, не трогайте больше эту дверь. Вы слышите меня, Потбери?

Ответа снова не последовало, но стук не возобновлялся.

Время было еще раннее, и Хог оказался дома. Мало что поняв из сбивчивых объяснений Рэндалла, он, однако, согласился приехать к нему сию секунду или чуть быстрее.

Вернувшись в спальню, Рэндалл возобновил свою — теперь уже двойную — стражу. В левой руке он держал холодную, безжизненную ладонь жены, а в правой — револьвер, на случай, если заклятие не сработает. Однако грохот не возобновлялся, несколько минут во всей квартире

царила мертвая тишина. Затем Рэндалл услышал — либо ему померещилось, что услышал, — в ванной негромкое поскребывание, звук необъяснимый и странным образом зловещий.

Что бы это могло значить, он не понял, так что и делать ничего не стал. Звуки продолжались несколько минут, а потом прекратились. А дальше — снова тишина.

Увидев оружие, Хог отшатнулся.

— Мистер Рэндалл!

— Хог, — вопросил Рэндалл, — вы дьявол?

— Я вас не понимаю.

— Птица жестока!

Хог не закрыл лица, однако на этом самом его лице, очень растерянном, забрезжило какое-то понимание.

— О'кей, — решил наконец Рэндалл. — Вы прошли испытание. Если вы и дьявол, то дьявол, который мне нужен. Заходите, я запер Потбери и хочу выставить вас против него.

— Меня? Почему?

— Потому, что он-то настоящий дьявол. Сын Птицы. А они все вас боятся. Идемте.

Продолжая разговаривать, он потащил Хога в спальню к дверям ванной.

— Моя ошибка заключалась в том, что я не

хотел верить в происходящее. Это были не сны.

Стволом револьвера он постучал в дверь.

— Потбери! Здесь находится Хог. Делайте, как я скажу, и тогда — может быть — останетесь живы.

— А что вы от него хотите? — несколько нервно спросил Хог.

— Как что? Ее, конечно.

— О…

Постучав в дверь еще раз, Рэндалл прошептал Хогу:

— А вы согласны ему противостоять, если я открою дверь? Я буду рядом с вами.

Хог бросил взгляд на Синтию, нервно сглотнул и решился.

— Конечно.

— Ну, поехали.

Ванная комната оказалась пустой; ни окна, ни какого-либо иного мыслимого выхода она не имела, но угадать путь бегства Потбери не представляло труда — краска, которой Рэндалл обильно измазал поверхность зеркала, была содрана. При помощи бритвенного лезвия.

Плюнув на предстоящие семь лет невезения, они с Хогом разбили зеркало. Знай Рэндалл, как это делается, он мог бы броситься на ту сторону,

чтобы в одиночку разобраться со всей их компанией, но он этого не знал, так что представлялось разумным прикрыть лазейку.

Дальше делать опять было нечего. Сидя рядом с безжизненной Синтией, они обсудили ситуацию, но так ничего и не придумали. Магией они не владели. Через какое-то время Хог тактично удалился в гостиную, не желая нарушать интимность с новой силой охватившего Рэндалла отчаяния, однако совсем уходить он не хотел. Время от времени он заглядывал в спальню. Именно в один из таких визитов Хог заметил торчащий из-под кровати предмет.

— Эд, — спросил он, поднимая с пола черный саквояж, — а эту штуку вы видели?

— Какую?

Тусклыми, осоловевшими глазами Рэндалл прочитал надпись, изображенную на крышке саквояжа золотыми, порядком потертыми буквами: ПОТИФАР Т. ПОТБЕРИ, Д. М.

— А?

— Он, наверное, забыл его.

— У него и возможности-то не было его унести.

Взяв у Хога саквояж, Рэндалл открыл его — стетоскоп, акушерские щипцы, иглы, зажимы, набор ампул в футляре — обычные инструменты

врача широкого профиля. И один лекарственный пузырек. Рассеянно повертев в руке этот пузырек, Рэндалл прочел прикрепленный к нему рецепт.

ЯД!

Рецепт не используется повторно.
МИССИС РЭНДАЛЛ – ПРИНИМАТЬ ПО НАЗНАЧЕНИЮ.
АПТЕКА «БОНТОН» – ВСЕ ТОВАРЫ СО СКИДКОЙ.

— А может, он думал ее отравить? — предположил Хог.

— Не думаю, это обычные предостережения, как всегда на наркотиках. Хотелось бы все-таки посмотреть, что там за отрава.

Встряхнув казавшийся совсем пустым пузырек, Рэндалл начал соскребать с его горлышка воск.

— Осторожнее, — встревоженно сказал Хог.

— Постараюсь.

Извлекая пробку, Рэндалл отодвинул пузырек подальше от лица, затем повел носом и почувствовал аромат, тонкий и необыкновенно приятный.

— Тедди.

Роняя пузырек, он мгновенно обернулся. Да,

говорила Синтия, ее ресницы приподнялись.

— Ничего не обещай им, Тедди. — Она тяжело вздохнула и прошептала: — Птица жестока! — И снова закрыла глаза.

9

— Все дело в ваших провалах памяти, — настаивал Рэндалл. — Будь известно, чем вы занимаетесь днем, какая у вас профессия, стало бы понятно — чего это ради так ополчились на вас Сыны Птицы. Более того, мы бы знали, как с ними бороться, — ведь они самым очевидным образом вас боятся.

— А как считаете вы, миссис Рэндалл? — повернулся к Синтии Хог.

— Думаю, Тедди прав. Понимай я достаточно в гипнозе, можно было бы попробовать его, но тут я, к сожалению, пас — поэтому лучше всего воспользоваться скополамином. Вы согласны?

— Если предлагаете вы — да, согласен.

— Достань это хозяйство, Тедди.

Синтия спрыгнула с края стола, на котором сидела все время разговора, и Рэндалл протянул руки, пытаясь ее поймать.

— Поосторожнее бы ты, лапа, — укорил он жену.

— Ерунда, я уже в полном порядке.

Почти сразу после пробуждения Синтии они переместились в контору. Говоря попросту, все

трое были перепуганы, перепуганы до дрожи в коленках, но не до потери рассудка. Квартира казалась очень опасным местом — правда, и контора вряд ли была многим лучше. Поэтому Рэндалл с Синтией решили убраться из города, заезд в контору намечался как последняя остановка, для проведения военного совета.

А Хог не знал, что ему делать.

— Будем считать, что вы никогда не видели этого набора, — предупредил его Рэндалл, наполняя шприц. — Я ведь не врач и не должен бы его иметь. Но иногда такая вещь бывает очень кстати.

Он протер предплечье Хога спиртом.

— А теперь — спокойно.

Оставалось только ждать, пока наркотик подействует.

— А что ты надеешься узнать? — прошептал Рэндалл Синтии.

— Не знаю. Если повезет, две его личности воссоединятся и тогда может выясниться много интересного.

Через некоторое время голова Хога безвольно повисла, он стал тяжело дышать. Синтия слегка потормошила его за плечо.

— Мистер Хог, вы меня слышите?

— Да.

— Как вас звать?

— Джонатан… Хог.

— Где вы живете?

— Корпус «Готем» — квартира шестьсот два.

— Чем вы занимаетесь?

— Я… не знаю.

— Постарайтесь вспомнить. Какая у вас профессия?

Молчание. Синтия сделала еще одну попытку.

— Вы гипнотизер?

— Нет.

— Вы… маг?

На этот раз ответ прозвучал только после заметной паузы.

— Нет.

— Кто вы такой, Джонатан Хог?

Хог открыл рот, готовый, казалось, ответить, но затем неожиданно выпрямился и посмотрел на Синтию. Манеры его разительно изменились, движения стали быстрыми, точными, никаких последствий действия наркотика не было и в помине.

Встав, Хог подошел к окну.

— Плохо, — сказал он, выглянув на улицу. — До чего же плохо.

Говорил он скорее сам с собой, ни к кому не обращаясь. Синтия и Рэндалл смотрели на него, затем переглянулись, словно ища друг у друга помощи.

— Что плохо, мистер Хог? — неуверенно спросила Синтия.

Она еще не анализировала своих впечатлений, но сейчас в их конторе находился буквально другой человек — более молодой, полный энергии.

— Да? А, извините. Мне, наверное, надо было объяснить. Я был вынужден, ну, скажем, освободиться от этого препарата.

— Освободиться?

— Отбросить его, проигнорировать, уничтожить. Видите ли, милая, пока вы со мной разговаривали, я припомнил свою профессию.

Хог весело посмотрел на Рэндалла и Синтию, однако от дальнейших объяснений воздержался.

Первым пришел в себя Рэндалл.

— Так какая же у вас профессия?

Хог улыбнулся ему чуть ли не с нежностью.

— Мне не стоит этого вам сообщать, — сказал он. — Во всяком случае пока. Дорогая, — повернулся он к Синтии, — вас не затруднит снабдить меня письменными принадлежностями?

— Э-э… Конечно, конечно.

С поклоном взяв у Синтии карандаш и бумагу, он сел и начал быстро писать. Видя, что Хог, судя по всему, не намерен объяснять своего поведения, Рэндалл прервал его.

— Послушайте, Хог, как мы должны все это… — начал он, но увидел в повернувшемся к нему ясном, безмятежном лице нечто такое, что заставило его изменить тон и неловко скомкать фразу.

— Э-э… мистер Хог, я ничего не понимаю.

— Вы согласны мне довериться?

Рэндалл на мгновение прикусил нижнюю губу, а затем поднял глаза на спокойное, терпеливое лицо Хога.

— Да… пожалуй, я согласен, — промямлил он в конце концов.

— Вот и хорошо. Я хочу попросить вас кое-что купить для меня вот по этому списку. Ближайшие два часа я буду очень занят.

— Вы нас покидаете?

— Вы беспокоитесь насчет Сынов Птицы? Выкиньте их из головы, они не принесут вам больше никакого вреда, это я вам обещаю.

Хог вернулся к прерванному занятию. Через несколько минут он передал список Рэндаллу.

— Внизу я написал место, где мы с вами встре-

тимся, — это заправочная станция неподалеку от Уокигана.

— Уокиган? А почему Уокиган?

— Да особых причин, собственно, и нет. Просто я хочу еще раз сделать нечто, что я очень люблю делать, — и вряд ли смогу когда-либо сделать вновь. Вы ведь поможете мне, да? Кое-что из заказанного мной не очень просто найти, но ведь вы постараетесь?

— Конечно постараемся.

— Отлично.

Не сказав больше ни слова, Хог встал и вышел.

Когда дверь конторы закрылась, Рэндалл опустил глаза на список.

— Ну, чтоб меня черти… Ты знаешь, Син, что мы должны ему купить? Гастрономию всякую.

— Гастрономию? Дай-ка посмотреть.

10

Теперь они находились на северной окраине города, и Рэндалл вел машину все дальше на север. Впереди лежало условленное место встречи с Хогом, а сзади, в багажнике их машины, находились сделанные для него покупки.

— Тедди?

— Да, маленькая?

— А здесь можно развернуться на встречную полосу?

— Конечно — если никто не поймает. А что?

— Понимаешь, именно этого мне сейчас больше всего хочется. Подожди, — торопливо добавила она, — не прерывай. Мы на машине, все наши деньги у нас с собой. Ничто не может помешать нам поехать на юг, если захотим.

— Все еще думаешь об отпуске? Так мы и поедем в отпуск — только сперва отвезем Хогу всю эту хурду-мурду.

— Я не про отпуск. Мне хочется уехать отсюда прямо сейчас и никогда не возвращаться.

— Со всеми этими умопомрачительными продуктами, которые Хог заказал и за которые он должен нам восемьдесят долларов? Гуляйте.

— Сами съедим.

— Икру и крылышки колибри? — фыркнул от возмущения Рэндалл. — Нам это, лапа, не по карману. Мы все больше насчет гамбургера или еще чего в этом роде. Да и вообще я хочу еще раз увидеть Хога. Поговорить с ним напрямую, получить какие-нибудь объяснения.

— Так я и думала, Тедди, — вздохнула Синтия. — Вот потому-то мне и хочется бросить все и удрать. Не хочу я никаких объяснений, мир, как он есть, вполне меня удовлетворяет. Чтобы ты и я — и никаких таких сложностей. Не хочу я и знать ничего ни про мистера Хога и его профессию, ни про Сынов Птицы — ни про что.

Рэндалл нашарил в кармане сигарету, чиркнул спичкой. Все это время он краем глаза чуть насмешливо смотрел на жену. Движение на шоссе, к счастью, было довольно слабым.

— Знаешь, маленькая, я ведь тоже отношусь ко всем этим делам примерно так же, как и ты. Но тут есть одно обстоятельство — если мы оставим все как есть, я буду бояться Сынов Птицы весь остаток своих дней, да я бриться не буду, чтобы только в зеркало не посмотреть. Но есть же какое-то рациональное объяснение всему — обязательно должно быть, — и я хочу его услышать.

Только тогда мы сможем спокойно спать.

Синтия молчала; вся ее потерянно съежившаяся маленькая фигурка выражала отчаяние.

— А ты посмотри с такой стороны, — продолжал Рэндалл. — Все случившееся с нами могло быть вызвано вполне обычными причинами, безо всякого обращения к потусторонним силам. А что касается потусторонних сил — знаешь, вот сейчас, среди бела дня, посреди оживленного шоссе в них как-то с трудом верится. Сыны, понимаешь ли, Птицы — хреновина это все.

— Первый важный момент состоит в том, — с растущим раздражением продолжил Рэндалл, так и не получив ответа от Синтии, — что Хог — потрясающий актер. И совсем он не этакий маленький чопорный Каспар Милктост[7], как нам раньше казалось, а самая что ни на есть доминантная личность. Вспомни только, как я заткнулся, взял под козырек и сказал: «Есть, сэр», когда он сделал вид, что нейтрализовал наркотик, и приказал нам купить все эти роскошные яства.

— Сделал вид?

---

[7] Примечания: 7

Каспар Милктост — герой серии комиксов Х. Т. Вебстера «Робкая душа», популярных в 1920–1950-е гг.; фамилия Milquetoast, созвучная английскому выражению milk toast, «поджаренный хлеб в молоке», стала нарицательной и используется в переносном смысле для обозначения мягкого, робкого, стеснительного человека.

— А ты как думала? Кто-то подменил мое сонное зелье подкрашенной водичкой — скорее всего, тогда же, когда на нашей машинке напечатали это дурацкое предостережение. Но вернемся к делу. Хог очень сильная натура и почти наверняка опытный гипнотизер. Этот самый фокус с тринадцатым этажом и «Детериджем и компанией» хорошо показывает, насколько он искусен, а если не он, то кто-то другой. А может быть, накачали меня заодно и наркотиками — так же, как впоследствии тебя.

— Меня?

— Конечно. Помнишь эту отраву, которой поил тебя Потбери? Какое-то снотворное замедленного действия.

— Ты ведь тоже пил!

— Но совсем не обязательно ту же самую дрянь. Потбери с Хогом в заговоре, вот они на пару и создали атмосферу, в которой любой бред стал возможным. А все остальное — мелочи, каждая из которых в отдельности не особенно существенна.

У Синтии было на этот счет собственное мнение, но она решила держать его пока при себе. Однако один момент был, как ей казалось, в вопиющем противоречии с теорией Рэндалла.

— А как Потбери выбрался из ванной? Ты ведь говорил, что запер его?

— Думал я и об этом. Он вскрыл замок, пока я говорил с Хогом, спрятался в чулане и потом дождался подходящего момента и смылся.

— Хм-м… — Синтия решила не обсуждать пока этот вопрос.

Рэндалл тоже замолк, сосредоточившись на управлении машиной, — они проезжали Уокиган. Он свернул налево, к выезду из города.

— Тедди, если ты так уверен, что никаких Сынов не существует и вся эта история — просто большое надувательство, почему тогда нам не бросить ее и не свернуть на юг? Зачем нам ехать на эту встречу?

— Я уверен, что в общих чертах мое объяснение верно, — сказал Рэндалл, умело объехав явно настроенного на самоубийство юного велосипедиста. — Однако в мотивах я не уверен — именно поэтому хочется увидеть Хога. Только странное у меня ощущение, — продолжил он задумчиво. — Вот никак не верится, что Хог имеет что-нибудь против тебя или меня. Были у него, наверное, причины потратить полкуска на то, чтобы поставить нас в тяжелое положение, пока он осуществляет какие-то там свои планы. Но посмотрим. И во-

обще поворачивать уже поздно — вон та самая заправка, а рядом с ней наш хороший знакомый.

Хог сел в машину молча, только кивнув и улыбнувшись, но Рэндалл снова почувствовал то же самое желание выполнить любые приказы этого человека, которое охватило его два часа назад. Хог указал дорогу.

Сначала они удалялись от города по шоссе, затем свернули на узкий проселок и подъехали в конце концов к воротам огороженного забором пастбища. По просьбе Хога Рэндалл открыл эти ворота и проехал внутрь.

— Владелец не станет возражать. Я бывал здесь много раз, по своим средам. Очень красивый уголок.

Место и вправду оказалось очаровательным. Дорога, превратившаяся теперь в еле заметную колею, полого поднималась на возвышенность, к небольшой роще. Остановив машину под деревом в месте, указанном Хогом, они вышли. На какое-то время Синтия замерла, буквально впитывая красоту окружающего, наслаждаясь каждым глотком прозрачного воздуха. На юге черной кляксой виднелся Чикаго, а за ним и к востоку серебром блестело озеро.

— Ты только посмотри, Тедди, роскошь какая.

— Да, — согласился Рэндалл, но его сейчас больше интересовал Хог. — Зачем мы, собственно, приехали сюда?

— Пикник, — улыбнулся Хог. — Мне кажется, что это место очень подходит для моего финала.

— Финала?

— Сперва поедим, — остановил дальнейшие расспросы Хог. — Ну а потом, если вам того хочется, можно и поговорить.

Меню было несколько странным — место обычной для пикников простой, сытной еды занимали десятки блюд, способных усладить вкус самого изысканного гурмана, — варенье из кумкватов, желе из гуавы, разнообразные мясные деликатесы в маленьких горшочках, тающие во рту вафли с названием знаменитой фирмы на этикетке; чай Хог приготовил лично, на спиртовке. Несмотря на необычность меню, Рэндалл и Синтия — к собственному своему удивлению — ели с большим аппетитом. Хог не пропустил ни одного из блюд, однако ел он, как обратила внимание Синтия, очень мало — не обедал, а скорее дегустировал.

Через какое-то время Рэндалл набрался наконец смелости вернуться к расспросам — становилось ясно, что сам Хог разговора не начнет.

— Хог?

— Да, Эд?

— А не пора ли вам снять эту маску и перестать нас дурачить?

— Я никогда не дурачил вас, Эд.

— Вы знаете, что я имею в виду всю эту бредовую историю, тянувшуюся последние дни. Вы связаны с ней и знаете о ней больше нас — уж это-то вполне очевидно. Поймите, я ни в чем вас не обвиняю, — торопливо добавил Рэндалл, — но мне хочется выяснить, что все это значит.

— А попробуйте сами объяснить, что все это значит?

— Хорошо, — принял вызов Рэндалл. — Попробую.

Он изложил Хогу ту же самую гипотезу, которую совсем недавно бегло набросал Синтии. Ни во время рассказа, ни потом Хог не сделал ни одного замечания.

— Ну так что? — нервно спросил Рэндалл. — Так оно и было?

— Вполне разумное объяснение.

— Я тоже так считаю. Но вы должны кое-что мне объяснить. Зачем вам это все понадобилось?

— Извините, Эд, — задумчиво покачал головой Хог, — но я просто не смогу объяснить вам свои мотивы.

— Какого черта, это же нечестно. Вы могли бы как минимум…

— А где вы, скажите на милость, видели эту самую честность, Эдвард?

— Ну… от вас я ожидал честной игры. Вы поддерживали в нас впечатление, что являетесь нашим другом. Вы должны нам хоть что-то объяснить.

— Я обещал дать вам объяснения. Но подумайте, Эд, вы действительно хотите их получить? Можете быть уверены, никто вас больше не побеспокоит, никаких Сынов вы больше не увидите.

— Не надо ничего спрашивать, Тедди, — тронула Рэндалла за руку Синтия.

Он отмахнулся от нее, без злости, но решительно.

— Я обязан знать. Давайте послушаем ваши объяснения.

— Вам они не понравятся.

— Рискну уж.

— Ну, хорошо. — Хог устроился поудобнее. — Вы не откажетесь налить нам вина, дорогая? Спасибо. Сперва я расскажу вам небольшую историю. Отчасти она будет аллегорической — из-за отсутствия некоторых слов, понятий. Жило однажды некое племя, совсем не похожее на племя люд-

ское — совсем. Я не сумею описать вам ни как они выглядели, ни как они жили, но они обладали одной важной чертой, понятной и вам, — они были существами творческими. Творчество и наслаждение искусством являлись и главным их занятием, и смыслом их жизни. Я намеренно употребил слово «искусство», искусство — понятие неопределенное и не определяемое, не имеющее никаких пределов. Это слово можно использовать без боязни употребить его неправильно, так как оно лишено точного значения. Оно имеет столько значений, сколько есть художников. Не забывайте, однако, что эти художники не люди, и их искусство — не искусство людей.

И был один из этого племени, молодой, если пользоваться вашей терминологией. Он создал произведение искусства под присмотром и при руководстве своего учителя. Он был талантлив, этот молодой, и его творение обладало многими интересными и забавными чертами. Поощряемый учителем, он продолжал работу над своим творением и готовил его к оценке. Не забывайте, что я говорю метафорически, так, словно это был художник из людей, готовящий холсты к ежегодной выставке.

Прервав свой рассказ, Хог неожиданно повер-

нулся к Рэндаллу.

— Скажите, а вы религиозны? Вам приходило когда-нибудь в голову, что все это, — широким движением руки он обвел окружавшую их красоту природы, — может иметь Творца? Должно иметь Творца?

Рэндалл сконфуженно покраснел.

— Вообще-то, я не то чтобы много ходил в церковь, — неуверенно пробормотал он, — но… да, пожалуй, я в это верю.

— А вы, Синтия?

Напряженно слушавшая разговор Синтия молча кивнула.

— Художник создал этот мир на свой собственный манер, используя аксиомы, ему понравившиеся. Учитель одобрил творение в целом, однако…

— Подождите секунду, — перебил его Рэндалл. — Вы что, пытаетесь описать творение нашего мира, Вселенной?

— А что же еще?

— Но… какого черта, это же нелепость какая-то! Я просил вас объяснить события, происшедшие с нами.

— А я предупреждал, что вам не понравится мое объяснение.

Помолчав секунду, Хог продолжил:

— Вначале Сыны Птицы были основным элементом этого мира.

Голова Рэндалла готова была лопнуть. С тошнотворным ужасом он признался наконец себе, что все его логические построения, придуманные по пути сюда, были грошовой поделкой, кое-как сляпанной с единственной целью — подавить обуревавший его страх. Сыны Птицы реальны, они реальны, ужасны и обладают колоссальной мощью. Теперь он знал, о каком племени говорит Хог. Потрясенное, застывшее в ужасе лицо Синтии говорило, что и она знает — и теперь никогда больше не будет спокойствия, ни для кого из них.

— В начале была Птица…

Взгляд, которым Хог окинул Рэндалла, был лишен недоброжелательства, но и сострадания в этом взгляде не было тоже.

— Нет, — сказал он просто и спокойно. — Никакой Птицы никогда не было. Существуют только те, которые называют себя Сынами Птицы. Глупые и наглые. Вся их священная история — сказки и суеверия. Но, согласно законам, которые правят этим миром, они сильны — в некотором роде. И все, что вам, Эдвард, казалось, вы видели в действительности.

— Вы хотите сказать, что…

— Подождите, дайте мне закончить, у меня мало времени. Вы действительно видели все, что, как казалось вам, видели — за одним исключением. Меня вы видели только в вашей квартире или в моей. А все эти существа, которых вы выслеживали на улице, то существо, которое испугало Синтию, — все это Сыны Птицы. Стоулз и его дружки.

Учителю не понравились Сыны Птицы, и он предложил внести в творение некоторые поправки. Но Художник был тороплив, а может — беззаботен; вместо того чтобы убрать их совсем, он их… ну, скажем, замазал или перекрасил, придал им вид неких новых творений из тех, которыми он населил свой мир.

И все это не имело бы особого значения, не будь эта работа избрана для оценки. И конечно же, критики заметили Сынов Птицы, они были… плохими произведениями искусства, они безобразили работу. В умах критиков появились сомнения, стоит ли сохранять такое творение. Вот потому-то я и нахожусь здесь.

Хог замолк, словно ему нечего было больше сказать.

— Так, значит, вы… — в благоговейном страхе

посмотрела на него Синтия, — значит, вы…

— Нет, Синтия, — улыбнулся Хог. — Я не Творец вашего мира. Когда-то вы интересовались моей профессией. Так вот, я искусствовед, Критик.

Все существо Рэндалла не хотело верить этим словам, но искренность, правда, звучавшие в голосе Хога, не оставляли места для сомнений.

— Я уже предупреждал, — продолжил Хог, — что буду вынужден говорить в рамках ваших понятий, вашего языка. Нетрудно понять, что составить суждение о таком творении, как этот ваш мир, — совсем иное дело, чем подойти к картине и оглядеть ее. Этот мир населен людьми, и глядеть на него нужно глазами людей. Поэтому я человек.

Теперь Синтия находилась в еще большем смятении.

— Я не понимаю. Получается, вы действуете через человеческое тело?

— Я действительно человек. В человеческом племени рассеяны Критики-люди. Каждый из них — проекция Критика, но одновременно каждый из них — человек, человек во всех отношениях, даже не подозревающий, что он Критик.

Словно утопающий за соломинку, Рэндалл ухватился за прозвучавшее в этих словах про-

тиворечие.

— Но ведь вы знаете это — или, по крайней мере, так говорите. Здесь что-то не сходится.

— Верно, — невозмутимо кивнул Хог, — но до самого сегодняшнего дня, когда по различным причинам — в том числе из-за проведенного Синтией допроса — стало неудобным продолжать такое существование, вот этот человек, — он постучал себя по груди, — не имел ни малейшего представления, зачем он здесь. Есть целый ряд вопросов, на которые я не мог ответить, оставаясь Джонатаном Хогом.

Джонатан Хог возник как человек с единственной целью — проникнуться, насладиться артистическими аспектами этого мира. Тем временем оказалось удобным использовать его же для расследования некоторых сторон деятельности этих отвергнутых, перекрашенных существ, которые именуют себя Сынами Птицы. Так уж случилось, что вы двое, ничего не знающие и ничего не понимающие, оказались вовлечены в эти события — как почтовые голуби, используемые сражающимися армиями. Но этим дело не ограничилось, и, общаясь с вами, я познакомился с некоторыми не замеченными мной прежде обстоятельствами художественного плана, почему,

собственно, я и взял на себя труд вдаваться во все эти объяснения.

— Что вы имеете в виду?

— Позвольте мне сперва упомянуть обстоятельства, замеченные мной в моей роли Критика. Ваш мир обладает целым рядом удовольствий. Еда.

Протянув руку, от отщипнул большую сахарно-сладкую мускатную виноградину и неторопливо, смакуя, съел ее.

— Странное удовольствие. И весьма примечательное. Никому прежде не приходило в голову превратить в искусство элементарный процесс получения необходимой для жизни энергии. Ваш Художник весьма талантлив. Кроме того, вы видите сны. Необычайная рефлексия, при которой творениям Художника дано творить новые миры, свои собственные. Теперь вы видите, — улыбнулся Хог, — почему критик должен быть самым взаправдашним человеком — иначе как бы он увидел сны, которые видят люди?

Затем вино и все прочее в этом роде — наслаждение, соединяющее в себе черты еды и снов.

Есть у вас и ни с чем не сравнимое наслаждение беседы, дружеской беседы — чем мы с вами сейчас и занимаемся. Это удовольствие не ново, однако достойно всяческой похвалы то, что Ху-

дожник включил и его.

Далее — любовь мужчины и женщины. Просто секс смешон, и я полностью отверг бы такое нововведение, если бы, благодаря вам, друзья мои, не увидел за этим нечто, полностью избегнувшее внимания Джонатана Хога, нечто такое, что никогда не сумел бы придумать сам. Как я уже говорил, талант вашего Художника весьма велик.

Почти с нежностью Хог посмотрел на Синтию и Рэндалла.

— Скажите, Синтия, что вам нравится в этом мире, чего вы боитесь и что ненавидите?

Вместо ответа Синтия прижалась к мужу, который обнял ее за плечи, словно пытаясь защитить ото всех бед.

— А вы, Эдвард? — повернулся Хог к Рэндаллу. — Есть в этом мире нечто такое, ради чего вы отдали бы и тело свое, и душу, возникни такая необходимость? Не надо отвечать, я все видел на вашем лице и в вашем сердце вчера, когда вы склонялись над кроватью. Великолепные, просто великолепные произведения искусства — я имею в виду вас обоих. В вашем мире я нашел целый ряд образцов отличного, оригинального искусства — вполне достаточно, чтобы оправдать продолжение работы Художника над этим

его творением. Но много здесь и неудовлетворительного, плохо написанного, дилетантского, такого, из-за чего я никак не мог одобрить работу в целом, пока не встретил, не прочувствовал, не оценил трагедию человеческой любви.

— Трагедию? — изумленно посмотрела на него Синтия. — Вы сказали «трагедию»?

— А чем она может быть еще?

Во взгляде Хога была не жалость, а спокойное мудрое понимание.

Несколько секунд Синтия молча, широко открытыми глазами смотрела на него, а затем спрятала лицо на груди мужа. Рэндалл потрепал ее по голове.

— Прекратите это, Хог, — яростно сказал он. — Вы снова ее напугали.

— Я не хотел.

— Все равно напугали. И я скажу вам, что думаю о вашем рассказе. В нем такие дырки, через которые слона провести можно. Вы все это выдумали.

— Вы сами в это не верите.

Так оно и было, в глубине души Рэндалл поверил Хогу. Однако он продолжал говорить, рукой пытаясь успокоить жену:

— А как насчет грязи под вашими ногтями? Я

заметил, что вы ни словом ее не упомянули. И еще — отпечатки ваших пальцев.

— Вещество из-под моих ногтей очень слабо связано с этой историей. Оно выполнило свою задачу — напугало Сынов Птицы. Они сразу разобрались, что это такое.

— А именно?

— Кровь Сынов, помещенная туда другой моей личностью. Но при чем здесь отпечатки пальцев? Джонатан Хог искреннейшим образом боялся давать их. Джонатан Хог был человеком, Эдвард, и вы не должны об этом забывать.

Рэндаллу пришлось рассказать о своих с Синтией столь же бесплодных, сколь многочисленных упражнениях в дактилоскопии.

— Понятно, — кивнул Хог. — Правду говоря, я не припоминаю всего этого даже сейчас, хотя моя полная личность должна бы все знать. У Джонатана Хога была нервная привычка протирать различные предметы носовым платком, возможно, он протер ручки вашего кресла.

— Я такого не помню.

— Как и я.

— Это еще далеко не все, это только малая часть несуразностей, — не сдавался Рэндалл. — А как насчет той больницы, в которой вы, по вашим же

собственным словам, находились? И кто вам платит? Где вы берете деньги? Кроме того — почему Синтия вас боялась?

Хог посмотрел на далекий город; со стороны озера накатывался туман.

— На все эти вещи не остается времени, — сказал он. — И даже для вас самих не имеет значения — поверите вы мне или не поверите. Но вы ведь верите — несмотря ни на что. Однако вы напомнили мне про еще один момент. Вот.

Вытащив из кармана толстую пачку банкнот, он протянул ее Рэндаллу.

— Возьмите, мне они больше не понадобятся. Через несколько минут я вас покину.

— Куда вы направляетесь?

— Назад, к себе. После моего ухода вы должны сделать следующее: забирайтесь в машину и сразу уезжайте, на юг, через город. Ни в коем случае не открывайте окна машины, пока не удалитесь от города на приличное расстояние.

— Почему? Все это мне как-то не нравится.

— И все равно делайте, как я сказал. Предстоят некоторые — ну, скажем, изменения, перестройки.

— Что вы имеете в виду?

— Я ведь говорил вам, что с Сынами Птицы

покончено. С ними и со всеми их делами.

— Каким образом?

Хог не ответил, он смотрел на туман, начинавший окутывать город.

— Думаю, мне пора вас покинуть. — Он повернулся с явным намерением уйти. — Делайте все, как я сказал.

— Не уходите. — Синтия оторвалась от груди мужа. — Подождите немного.

— Да, дорогая моя?

— Вы обязаны сказать мне одну вещь. Мы с Тедди не разлучимся?

Хог внимательно посмотрел ей в глаза.

— Я понимаю, что вы хотите спросить. Только я этого не знаю.

— Но вы должны знать!

— Я не знаю. Если оба вы существа этого мира, тогда ваши дороги могут и дальше идти рядом. Но ведь есть и Критики.

— Критики? А они-то какое имеют к нам отношение?

— Не исключено, что либо один из вас, либо другой, либо оба сразу являются Критиками. Этого я знать не могу. Ведь Критики — просто люди, пока они здесь. До сегодняшнего дня я не знал даже про себя. Вот он вполне может оказаться

Критиком. — Хог задумчиво посмотрел на Рэндалла. — У меня уже появлялось сегодня такое подозрение.

— А я?

— Я просто не могу этого знать. Но крайне маловероятно. Видите ли, мы не должны быть знакомы друг с другом, это портит достоверность наших оценок.

— Но, но… если мы не одинаковы, значит…

— Это все.

Слова были сказаны без нажима, но звучали настолько окончательно, что Рэндалл с Синтией вздрогнули. Наклонившись к остаткам пиршества, Хог отщипнул еще одну виноградину, съел ее и закрыл глаза.

И больше их не открыл.

— Мистер Хог? — окликнул Рэндалл через некоторое время. — Мистер Хог!

Ответа не было. Отодвинув Синтию, он встал, подошел к сидячему человеку и потрогал его за плечо.

— Мистер Хог!

— Но нельзя же бросить его здесь, — убеждал Рэндалл Синтию через несколько минут.

— Он знал, что делает, Тедди. Теперь нам нужно следовать его указаниям.

— Ну ладно, мы можем заехать в Уокиган и известить полицию.

— Сказать им, что там, на холме, валяется мертвец, которого мы оставили? И что же они нам ответят? Прекрасно, скажут, езжайте дальше? Нет, Тедди, мы будем делать так, как сказал Хог.

— Слушай, лапа, неужели ты поверила всему, что он нам наплел?

— А ты? — Синтия смотрела на него глазами, полными слез. — Только честно.

Не выдержав ее взгляда, Рэндалл опустил голову.

— Ладно, ерунда это все. Сделаем, как он сказал. Садись в машину.

Спустившись с холма и направляясь к Уокигану, они не заметили и следа того тумана, который совсем недавно покрыл Чикаго, не увидели они его и свернув на юг, к городу. День был таким же ясным, солнечным, как и начинавшее его утро, в воздухе чувствовалась легкая прохлада, делавшая вполне осмысленным совет Хога держать окна машины плотно закрытыми.

Они выбрали путь вдоль берега озера, огибая таким образом Петлю, с намерением так и ехать на юг, пока машина не окажется далеко за пределами города. Теперь машин попадалось заметно

больше, чем утром, и Рэндаллу приходилось внимательно следить за дорогой, что было даже и кстати — ни он, ни Синтия не хотели сейчас разговаривать.

— Синтия… — сказал Рэндалл, когда район Петли остался позади.

— Да.

— Нужно кому-нибудь сказать. Как только встретим полицейского, я остановлюсь и скажу, чтобы он позвонил в Уокиган.

— Тедди!

— Не кипятись. Наплету ему чего-нибудь, чтобы расследование началось, а на нас подозрений не было. Сумею, не в первый раз.

Синтия замолкла; кому как не ей было знать, что фантазии у мужа более чем достаточно для такой простой задачи. Полицейский встретился через несколько кварталов; стоя на тротуаре, служитель закона грелся на солнышке и лениво наблюдал за мальчишками, играющими на пустыре в футбол. Свернув к бровке, Рэндалл остановил машину.

— Открой окно, Син.

Синтия опустила стекло и тут же резко, судорожно хватила ртом воздух. И она, и Рэндалл с трудом подавили желание закричать.

За окном не было ни солнечного света, ни полицейского, ни мальчишек — не было вообще ничего. Только серый, безликий туман, и этот туман медленно пульсировал, словно живя какой-то своей, не оформившейся еще жизнью. И никаких признаков города, но не потому, что туман был очень плотным, а потому, что он был — пуст. Сквозь него не проглядывало ни одно движение, сквозь него не долетал ни один звук.

Приблизившись к окну машины, туман начал медленно заползать внутрь.

— Закрой окно!

Увидев, что Синтия никак не может справиться со своими не гнущимися от ужаса пальцами, Рэндалл перегнулся через нее и лихорадочно крутанул ручку, подняв стекло до упора.

И все стало по-прежнему, через стекло они снова увидели полицейского, играющих детей, тротуар, а дальше — город. Синтия взяла мужа за руку.

— Поезжай, Тедди.

— Подожди секунду, — напряженным голосом сказал Рэндалл, поворачиваясь к своему окну. Медленно, очень осторожно, он приспустил стекло — чуть-чуть, меньше чем на дюйм.

Этого хватило. И здесь тоже стояла серая бесфор-

менная масса. Через стекло отчетливо виднелись улица и машины, бегущие по ней, сквозь открытую щель — ничего.

— Поезжай, Тедди. Пожалуйста.

Уговаривать Рэндалла было не надо, выжав сцепление, он резко бросил машину вперед.

Их дом стоит не прямо на берегу Мексиканского залива, но поблизости. Залив хорошо виден с вершины ближайшего холма. В поселке, куда они ходят за покупками, живут всего восемь сотен человек, но им этого вполне хватает. Да и вообще они не особенно любят общество — кроме, конечно, общества друг друга. Вот этого у них предостаточно. Когда он идет работать в огород или в поле, она идет следом, прихватив с собой какую-нибудь мелкую женскую работу. В город они тоже ездят вместе, рука в руку, всегда, без всяких исключений.

Он отпустил бороду, и не потому, что ему очень уж это нравится, а по необходимости — во всем их доме нет ни одного зеркала. Есть у них одна странность, которая обратила бы на себя внимание в любой общине, знай о ней окружающие, но такова уж природа этой странности, что никто и никогда о ней не узнает.

Вечером, отходя ко сну, он обязательно присте-

гивает наручниками свою руку к ее руке и только потом выключает свет.

Наш прекрасный город

Развернув машину, Пит Перкинс остановился у стоянки Ол-Найт и гаркнул:

— Эй, Паппи!

Сторож на стоянке был человеком немолодым. Бросив взгляд на позвавшего, он ответил:

— Через минуту буду к твоим услугам, Пит.

Старик занимался тем, что рвал на узкие полосочки воскресный выпуск комикса. Недалеко от него танцевал маленький смерчик. Он подхватывал обрывки старых газет, уличную пыль и швырял их в лица прохожих. Старик вытянул руку, в которой трепетал длинный яркий бумажный вымпел.

— Вот, Китти, — откашлялся он. — Иди сюда, Китти…

Смерчик замер, затем заметно вытянулся, перепрыгнул два автомобиля, оставленные на стоянке, и закружился рядом со стариком.

Было похоже, что он расслышал приглашение.

— Возьми, Китти, — мягко сказал старик и позволил яркому вымпелу скользнуть между пальцами.

Смерчик подхватил бумажную ленту и, вращая, втянул в себя. Старик отрывал клочки один за другим; они штопором влетали в гущу грязных бумаг и мусора, составлявших видимое тело воздушного вихря. Наткнувшись на холодную лужу — их здесь, в каменном ущелье улочки, было множество, — смерч ускорил свое движение и еще более вытянулся, пока цветные ленты, подхваченные им, не превратились в фантастически вздыбленную прическу. Старик с улыбкой повернулся.

— Китти любит новую одежду.

— Оставь, Паппи, или ты заставишь меня поверить в это.

— Ты и не должен *верить* в Китти, тебе достаточно ее *увидеть*.

— Ну да, конечно… но ты ведешь себя, словно она… я имею в виду оно… способно понимать твои слова.

— Ты в самом деле не веришь? — мягко и терпеливо спросил Паппи.

— Брось, Паппи!

— Хмм… дай-ка мне твою шляпу. — Паппи протянул руку и сдернул шляпу с головы Пита Перкинса. — Сюда, Китти, — сказал он. — Вернись!

Смерчик, плясавший над их головами несколькими этажами выше, ринулся вниз.

— Эй! Что ты собираешься делать с моей шляпой? — осведомился Перкинс.

— Минутку… Китти, сюда! — Словно избавившись от какого-то груза, смерчик резко опустился еще ниже. Старик протянул ему шляпу. Смерчик подхватил ее и погнал вверх по длинной крутой спирали.

— Эй! — заорал Перкинс. — Ты соображаешь, что делаешь? Кончай свои шутки — этот колпак обошелся мне в шесть кусков всего три года назад.

— Не беспокойся, — спокойно сказал старик. — Китти принесет ее обратно.

— Как бы не так! Скорее всего, она окунет ее в речку.

— О нет! Китти никогда не роняет ничего, что не хочет уронить. Смотри. — Шляпа танцевала над крышей отеля на противоположной стороне улицы. — Китти! Эй, Китти! Принеси ее обратно.

Смерчик замедлил свое движение, и шляпа спустилась двумя этажами ниже. Затем она снова остановилась, и смерчик начал лениво жонглировать ею.

— Принеси ее сюда, Китти, — повторил старик.

Шляпа поплыла вниз по спирали и, внезапно закончив свое движение мертвой петлей, шлепнула Перкинса по лицу.

— Она пыталась надеть тебе шляпу прямо на голову, — объяснил сторож. — Обычно это у нее получается довольно точно.

— Вот как? — Перкинс поймал шляпу и, открыв рот, смотрел на завихрение.

— Убедился? — спросил старик.

— Ну, ну... — Он еще раз посмотрел на свою шляпу, потом на смерчик. — Паппи, я чувствую, мне надо выпить.

Они пошли в сторожку; Паппи отыскал стаканы, а Перкинс наполнил их из прихваченной в машине почти полной бутылки виски и сделал два внушающих уважение глотка. Повторив эту процедуру, он снова наполнил стаканы и опустился на стул.

— Это было в честь Китти, — сказал Перкинс. — Будем считать, что сие возлияние — компенсация за банкет у мэра.

Паппи сочувственно пощелкал языком.

— Тебе надо о нем писать?

— Мне надо выдать очередную колонку хоть о чем-нибудь, Паппи. Прошлым вечером Хиззонер, наш мэр, окруженный уникальным созвездием

профессиональных шантажистов, взяточников, лизоблюдов и махинаторов, дал торжественный банкет в честь своего избрания… Придется написать об этом, Паппи: подписчики требуют. Ну почему я не могу, как все нормальные люди, немного расслабиться и идти отдыхать?

— Сегодня у тебя была хорошая колонка, — подбодрил его старик. Он развернул «Дейли форум».

Перкинс забрал газету и скользнул взглядом в низ полосы, где обычно помещалась его колонка.

«Питер Перкинс, — прочел он. — НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД».

Перкинс пробежал глазами текст:

«Что случилось с экипажами? В нашем земном раю по традиции принято считать, что было хорошо для отцов-основателей, вполне подходит и нам. Мы спотыкаемся о ту же выбоину, в которой дедушка Тозье поломал себе ногу в 1909 году. Мы радуемся, зная, что вода, вытекающая из ванны, не пропадает бесследно, а возвращается к нам через кран на кухне, благоухая хлором. (Кстати, Хиззонер пьет только газированную воду из бутылок. Можете убедиться в этом сами.)

Но тем не менее я должен сообщить вам ужасающую новость. Куда-то делись все экипажи!

Вы можете мне не верить. Общественный

транспорт ходит так редко и движется так медленно, что разница почти неразличима; и все же я могу поклясться, что не так давно видел на Гранд-авеню колченогую колымагу без всяких признаков лошадей поблизости. Не иначе внутри ее была какая-то электрическая машина. Даже для нашего атомного века это уже чересчур. И я предупреждаю всех горожан…»

Тут Перкинс разочарованно фыркнул.

— Паппи, это стрельба из пушек по воробьям. Этот город прогнил насквозь, и он останется таким навечно. Почему я должен напрягать мозги из-за этой ерунды? Дай-ка мне бутылку.

— Не расстраивайся, Пит. Смех для тиранов страшнее, чем пуля убийцы.

— Хорошо излагаешь. Но мне не до смеха. Я потешался над ними, как только мог, — и все кошке под хвост. Все мои старания — такое же пустое сотрясание воздуха, как и у твоего друга, танцующего дервиша.

Окно вздрогнуло от резкого удара ветра.

— Не говори так о Китти, — серьезно заметил старик. — Она чувствительна.

— Прошу прощения. — Пит встал и, повернувшись к двери, поклонился. — Китти, я приношу свои извинения. Твои хлопоты куда как важнее

моих. — Он повернулся к хозяину. — Давай выйдем и поговорим с ней, Паппи. Лучше общаться с Китти, чем писать о банкете у мэра… Будь у меня выбор…

Выходя, Перкинс захватил с собой пестрые остатки располосованных комиксов и стал размахивать в воздухе бумажными лентами.

— Сюда, Китти! Сюда! Это тебе!

Смерчик спустился и, как только Перкинс выпустил бумагу из рук, сразу же подхватил ее.

— Она глотает все, что ей ни дашь.

— Конечно, — согласился Паппи. — Китти словно архивная крыса. Все бумажки прибирает себе.

— Неужели она никогда не устает? Ведь должны быть и спокойные дни.

— По-настоящему здесь никогда не бывает спокойно. Так уж на этой улице, что ведет к реке, стоят дома. Но, я думаю, она прячет свои игрушки где-то на их крышах.

Газетчик уставился на крутящуюся струйку мусора.

— Бьюсь об заклад, у нее есть газеты за прошлый месяц. Слушай, Паппи, я как-то выдал колонку о нашей службе очистки и о том, как мы не заботимся о чистоте улиц. Было бы неплохо раскопать парочку газет, что вышли примерно

года два назад, — и тогда я мог бы утверждать, что и после публикации они продолжают валяться по городу.

— Зачем ломать голову? — сказал Паппи. — Давай посмотрим, что там есть у Китти. — Он тихонько свистнул. — Иди сюда, малышка, дай посмотреть Паппи твои игрушки.

Смерчик, плясавший перед ними, изогнулся, его содержимое закружилось еще быстрее. Сторож прицелился и выдернул из этой мешанины кусок старой газеты.

— Вот… трехмесячной давности.

— Попробуй еще…

— Попытаюсь. — Он выхватил еще одну газетную полосу. — За прошлый июнь.

— Это уже лучше.

Прозвучал автомобильный сигнал, и старик поспешил открыть ворота. Когда он вернулся, Перкинс все еще продолжал вглядываться в столб бумажного мусора.

— Повезло? — спросил Паппи.

— Она не хочет мне ничего давать. Так и рвет из рук.

— Китти, ты капризуля, — сказал старик. — Пит мой друг. Будь с ним полюбезнее.

— Все в порядке, — сказал Перкинс. — Мы про-

сто не были с ней знакомы. Но посмотри, Паппи, ты видишь этот заголовок? На первой полосе.

— Она тебе нужна?

— Да. Посмотри поближе — видишь в заголовке «Дью» и под ним что-то еще. Но не могла же она хранить этот мусор с предвыборной кампании девяносто восьмого года?

— Еще как могла. Китти крутится здесь столько, сколько я себя помню. И она постоянно все тащит к себе. Подожди секунду… — Он мягко сказал что-то Китти, и газета очутилась у него в руках. — Теперь ты можешь ее рассмотреть.

Перкинс впился в листок.

— Да я завтра же буду сенатором! Ты понимаешь, что это такое, Паппи?

Заголовок гласил: «Дью вступает в Манилу». На листке значилась дата — 1898 год.

Двадцать минут спустя, прикончив бутылку виски, они все еще продолжали беседовать. Газетчик не отрывался от пожелтевшего, ветхого листа бумаги.

— Только не говори, что это болталось по городу без малого восемьдесят лет.

— А почему бы и нет?

— Почему бы и нет? Ну ладно, я еще могу согласиться, что улицы с тех пор ни разу не убирались,

но бумага столько не выдержала бы. Солнце, дождь и все прочее сделали бы свое дело.

— Китти очень заботится о своих игрушках. Уверен, в плохую погоду она все прятала под крышу.

— Но, ради всего святого, Паппи, не веришь же ты в самом деле, что она… Нет, тебя не переубедить. Хотя, откровенно говоря, мне не так уж важно, где она раздобыла эту штуку. Официальная версия сведется к тому, что этот грязный клочок бумаги невозбранно носился по улицам нашего города последние восемьдесят лет. Ну и посмеюсь же я над ними, старик!

Он аккуратно свернул газету и принялся засовывать ее в карман.

— Нет-нет, не делай этого, — запротестовал хозяин.

— Почему? Я возьму ее в редакцию, чтобы там сфотографировать.

— Ты не должен этого делать. Это вещь Китти, я ее только одолжил…

— Ты что, псих?

— Она рассердится, если мы не вернем ей газету. Пожалуйста, Пит, она позволит тебе посмотреть на нее в любое время, когда ты только захочешь.

Старик был настолько серьезен, что Пит за-

думался.

— Я боюсь, что мы ее никогда больше не увидим, — сказал он. — А у меня это будет отправной точкой для раскрутки темы.

— С твоей стороны это не совсем хорошо… История должна была бы быть про Китти. Но не беспокойся — я скажу ей, что эту бумагу терять нельзя.

— Ну ладно.

Они вышли, и Паппи что-то серьезно объяснил Китти, а затем вручил ей обрывок газеты за 1898 год. Китти сразу же подняла его на самый верх своей покачивающейся колонны. Перкинс попрощался с Паппи и двинулся к выходу, но вдруг резко повернулся, не скрывая легкого смущения.

— Слушай, Паппи…

— Да, Пит?

— Но на самом деле ведь ты не веришь, что эта штука живая?

— Почему бы и нет?

— Почему бы и нет? Ты хочешь сказать…

— Ну, — рассудительно сказал Паппи, — а откуда ты знаешь, что ты живой?

— Но… да потому, что я… хотя, если разобраться… — Он остановился. — Сам не знаю. Ты мне заморочил голову, приятель.

Паппи улыбнулся:

— Значит, ты понимаешь?

— Хм… Хочу надеяться. Всего, Паппи. Всего, Китти. — Он приподнял шляпу, обращаясь к смерчику. Пыльный столбик качнулся в ответ.

Шеф-редактор послал за Перкинсом.

— Слушай, Пит, — сказал он, решительно хлопнув по пачке исписанных листов, лежавших перед ним, — задумка у тебя была неплохая, но… хотел бы я увидеть хоть парочку твоих статей, написанных не в пивной.

Перкинс взглянул на лежащую перед ним газетную полосу.

«Питер Перкинс. НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД. СВИСТНИ НА ВЕТЕР

Прогулка по улицам нашего города всегда полна неожиданностей, а порой и приключений. Прокладывать путь приходится среди самого разного мусора, осколков посуды, мятых сигаретных пачек и прочих малопривлекательных предметов, которыми пестрят тротуары города. В это время в лицо нам летят сувениры в виде конфетти от давно про-

шедшего праздника, истлевшие листья и другая труха, которая под воздействием непогоды утратила свой первоначальный вид и не поддается опознанию. Правда, я всегда был уверен: самое тщательное знакомство с сокровищами наших улиц не может обогатить вас реликвией более чем семилетней давности…»

Дальше шел рассказ о смерчике, который почти столетие таскает по улицам ставшую антикварной газету. Кончалась заметка вызовом в адрес других городов страны — могут ли они похвастать чем-либо подобным?

— Разве это так плохо? — осведомился Перкинс.

— Это прекрасная идея — пошуметь о грязи на улицах, Пит, но материал должен быть обоснован.

Перкинс наклонился над столом.

— Шеф, он полностью обоснован.

— Не глупи, Пит.

— Он говорит — не глупи. Ну ладно… — И Перкинс положил перед редактором обстоятельный отчет о Китти и о газете 1898 года.

— Пит, должно быть, ты крепко хватил в этот

день.

— Только томатного сока. У меня в тот самый день так схватило сердце, что думал — отдам концы.

— А как насчет вчерашнего дня? Могу ручаться, этот… смерчик явился в бар вместе с тобой.

Перкинс с достоинством выпрямился.

— Однако таковы факты.

— Успокойся, Пит. Я ничего не имею против того, как ты пишешь, но фактов должно быть больше. Раскопай данные о поденщиках, узнай, сколько им платят за очистку улиц, сравни с другими городами…

— И кто будет читать эту тягомотину? Пойдем спустимся по улице вместе со мной. И я тебе покажу истинные факты. Подожди только минуту — я приглашу фотографа.

Через двадцать минут Перкинс уже знакомил шеф-редактора и Кларенса В. Уимса с Паппи. Кларенс стал готовить камеру.

— Щелкнуть?

— Обожди, Кларенс. Паппи, можешь ты попросить Китти притащить нам ту музейную штуку?

— Конечно. — Старик посмотрел вверх и свистнул. — Эй, Китти! Иди к Паппи. — Над их головами пролетело несколько пустых жестянок, охапка

листьев, и к ногам легло несколько обрывков газет. Перкинс посмотрел на них.

— Но здесь нет того, что нам нужно, — удрученно сказал он.

— Сейчас она притащит. — Паппи сделал движение вперед, и смерчик обхватил его. Они видели, как шевелятся губы Паппи, но слов не разобрали.

— Щелкнуть? — спросил Кларенс.

— Пока нет.

Смерчик поднялся вверх и исчез где-то меж крыш соседних зданий. Шеф-редактор открыл было рот, но снова закрыл его.

Китти скоро вернулась. Она притащила много разного хлама, и среди всего прочего был и тот самый газетный лист.

— Вот теперь щелкай, Кларенс!

— Щелкай, пока она висит в воздухе!

— Раз — и готово, — отозвался Кларенс, вскидывая камеру. — Сдай чуть назад и подержи ее так, — сказал он, обращаясь к смерчику.

Китти помедлила, потом легко качнулась назад.

— Осторожненько развернись, Китти, — добавил Паппи, — и поверни листик. Нет, нет, не так — другим концом кверху.

Газета развернулась и медленно проплыла мимо них, демонстрируя заголовок.

— Поймал? — осведомился Перкинс.

— Раз — и готово, — сказал Кларенс. — Все? — спросил он у шеф-редактора.

— Мм… я думаю, что все.

— Хорошо, — сказал Кларенс, захлопнул камеру и исчез.

Редактор вздохнул.

— Джентльмены, — сказал он, — я думаю, надо выпить.

Даже после четырех рюмок спор между Перкинсом и редактором не затих. Паппи это надоело, и он ушел.

— Не будьте идиотом, босс, — говорил Пит. — Вы же не можете печатать статью о *живом* смерче. Вас же засмеет весь город.

Шеф-редактор Гейнс гордо выпрямился.

— Таково правило «Форума» — печатать абсолютно все новости, ничего не скрывая. Раз это новость — мы ее публикуем. — Он несколько расслабился. — Эй! Официант! Повторить — и поменьше содовой.

— Но это невозможно с научной точки зрения.

— Ты же все видел своими глазами!

— Да, но…

— Мы обратимся в Смитсоновский институт с просьбой провести расследование.

— Они поднимут нас на смех, — продолжал настаивать Перкинс. — Ты когда-нибудь слышал о массовом гипнозе?

— Это не аргумент, тем более что Кларенс тоже его видел.

— При чем здесь Кларенс?

— При том, что надо иметь, что гипнотизировать.

— С чего ты взял, что у Кларенса нет мозгов?

— Попробуй опровергнуть меня.

— Ну, во-первых, он живое существо — значит, он должен иметь хоть какие-то мозги.

— Как раз об этом я и говорю — эта воздушная штука тоже живая, она двигается; значит, у нее есть мозги. Перкинс, если эти яйцеголовые из Смитсоновского института будут настаивать, что это антинаучно, помни, что за тобой стоят «Форум» и я. Ни шагу назад!

— А вдруг?..

— Никаких вдруг! А теперь отправляйся на стоянку и возьми интервью у этого торнадо.

— Ты же все равно не будешь меня печатать.

— Кто не будет тебя печатать? Я изничтожу его на корню! Отправляйся, Пит. Давно пора взорвать

этот город и распылить по ветру. Хватит разговоров! На первую полосу! За дело! — Он напялил на себя шляпу Пита и поспешил в туалет.

Расположившись за столом, Пит поставил рядом с собой термос с кофе, банку томатного сока и положил вечерний выпуск газеты.

Под снимками Киттиных забав, разверстанными на четырех колонках, помещалась его статья. Надпись над жирной восемнадцатипунктовой линейкой указывала:

«СМОТРИ РЕДАКЦИОННУЮ ПОЛОСУ, С. 12».

На 12-й странице над такой же черной линейкой значилось:

«ЧИТАЙТЕ „НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД“ на с. 1».

Но он прочел только заголовок:

«ГОСПОДИНА МЭРА – В ОТСТАВКУ!!!»

Пробежав нижеследующие строки, Пит прищелкнул языком.

«Затхлый душок – символ духовной за-

плесневелости, притаившейся в темных углах нашей мэрии, приобрел размеры циклона и указывает на то, что давно пора вымести на свалку администрацию, погрязшую во взяточничестве и бесстыдстве».

Далее издатель указывал на то, что контракт на уборку улиц и вывозку мусора был вручен деверю мэра, но что Китти, смерчик, прогуливающийся по городским улицам, сможет сделать эту работу и дешевле и лучше.

Зазвонил телефон. Пит поднял трубку.

— Замечательно, начало положено…

— Пит… это ты? — прорезался голое Паппи. — Они тащат меня в участок.

— Чего ради?

— Они обвиняют Китти в нарушении общественного спокойствия.

— Сейчас буду.

Он вытащил Кларенса из отдела иллюстраций, и они поспешили в полицейский участок. Перкинс решительно вошел внутрь. Паппи сидел там под надзором лейтенанта, вид у него был довольно обескураженный.

— Что тут случилось? — спросил репортер,

тыкая пальцем в Паппи.

— Щелкнуть? — спросил Кларенс.

— Пока подожди. Меня интересуют новости, Дамброски, — я думаю, вы помните, что я сотрудник газеты. Так за что задержан этот человек?

— Неподчинение полицейскому при исполнении последним служебных обязанностей.

— Это правда, Паппи?

На лице у старика было написано отвращение ко всему происходящему.

— Этот тип, — он указал на одного из полисменов, — пришел на мою стоянку и попытался забрать у Китти ее любимую бумажку — рекламу сигарет. Я сказал ему, чтобы он оставил ее в покое. Тогда он замахнулся на меня дубинкой и приказал, чтобы я забрал у Китти эту бумажку сам. А я сказал ему, куда он может засунуть свою дубинку. — Паппи пожал плечами. — И вот я здесь.

— Понятно, — сказал Перкинс и повернулся к Дамброски. — Вам звонили из мэрии. Поэтому вы послали Дюгана на это грязное дело. Единственное, чего я не понимаю, — это почему именно Дюгана. Говорят, он так глуп, что вы даже не позволяете ему собирать взятки на его участке.

— Это ложь! — вмешался Дюган. — Я их сам собираю…

— Заткнись, Дюган! — рявкнул его начальник. — Видите ли, Перкинс… вам лучше покинуть помещение. Здесь нет ничего интересного для вас.

— Ничего интересного? — мягко переспросил Перкинс. — Полицейские пытаются арестовать смерч, и вы говорите, что нет ничего интересного?

— Щелкнуть? — спросил Кларенс.

— Никто не пытался арестовать смерч! А теперь убирайтесь!

— Тогда почему вы обвиняете Паппи в неподчинении полицейскому? Чем Дюган там занимался — ловил бабочек?

— Сторож не обвиняется в неподчинении полицейскому.

— Ах не обвиняется? Тогда какой же параграф вы хотите на него повесить?

— Никакого… Мы просто хотим его спросить…

— О, это уже интересно! Ему ничего не инкриминируют, нет ордера на арест, он ни в чем не обвиняется. Вы просто так хватаете гражданина и тащите его в участок. Стиль гестапо. — Перкинс повернулся к Паппи. — Ты не под арестом. Мой тебе совет — встать и выйти вон в ту дверь.

Паппи приподнялся.

— Эй! — Лейтенант Дамброски подскочил на своем стуле, схватил Паппи за плечо и усадил его обратно. — Есть приказ. Ни с места…

— Щелкай! — гаркнул Перкинс.

Магниевая вспышка заставила всех застыть.

— Кто пустил их сюда? Дюган, забрать камеру! — взъярился Дамброски.

— Раз — и готово! — сказал Кларенс, уворачиваясь от полицейского. Их движения напоминали танец на лугу.

— Хватай его! — веселился Перкинс. — Вперед, Дюган. И главное — камеру, камеру. А я сейчас же принимаюсь писать: «Лейтенант полиции уничтожает свидетельства полицейской жестокости».

— Что я должен делать, лейтенант? — взмолился Дюган.

Дамброски с омерзением посмотрел на него.

— Садись и прикрой физиономию. А вы, — обратился он к Перкинсу, — не пытайтесь публиковать эти снимки. Я вас предупреждаю.

— О чем? Что я не должен танцевать с Дюганом? Идем, Паппи. Идем, Кларенс. — И они вышли.

На следующий день в колонке «НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД» появилась очередная статья.

«Мэрия затеяла генеральную чистку. Пока городские мусорщики предавались своей обычной сиесте, лейтенант Дамброски, действуя в соответствии с приказом, полученным из канцелярии Хиззонера, отправился на Третью авеню за нашим смерчиком. Но результаты рейда оказались плачевными: патрульному полицейскому Дюгану не удалось засунуть смерчик в машину для заключенных. Однако неустрашимый Дюган на этом не успокоился; он арестовал стоявшего поблизости гражданина, некоего Джеймса Меткалфа, сторожа автомобильной стоянки, по обвинению в соучастии. Соучастии кому – Дюган отказался уточнить, потому что всем известно, что соучастие – это штука довольно расплывчатая. Лейтенант Дамброски допросил арестованного. Можете полюбоваться на снимок. Лейтенант Дамброски весит 215 фунтов – без башмаков. Задержанный – 119 фунтов.

Мораль: не болтайся под ногами, когда полиция ловит ветер.

P. S. Когда номер готовился к печати,

смерчик все еще играл с антикварной редкостью – газетой 1898 года. Остановитесь на углу Мейн-стрит и Третьей авеню и посмотрите наверх. Только поторопитесь – Дамброски не будет медлить с арестом смерчика».

На следующий день в колонке Пита продолжались уколы в адрес администрации.

«Считаем своим долгом сообщить читателям, что в последнее время в Большом жюри не раз случался переполох в связи с исчезновением документов, пропадавших прежде, чем с ними кто-то успевал ознакомиться. Мы предлагаем мэрии кандидатуру Китти, нашего смерчика с Третьей авеню, на должность внештатного клерка, следящего за бумагами. Как известно, Китти отличается редкой аккуратностью; у нее ничего не пропадает. Ей остается только выдержать экзамен для поступающих на гражданскую службу, но, как показывает практика, его сдают и круглые идиоты.

Но почему Китти должна ограничиваться столь низкооплачиваемой рабо-

той? Она отличается старательностью и исправно делает все, за что берется. И может ли кто-либо с полным основанием утверждать, что она менее квалифицированна, чем некоторые из отцов города!

А не выдвинуть ли Китти в мэры? Она является идеальным кандидатом: весьма общительна, отличается упорядоченным мышлением, ходит только по кругу и никогда налево, она знает толк в наведении чистоты, так что у оппозиции не может быть к ней никаких претензий.

Кстати, мистер Хиззонер, так сколько же стоит подряд на уборку Гранд-авеню?

P. S. Китти все еще владеет газетой 1898 года. Приходите и полюбуйтесь на нее, пока еще наша полиция окончательно не запугала смерчик».

Пит нашел Кларенса и поехал к стоянке. Она теперь была обнесена забором; человек у входа протянул им два билета, но от денег отмахнулся. За забором толпа людей обступила круг, в центре которого рядом с Паппи весело кружилась Китти. Они пробились к старику.

— Вот как ты теперь зарабатываешь деньги!

— Мог бы, но я этим не занимаюсь. Они хотели меня прикрыть. Предложили мне заплатить налог в пятьдесят долларов на карнавалы и шествия, а также почтовый сбор. Поэтому я отделался от билетов и даю их только для контроля.

— Не огорчайся, мы их еще заставим попрыгать.

— Это еще не все. Сегодня утром они попытались захватить Китти.

— Ну?! Кто? Как?

— Копы. Они приехали сюда с такой большой машиной, ну, знаешь, которой вентилируют подвалы, ночлежки, чердаки. Развернули ее и включили всасывающее устройство. Они думали всосать внутрь или Китти, или то, чем она играет.

Пит присвистнул.

— Ты должен был вызвать меня.

— Зачем? Я предупредил Китти. Она куда-то спрятала эту газету времен испанской войны и вернулась обратно. Ей понравилось. Она проскакивала сквозь эту машину раз шесть, словно в ручеек играла. Пролетала сквозь нее и выпрыгивала такая бодрая, что я только диву давался. В последний раз она сорвала фуражку с сержанта Янцеля, пропустила через машину и выплюну-

ла ее в таком виде… Ну, они тоже плюнули и уехали.

Пит засмеялся.

— Ты все же должен был бы позвать меня. Кларенс сделал бы отличный снимок.

— А я что, раз — и готово, — сказал Кларенс.

— Что? Ты был здесь сегодня утром?

— Конечно.

— Кларенс, дорогой, смысл новостей в том, чтобы как можно скорее их печатать, а не разыскивать в отделе иллюстраций.

— Все на твоем столе, — безмятежно сообщил Кларенс.

— М-да… Ладно, переключимся на другую тему. Паппи, я задумал кое-какую петрушку.

— Почему бы и нет?

— Хочу основать здесь штаб-квартиру кампании по выбору Китти в мэры. Над стоянкой из угла в угол натянем плакат, чтобы его было видно со всех сторон. Он будет здесь очень кстати, а у входа будут стоять симпатичные девочки. — Пит показал головой, где именно они будут стоять.

Сзади него уже командовал сержант Янцель.

— Отлично, отлично! — давал он указания. — Двигай! Очистить здесь!

Вместе с тремя сопровождающими он вытеснял

людей за пределы стоянки. Пит подошел к нему.

— Что происходит, Янцель?

Янцель оглянулся.

— О, это вы? Ну что же, и вас попрошу… Мы должны очистить это место. Срочный приказ.

Пит посмотрел через плечо.

— Попроси Китти убраться в другое место, Паппи, — приказал он. — Кларенс, щелкни!

— Раз — и готово, — сказал Кларенс.

— Хорошо, — ответил Пит. — А теперь, Янцель, объясните мне толком, что тут происходит.

— Хитер, парень. Но лучше бы вам и вашему напарнику убраться отсюда, если хотите сохранить головы на плечах. Мы готовим базуку.

— Готовите что? — Питер обернулся и недоверчиво посмотрел на патрульную машину. Действительно, двое полицейских уже вытаскивали из нее базуку. — Готовься к бою, — сказал он Кларенсу.

— Что мне, раз — и готов, — сказал Кларенс.

— И перестань чавкать жевательной резинкой. Послушайте, Янцель, я же все-таки газетчик. Объясните, Христа ради, что вы собираетесь делать?

— Походите и подумайте. — Янцель отвернулся от него. — Все в порядке? Внимание! Приготовиться! Огонь!

Один из копов посмотрел вверх:

— По кому, сержант?

— Я думал, у тебя хватит ума сообразить — по смерчу, конечно.

Паппи высунулся из-за плеча Пита.

— Что они делают?

— Кажется, я начинаю догадываться. Паппи, попроси Китти убраться с глаз долой — я думаю, они собираются загнать ей ракету в глотку. Это может нарушить ее динамическое равновесие или как-то повредить ей.

— Китти в безопасности. Я посоветовал ей спрятаться. Пит, они, должно быть, полные идиоты.

— А в каком законе сказано, что коп должен быть в здравом уме при исполнении обязанностей?

— По какому смерчу, сержант? — спросил наводчик.

Янцель начал возбужденно объяснять ему, но затем отменил все свои указания, когда убедился, что в поле зрения нет никакого смерча.

— Это ты убрал свой смерч?! — обернулся он к Паппи. — Ты! — гаркнул он. — Немедленно верни его!

Пит вытащил блокнот.

— Вот это уже интересно, Янцель. Не ваши ли

профессиональные знания позволяют вам отдавать приказания смерчу, будто он дрессированная собака? И какова на этот счет официальная позиция полицейского управления?

— Я… Комментариев не будет. Прекратите, или я прикажу вас вывести.

— Не сомневаюсь. Но вы установили своего клоподава так, что осколки пролетят сквозь смерч и закончат свой путь не иначе, как на крыше мэрии. Скажите, является ли это частью заговора с целью убить Хиззонера?

Янцель резко обернулся и проследил взглядом воображаемую траекторию.

— Эй, оттащите ее оттуда! — заорал он. — Разверните ее в другую сторону! Вы что, хотите пришибить мэра?

— Вот это уже лучше, — сказал Пит сержанту. — Теперь они могут потренироваться на Первом национальном банке. Но я больше не могу ждать.

Янцелю пришлось снова оценивать ситуацию.

— Направьте ее в безопасную сторону, — приказал он. — Неужели я должен за всех вас думать?

— Но, сержант…

— Что еще?

— Это же вы указали направление. И мы готовы

к стрельбе.

Пит посмотрел на них.

— Кларенс, — вздохнул он, — пойди пройдись и сделай снимок, как они втаскивают эту штуку обратно в машину. Это произойдет минут через пять. Мы с Паппи будем в гриль-баре. Постарайся, чтобы физиономия Янцеля попала в кадр.

— Что мне, раз — и готово, — отозвался Кларенс.

Новая публикация под рубрикой «НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД» занимала три колонки и была озаглавлена: «Полиция объявляет войну смерчику». Пит взял номер газеты и поехал на стоянку, чтобы показать статью Паппи.

Его там не было. Отсутствовала и Китти. Пит порыскал по закоулкам, сунул нос в сторожку и в бар. Никаких следов.

«Не иначе Паппи пошел за покупками или отправился в кино», — подумал Пит и вернулся обратно в редакцию. Сев за стол, он было попытался набросать начало завтрашней колонки, но скомкал бумагу и пошел в отдел иллюстраций.

— Эй! Кларенс! Ты сегодня был на стоянке?

— Не-а.

— Паппи исчез.

— Чего ради?

— Пошли. Мы должны его разыскать.

— Зачем? — спросил Кларенс, но тут же схватился за камеру. Стоянка была по-прежнему пустынна — ни Паппи, ни Китти, ни даже малейшего дуновения ветерка. Пит повернулся.

— Слушай, Кларенс, сегодня хорошо снимать?

Кларенс поднял камеру и прицелился в небо.

— Нет, — сказал он. — Света маловато. Но там что-то есть…

— Что?

— Смерчик.

— Ну? Китти?

— Может быть.

— Китти, сюда! Иди сюда, Китти!

Смерчик опустился рядом с ними, покружился и подхватил валявшийся кусочек картона. Покружив его, он швырнул картон в лицо Питу.

— Китти, нам не до шуток, — сказал Пит. — Где Паппи?

Смерчик скользнул назад. Пит увидел, что он снова стал возиться с картонкой.

— Оставь ее в покое! — резко сказал Пит.

Смерчик вскинул свою находку на сотню футов, откуда она резко спланировала вниз, ударив Пита ребром по носу.

— Китти! — взвыл Пит. — Перестань дура-

читься!

На картонке размером шесть на восемь дюймов было что-то напечатано. Видно, прежде она была к чему-то приколота: по углам виднелись следы от кнопок. Пит прочел: «Отель „Риц-классик“». И ниже: «Номер 2013. На одного человека — 6 долларов, на двоих — 8 долларов». Далее шли гостиничные правила.

Пит нахмурился. Внезапно он резко швырнул картонку Китти. Та немедля кинула ее обратно в лицо Питу.

— Идем, Кларенс, — отрывисто сказал Пит. — Нас ждут в отеле «Риц-классик», в две тысячи тринадцатом номере.

«Риц-классик» представлял собой огромную ночлежку, забитую внизу магазинчиками и дамскими парикмахерскими. Мальчик-лифтер посмотрел на камеру Кларенса и сказал: «Док, здесь этого делать нельзя. В нашем отеле — никаких бракоразводных историй».

— Успокойся, — сказал ему Пит. — Это не настоящая камера. Мы торгуем травкой, марихуаной то есть.

— Что же вы сразу не сказали? Вам бы не пришлось прятать ее в камере. Только людей нервируете. Вам какой этаж?

— Двадцать первый.

Лифтер сразу же поднял их на место без остановки, игнорируя остальные вызовы.

— За спецобслуживание два куска, — предупредил он.

Они вышли и направились по коридору в поисках нужного номера. Дверь его была заперта, и Пит осторожно постучал. Затем еще раз. Молчание. Он прижал ухо к двери, и ему показалось, что он слышит какую-то возню внутри. Сдвинув брови, Пит оценивающе отступил от двери.

— Я кое-что вспомнил, — сказал Кларенс и затопал по коридору. Он быстро вернулся с красным пожарным топором в руках. — Щелкнуть? — спросил он Пита.

— Прекрасная мысль, Кларенс! Но подожди. — Пит грохнул в дверь и закричал: — Паппи! Эй, Паппи!

Огромная женщина в розовом пеньюаре открыла дверь по соседству.

— Вы кого-то ищете? — осведомилась она.

— Успокойтесь, мадам, — сказал Пит. — Мы просто хотим глотнуть свежего воздуха.

Он прислушался. За дверью явно слышались звуки борьбы, а потом сдавленное: «Пит! Эй, Пит…»

— Щелкнуть! — приказал Пит, и Кларенс врубился в дверь.

Замок поддался с третьего удара. Вместе с Кларенсом Пит ворвался в комнату. Но кто-то, выбегая навстречу, сбил его с ног. Поднявшись, Пит увидел лежащего на кровати Паппи, он пытался освободиться от полотенца, которым был привязан.

— Лови их! — закричал Паппи.

— Не раньше, чем я тебя развяжу.

— Они забрали мои штаны. Ребята, я думал, вы уж никогда не придете.

— Китти пришлось мне кое-что втолковать.

— Я поймал их, — сказал Кларенс. — Обоих.

— Как? — спросил Пит.

— Раз — и готово, — гордо сказал Кларенс и похлопал рукой по камере.

Пит выскочил в коридор.

— Они побежали туда, — услужливо показала огромная женщина.

Пит кинулся по коридору, завернул за угол, но успел только увидеть, как захлопнулась дверца лифта.

Выскочив из отеля, Пит остановился при виде большой толпы. Пока он раздумывал, что делать, Паппи схватил его за плечо:

— Вон они! В той машине!

Машина, на которую указал Паппи, уже почти выбралась из вереницы такси, стоявших перед отелем; издав низкое рычание, она рванулась с места. Пит рывком открыл дверцу ближайшей машины.

— Поезжайте за этой машиной! — крикнул он.

Паппи и Кларенс следом за ним ввалились в такси.

— Чего? — спросил таксист.

Кларенс поднял пожарный топор. Водитель крякнул.

— Простите, — сказал он. — Разве нельзя спросить? — И он двинулся за ушедшей машиной.

Сноровка водителя помогла им разобраться в путанице улочек нижнего города. Преследуемая машина свернула на Третью авеню и погнала вниз прямо к реке. Они мчались в пятидесяти ярдах следом за ней, пока не выбрались на трассу, где не было ограничения скорости.

— Вы будете снимать на ходу? — спросил водитель.

— Что снимать?

— Разве это не киносъемка?

— О господи, конечно нет! В той машине похитители детей! Скорее!

— В этом я не участник! — И водитель резко затормозил.

— За ними! — Пит схватил топор и занес его над головой водителя.

Машина снова набрала скорость.

— Это кончится аварией. У них мотор сильнее.

Паппи схватил Пита за руку.

— Это Китти!

— Где? С ума сойти!

— Снижайся! — закричал Паппи. — Китти, эй, Китти, ты над нами!

Смерчик описал петлю в воздухе и поравнялся с машиной.

— Здравствуй, малышка! — обратился к ней Паппи. — Гони за тем такси! Вперед — и *достань* его!

Китти, не понимая, смущенно качнулась на ходу. Паппи объяснил ей еще раз — и она вихрем сорвалась с места, подняв в воздух кучу мусора и бумаг.

Они видели, как Китти настигла переднюю машину и, резко обрушившись вниз, швырнула в лицо водителю весь бумажный мусор, который тащила с собой. Машину кинуло в сторону, она ударилась о боковое ограждение и, отлетев рикошетом, врезалась в фонарный столб.

Пять минут спустя Пит, оставив на попечение Китти и Кларенса, вооруженного все тем же пожарным топором, двух охающих от ссадин типов, одну за другой скармливал монеты телефону-автомату.

— Соедините меня с Федеральным бюро расследований, — наконец скомандовал он, — кто там ведает похищением граждан. Вы должны знать — Вашингтон, округ Колумбия. И побыстрее!

— Господи, — сказали на другом конце провода, — вы что же думаете, я их номера наизусть знаю?

— Поторопитесь!

— Сию секунду!

Через минуту в трубке прорезалось:

— Федеральное бюро расследований.

— Соедините меня с Гувером! Что? Ну хорошо, хорошо, я поговорю с вами. Послушайте, тут такая любопытная штука… Мы их взяли с поличным, вот только что, но если ваши ребята из местного отделения не поспеют раньше городских полицейских, ничего не получится. Что? — Пит успокоился и членораздельно объяснил, кто он такой, откуда звонит и что, собственно, случилось. Его выслушали, все время притормаживая, когда он пытался набирать скорость, и пообеща-

ли, что местное отделение ФБР тотчас же будет оповещено.

Пит вернулся к месту аварии как раз в тот момент, когда лейтенант Дамброски вылезал из патрульной машины. Пит прибавил шаг.

— Не делайте этого, Дамброски! — закричал он.

— Не делать чего?

— Ничего не делайте. ФБР уже направляется сюда, а вы и так по уши в дерьме. Не усугубляйте ситуацию.

Пит показал на пойманных. На одном из них сидел Кларенс, уперев острие топора в спину другому.

— Песня этих пташек уже спета. И не только их. Так что вам имеет смысл поспешить, чтобы успеть на самолет до Мехико.

Дамброски посмотрел на него.

— Слишком ты умный, — не очень решительно сказал он.

— Поговорите с ними. Они готовы во всем признаться.

Один из типов поднял голову.

— Нам угрожали, — сказал он. — Уберите их, лейтенант. Они напали на нас.

— Давай, давай, — весело сказал Пит. — Вали

все в кучу. Расскажи что-нибудь интересненькое до того, как приедет ФБР. Может, тебе и полегчает.

— Щелкнуть? — спросил Кларенс.

Дамброски дернулся.

— Уберите этот топор!

— Делай, что он говорит, Кларенс. И подготовь камеру к той минуте, когда подъедут люди из ФБР.

— Никого из ФБР вы не вызывали!

— Обернитесь!

Рядом с ними бесшумно остановился темно-синий «седан», и из него вышли четверо приземистых людей. Первый из них спросил:

— Есть тут кто-нибудь по имени Питер Перкинс?

— Это я, — сказал Пит. — Что вы скажете, если я вас поцелую?

Было позднее вечернее время, но стоянка для машин, заполненная людьми, гудела от голосов. По одну сторону возвышались призывы к выборам нового мэра и там собирались почетные гости; по другую уже стояла эстрада для духового оркестра, освещенный лозунг над нею гласил:

«ЗДЕСЬ ЖИВЕТ КИТТИ – ПОЧЕТНЫЙ

ГРАЖДАНИН НАШЕГО ПРЕКРАСНОГО ГОРОДА».

В центре огороженной площадки Китти изгибалась, носясь из стороны в сторону, кружилась и танцевала. Пит стоял у одного конца ограды, Паппи — у другого; вокруг на расстоянии четырех футов друг от друга стояли детишки.

— Готовы? — громко спросил Пит.

— Готовы, — ответил Паппи. И тогда они все вместе — Пит, Паппи и дети — стали кидать в центр круга ленты серпантина. Китти, подхватив, разматывала их и обвивала вокруг себя.

— Конфетти! — скомандовал Пит. И каждый швырнул по горсти пестрых кружочков — только несколько из них смогли коснуться земли.

— Шарики! — крикнул Пит. — Свет! — И ребята стали торопливо надувать воздушные шарики двенадцати цветов. Шарики один за другим тоже скормили Китти. Ударили лучи прожекторов, автомобильных фар и фонарей. Китти превратилась в кипящий и извивающийся цветной фонтан высотой в несколько этажей.

— Щелкнуть? — спросил Кларенс.

— Щелкай!

Человек, который торговал слонами

Дождь струился по окнам автобуса. Джон Уоттс сидел у окна, любуясь поросшими лесом холмами. Ему было хорошо, несмотря на плохую погоду. Когда он ехал, двигался, путешествовал, боль одиночества почти проходила. В дороге он мог закрыть глаза и представить, что Марта, как прежде, сидит рядом с ним.

Они всегда путешествовали вместе; еще медовый месяц они провели, разъезжая по территории, на которой он вел свою торговлю. Вскоре они проехали почти всю страну — по трассе № 66, где вдоль дороги стоят индейские хижины; по трассе № 1 — той самой, что проходит через округ Колумбия и столицу; по Пенсильванской магистрали, что стремительно пробегает сквозь множество тоннелей в горах… Он сидел за баранкой, а Марта на соседнем сиденье сверялась с дорожными картами и считала расстояние до следующей остановки.

Как-то, вспомнил он, одна из знакомых Марты спросила:

— Но, дорогая, неужели тебе еще не надоела такая жизнь?

И он как будто снова услышал смех Марты:

— Надоела? Да ведь у меня же есть целых сорок восемь огромных и прекрасных штатов, и каждый надо посмотреть как следует; как же это может надоесть? Вдобавок каждый раз видишь что-то новое — ярмарки, выставки и все такое…

— Но когда ты видела одну ярмарку, можешь считать, что видала их все…

— Да? По-твоему, нет никакой разницы между Фиестой в Санта-Барбаре и Фортсвортской выставкой тучного скота? И потом, — добавила она, — мы с Джонни — провинциалы от природы; мы страсть как любим, знаешь, приехать в город и разевать рот на все эти высоченные дома, да так, чтоб веснушки во рту пошли!

— Но нельзя же так легкомысленно относиться к жизни, Марта!.. — Женщина повернулась к Джону. — Джон, ну а ты что скажешь? Не пора ли и вам остепениться: обзавестись наконец домом и постараться добиться чего-то существенного в жизни?

Как его раздражали такие умники!

— Это все — ради наших опоссумов, — с самым серьезным видом ответил он тогда. — Очень уж

они любят путешествовать.

— Опо… опоссумов? Марта, о чем это он?

Марта весело покосилась на мужа, а потом ответила с каменным лицом:

— О, дорогая, извини, забыла тебя предупредить. Видишь ли, Джонни выращивает в пупке таких ма-аленьких опоссумов…

— У меня там места достаточно, — подтвердил он, похлопав себя по круглому пузу.

Это добило непрошеную советчицу. А вообще Джон так и не научился терпимо относиться к людям, которые любят давать советы «для твоей же пользы».

Однажды Марта прочла где-то, что весь помет самки опоссума — несколько новорожденных опоссумчиков — занимает чуть больше чайной ложки, причем иногда пятерым-шестерым из бедняжек даже не хватает места в материнской сумке.

Тут же они организовали Общество по спасению и взращиванию остальных шестерых маленьких опоссумов, а сам Джонни был единогласно — то есть одним голосом Марты — избран в качестве местоположения приюта опоссумов имени папы Джонни.

Были у них и другие воображаемые звериш-

ки. Они с Мартой когда-то очень хотели иметь детей; детей они так и не дождались, но с ними поселилась целая компания невидимых маленьких животных: мистер Дженкинс — маленький серый ослик, который давал им советы относительно мотелей; Бурун-Дик — говорящий бурундук, живший в бардачке их машины; Mus Pristavalus, мышь-путешественница — эта никогда не разговаривала, а только кусалась в неожиданные моменты (чаще всего она хватала Марту за колени).

Теперь они все исчезли; они как бы выцветали постепенно, лишенные веселого, заразительно-жизнелюбивого духа Марты, который поддерживал их силы. Даже Биндльстиф[8], хоть и не был невидимым, — даже он покинул Джона. Биндльстифом они назвали пса, которого подобрали на обочине дороги глубоко в пустыне, дали ему воды, сахара — и получили взамен его большое, снисходительное к хозяйским слабостям сердце. С тех пор Биндльстиф ездил с ними повсюду — пока, вскоре после Марты, не пришел его черед уходить.

Интересно, подумал Джон Уоттс, а где сейчас

---

[8] Примечания: 8

Биндльстиф (амер. англ.) — бродяга или странствующий сезонный рабочий, который таскает с собой одеяло в виде скатки.

Биндльстиф? Бегает на свободе, на собачьей звезде — Сириусе, где кишмя кишат кролики и повсюду стоят мусорные баки без крышек?.. Впрочем, скорее всего, он сейчас с Мартой — то сидит у нее в ногах, а то просто путается под ними. Во всяком случае, Джонни надеялся, что это так.

Он вздохнул и обвел взглядом пассажиров автобуса. Хрупкая старушка напротив перегнулась через проход и осведомилась:

— На ярмарку едете, молодой человек?..

Он вздрогнул. «Молодым человеком» его не называли уже лет двадцать.

— А?.. да, конечно.

Здесь все ехали на ярмарку: специальный рейс.

— Любите, значит, ярмарки?

— Очень.

Он понимал, что пустые вопросы старушки — просто формальные гамбиты, уловки для начала разговора. Впрочем, он ничего не имел против: одиноким старикам и старушкам часто нужно побеседовать с незнакомыми людьми; он и сам теперь тоже постоянно чувствовал такую потребность. Кроме того, бодрая старушенция ему сразу понравилась. Она казалась ему самим воплощением духа Америки, живо напомнив о

собраниях прихожан и кухнях на фермах… и о фургонах первых колонистов.

— И я их люблю, — продолжала старушка. — Я ведь и сама несколько раз выставлялась. С айвовым вареньем и вышивкой «Переход Иордана».

— Могу поспорить, без призов не обошлось.

— Было дело, — призналась она, — но вообще-то, я просто люблю бывать на ярмарках. Между прочим, меня звать Альма, миссис Альма Хилл Эванс. Ну, мой мистер Эванс был знаток по этой части. Взять хоть открытие Панамского канала… впрочем, вам-то откуда это помнить!..

Джон Уоттс вынужден был признать, что на открытии канала он не был.

— Да это ничего, — успокоила она. — То была не самая лучшая ярмарка. А вот ярмарка в девяносто третьем — это да, вот это была ярмарка так ярмарка! С тех пор я не упомню ни одной, чтоб хоть в подметки годилась.

— Может быть, нынешняя?..

— Нынешняя? Фу и тьфу, вот и весь сказ. Здорова, конечно, да только размер — это, знаете, еще не размах.

Тем не менее Всеамериканская выставка-ярмарка будет, конечно, самой большой выставкой, быть может, всех времен — и самой лучшей. Если

бы Марта была с ним — это был бы просто рай…

Старушка поменяла тему беседы:

— Вы ведь коммивояжер?

Он помедлил, потом ответил:

— Да.

— Я-то такие вещи сразу вижу. И чем торгуете, молодой человек?

На этот раз он колебался дольше, но все же сказал ровным голосом:

— Я торгую слонами.

Старушка внимательно посмотрела на него, и он было хотел объяснить свои слова — но верность Марте заставила его сдержаться. Марта всегда настаивала, чтобы они говорили о своем деле только серьезно — никаких объяснений, никаких извинений.

Они придумали это, когда Джон собрался на пенсию; сначала-то они говорили о домике, акре земли и полезном досуге — кролики там, редиска и все такое. Но потом, когда они в последний раз ехали по торговому маршруту, Марта после долгого молчания объявила:

— Джон, ты не хочешь бросить путешествия.

— А?.. Не хочу?.. Ты хочешь сказать, мы должны продолжать торговлю?

— Нет, с этим все. Но и врастать в землю нам

незачем.

— Тогда что ты хочешь делать? Бродяжить, на манер цыган каких-нибудь?

— Не совсем так. Я думаю, мы должны найти себе новый товар.

— Скобяные изделия? Обувь? Женское готовое платье?

— Нет. — Она помолчала, собираясь с мыслями. — Но мы должны торговать чем-то. Это даст цель поездкам. Я думаю, наш товар не должен иметь большого оборота — тогда наша разъездная территория могла бы охватить все Соединенные Штаты.

— Может, линкоры?

— Нет, линкоры вроде вышли из моды. Но это близко. Что-то такое…

В это время они проехали мимо какого-то амбара, на котором висела потрепанная цирковая афиша.

— Нашла! — воскликнула Марта. — Слоны! Мы будем торговать слонами!

— Слонами?.. Гм. Пожалуй, будет трудновато возить с собой образцы.

— Обойдемся без образцов. В конце концов, всякий знает, как выглядит слон. Правда, мистер Дженкинс?

Невидимый ослик был, как всегда, согласен с Мартой — и вопрос решился.

Марта знала, как подойти к делу.

— Сначала разведаем рынок. Придется прочесать все Штаты вдоль и поперек, прежде чем начать принимать заказы!

И целых десять лет они разведывали рынок. Прекрасный предлог посетить каждый зоопарк, каждую ярмарку, выставку скота, цирк, любое другое интересное место и событие где бы то ни было — ведь везде могли найтись возможные покупатели. Они включили в свою разведку даже национальные парки и прочие достопримечательности: кто знает, где может неожиданно и срочно понадобиться слон?

Марта держалась крайне солидно и записывала в блокнотик с загнутыми и потрепанными уголками:

«Асфальтовые ямы в Ла-Бри: излишки слонов вышедшего из употребл. типа, ок. 25 000 лет назад»;

«Филадельфия — продать как минимум 6 шт. для Лиги союза Штатов»;

«Брукфильдский зоопарк в Чикаго — африканск. слоны, редкий вид»;

«Гэллап, Нью-Мексико — к востоку от города

каменные слоны, оч. красивые»;

«Риверсайд, Калифорния, парикмахерская „Слон“: уговорить владельца купить слона в кач. талисмана»;

«Портленд, Орегон — запросить Ассоциацию пихт Дугласа. Прочесть им „Дорогу на Мандалай“[9]. То же — для группы Южной Сосны. NB: кстати, не забыть съездить на мексиканское побережье сразу после родео в Ларами».

Десять лет — и они наслаждались каждой милей этих десяти лет. Разведка рынка так и не была завершена, когда Марту забрали у него. Любопытно, подумал Джон, она и святого Петра успела расспросить насчет положения со слонами в Небесном граде?.. Он готов был спорить на четвертак, что Марта такой случай упустить не могла.

Но он не мог признаться незнакомой старушке, что торговля слонами — просто предлог, придуманный его покойной женой, чтобы разъезжать по стране, которую они любили.

Однако старушка не стала слишком уж соваться в чужие дела.

— А я вот знавала человека, который продавал

---

[9] Примечания: 9

«Дорога на Мандалай» — стихотворение Р. Киплинга.

мангустов, — сказала она. — Или надо говорить «мангуст»?.. Он еще занимался уничтожением крыс и мышей, и — эй, что это наш водитель делает?!

Только что огромный автобус легко катил по дороге, невзирая на ливень. А в следующий миг его занесло, он заскользил, устрашающе медленно накренился — и врезался во что-то.

Джон Уоттс ударился головой о спинку переднего кресла. Слегка оглушенный, он ворочался, пытаясь сообразить, где он и что с ним; но тут высокое уверенное сопрано миссис Эванс помогло ему сориентироваться:

— Не из-за чего так волноваться, друзья! Я ожидала чего-то такого — но, как видите, все в порядке!

Джон Уоттс вынужден был признать, что, по крайней мере, сам он в порядке и нисколько не пострадал. Он близоруко прищурился, озираясь, затем пошарил по накренившемуся полу в поисках очков. Очки нашлись, но они были разбиты. Джон пожал плечами и отложил очки: когда они доберутся до места, он сможет взять запасную пару из багажа. Она где-то там, в одной из сумок.

— Ну а теперь можно выяснить, что, собственно, произошло, — объявила миссис Эванс. — Пойдем-

те, молодой человек, посмотрим.

Он послушно поплелся за старушкой.

Правое переднее колесо автобуса на манер обессилевшего пьяницы налегло на высокий бордюр, ограждавший дорогу на подъезде к мосту через каньон.

Водитель стоял под дождем, ощупывая порез на щеке.

— Я ничего не мог поделать, — повторял он. — Пес бежал через дорогу, я пытался его объехать…

— Вы могли нас всех поубивать! — крикнула какая-то дама.

— Незачем плакать, пока не больно, — посоветовала ей миссис Эванс. — И давайте-ка заберемся обратно в автобус, пока водитель сходит и позвонит, чтобы нас вытащили отсюда.

Джон Уоттс задержался, чтобы взглянуть с обрыва в каньон, куда они чуть не грянулись. Он перегнулся через ограждение и увидел крутой обрыв, а под ним — острые скалы самого зловещего вида. Его разобрала дрожь, и он поспешил укрыться в автобусе.

Аварийщики и резервный автобус прибыли очень быстро — впрочем, может быть, Джонни просто задремал. Скорее всего, последнее — потому что дождь уже, оказывается, перестал, и в

разрывах туч сияло солнце. Водитель резервного автобуса сунул голову в дверь и бодро крикнул:

— Вперед, братцы! Теряем время! Вылезайте отсюда и полезайте ко мне!

Джон и в самом деле заспешил и оступился, поднимаясь в салон второго автобуса. Новый водитель поддержал его.

— В чем дело, папаша? Ушиблись, похоже?

— Да нет, спасибо. Я в порядке.

— Разумеется, папаша. Лучше некуда.

В автобусе он увидал свободное место возле миссис Эванс и устремился туда. Старушка улыбнулась ему.

— Замечательный день сегодня. Как в раю!

Он согласился. День в самом деле был великолепным, по крайней мере теперь, когда прошла гроза. Огромные облака плыли в теплом синем-синем небе, чудесно пахло чисто умытым асфальтом, напоенными дождем полями и зеленью — он откинул спинку сиденья и наслаждался. А тут еще заблестела на востоке, через все небо, сказочно яркая двойная радуга. Увидав ее, Джон тут же загадал два желания — одно за себя, другое за Марту. Краски радуги, казалось, отражаются во всем вокруг — даже пассажиры в автобусе будто бы стали моложе, счастливее, лучше одеты. Сам

он тоже чувствовал себя чудесно, и ноющая боль одиночества почти оставила его.

Они добрались до места назначения просто в два счета; новый водитель не только нагнал потерянное время, но, похоже, и обогнал график. Их встречала перекинутая через дорогу арка с надписью: «Всеамериканская ярмарка и выставка искусств», и ниже: «Да пребудет с вами мир и благоволение»[10].

Они въехали под арку и остановились.

Миссис Эванс подскочила.

— У меня здесь встреча — надо бежать! — объяснила она и засеменила к двери. Обернувшись у выхода, она крикнула: — До скорого, молодой человек! Встретимся на Главной улице! — И исчезла в толпе.

Джон Уоттс вышел последним и обернулся к водителю:

— Да… э-э-э… вот насчет моего багажа. Я бы хотел…

Но водитель уже снова завел мотор.

— О багаже не беспокойтесь! — крикнул он. — О вас позаботятся!

И огромный автобус отъехал.

---

[10] Примечания: 10

Имеется в виду цитата из Библии: «На земле мир, и в человецех благоволение» (Лк. 2: 14).

— Но… — Джон Уоттс замолчал: все равно автобус уехал. В общем, ничего страшного, конечно, но как он будет без очков-то?

За его спиной весело шумел праздник, и это решило дело. В конце концов, подумал он, это подождет до завтра. Если что-то интересное будет слишком далеко от его близоруких глаз — он подойдет поближе, вот и все.

Решив так, он встал в хвост очереди у ворот и вскоре прошел в них.

И оказался, безусловно, в гуще величайшего праздника из всех, какие когда-либо придумывались к вящему поражению человечества. Вдвое больше, чем все, что есть у вас за окнами, вдвое шире всего белого света; ярче самых ярких ламп, новее новехонького — потрясающий, величественный, захватывающий дух и повергающий в трепет, огромный и суперколоссальный — и еще веселый и интересный. Каждый штат, каждый город и каждая община Америки прислали все лучшее, что у них было, на это великолепное

празднество. Чудеса Ф. Т. Барнума[11], Рипли[12] и всех наследников Тома Эдисона[13] были собраны вместе. Со всех концов бескрайнего континента привезли сюда все дары и сокровища богатой и щедрой земли и творения изобретательного и трудолюбивого народа, — а заодно и праздники этого народа, сельские и городские, все ярмарки, все представления, юбилеи и годовщины, шествия и гулянья, карнавалы и фестивали. Результат вышел столь же американским, как клубничный пирог, и таким же грубовато-ярким, как рождественская елка, — и все это сейчас раскинулось перед ним, шумное, полное жизни, запруженное праздничными, веселыми толпами.

Джонатан Уоттс набрал полную грудь воздуха и очертя голову нырнул в этот пестрый водоворот.

Он начал с Фортсвортской Юго-Западной выставки-ярмарки тучного скота — и целый час лю-

---

[11] Примечания: 11

Ф. Т. Барнум (1810–1891) — основатель самого известного цирка США, знаменитый деятель шоу-бизнеса.

[12] Примечания: 12

Дж. Рипли (1802–1880) — американский религиозный философ, социалист-утопист и общественный деятель.

[13] Примечания: 13

Т. А. Эдисон (1847–1931) — знаменитый изобретатель и промышленник.

бовался кроткими беломордыми волами, каждый из которых был шире и квадратнее конторского стола, и спина каждого была столь же плоской и необъятной, и каждый был вымыт и вычищен до блеска, и шерсть каждого аккуратно расчесана на пробор от головы до крупа; любовался крохотными однодневными черными ягнятами на подгибающихся, точно резиновые, ножках — ягнята по молодости лет даже не осознавали еще своего существования; тучными овцами со спинами, почти столь же широкими, что и у волов, — а серьезные пареньки-работники все подравнивали и прихлопывали завитки шерсти, дабы поразить придирчивых судей и получить вожделенный приз. А рядом шумела Помонская ярмарка с тяжеловесными першеронами и изящными рысаками-паломинцами со знаменитого ранчо Келлога. Тут же, разумеется, и бега — они с Мартой всегда любили бега. Он выбрал упряжку с верным, как ему казалось, претендентом на победу — рысаком из прославленной линии Дэна Пэтча[14], поставил — и выиграл и тут же поспешил дальше, потому что надо было увидеть еще так много интересного! Ведь тут же, рядом, раски-

[14] Примечания: 14

Дэн Пэтч — скаковой конь, в 1905 г. поставивший рекорд скорости, который продержался до 1938 г.

нулись и другие ярмарки: Йакимская яблочная, Вишневый фестиваль Бьюмонта и Бэннинга, Персиковая ярмарка Джорджии. Где-то наяривал оркестр: «О Айова, о Айова — край высокой кукурузы!..»

В этот момент Джон Уоттс наткнулся на розовый ларек с розовой сахарной ватой.

Марта сахарную вату обожала. На Мэдисон-сквер-гарден или на Большой окружной ярмарке — словом, где бы то ни было, — Марта первым делом направлялась туда, где торговали сахарной ватой.

— «Большую порцию, дорогая?» — пробормотал он себе под нос с полной иллюзией того, что стоит сейчас обернуться — и он увидит, как она весело кивает.

— Большую, пожалуйста, — сказал он продавцу.

Пожилой продавец явно и сам принимал участие в карнавале — на нем был черный фрак и белая крахмальная манишка. Он с великим достоинством и важностью обращался с огромными комьями сладкой розовой паутины. Свернув фунтик из бумаги, он с торжественной важностью поднес заказчику эту уменьшенную модель рога изобилия. Джонни протянул ему полдоллара.

Продавец с поклоном принял монету, разжал пальцы — и монета исчезла. Что, и все? А сдача?..

— А что… вата у вас по пятьдесят центов? — неуверенно и застенчиво спросил Джонни.

— Что вы, сэр. — Старый фокусник извлек монету из лацкана Джонни и, поклонившись, вручил ее владельцу. — Это за счет заведения — я вижу, вы участник. И в конце концов, что значат деньги?..

— Э-э-э… ну то есть спасибо, конечно, но… э-э-э… я, видите ли, не то чтобы участник, знаете, — я…

Старик пожал плечами.

— Если *вам* угодно сохранять инкогнито — кто я такой, чтобы оспаривать *ваши* решения? Но ваши деньги тут недействительны.

— Э-э-э… если вы так считаете…

— Сами увидите.

Тут Джонни почувствовал, как что-то потерлось о его ногу. Это был пес той же породы… то есть той же беспородности, что и Биндльстиф. Пес взирал на него снизу вверх и с обожанием вилял хвостом — даже не хвостом, а всем, что было позади ушей.

— Эй, привет, старина! — Он потрепал пса по спине, и его глаза затуманились: собака и на

ощупь была точь-в-точь как Биндльстиф. — Ты что, парень, потерялся? Вот и я тоже. Может, нам стоит держаться вместе? Кстати, ты не голоден?

Пес лизнул ему руку. Джонни повернулся к продавцу сахарной ваты.

— Где тут можно купить сосисок?

— Прямо позади вас, сэр. На той стороне улицы.

Джонни поблагодарил, свистнул псу и поспешил через улицу.

— Полдюжины хот-догов, пожалуйста.

— Сию секунду! Просто с горчицей или с полным гарниром — лук, салат и прочее?

— О, простите. Я хотел их сырыми — это для собаки.

— Ясно. Получите!

Продавец протянул ему шесть «венских» сосисок, завернутых в бумагу.

— Сколько с меня?

— С наилучшими пожеланиями — за счет заведения.

— Простите?..

— Знаете, говорят: «У всякого пса есть свой счастливый день». Так вот, сегодня такой день у него.

— О! Что ж, спасибо.

Он услышал, что праздничный шум вокруг усилился, — и обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как проходят первые платформы жрецов Паллады, прямо из Канзас-Сити. Его новый приятель тоже увидел процессию и залаял.

— Тихо, старик, тихо!

Он принялся разворачивать пакет с сосисками; тут кто-то на другой стороне улицы свистнул — пес метнулся на звук, проскочив между колесниц, и был таков. Джонни рванулся было следом, но ему сказали, что придется подождать, пока пройдет процессия. Между колесницами он пару раз заметил пса — тот весело прыгал вокруг какой-то женщины. Из-за сверкания огней на платформах и, конечно, ввиду отсутствия очков он не мог разглядеть ее, но было ясно, что пес с ней знаком — он приветствовал ее с тем искренним и безграничным энтузиазмом, какой доступен лишь собакам.

Он поднял пакет с сосисками и помахал им женщине; та помахала в ответ, но грохот оркестра и шум толпы не дали им возможности обменяться словами. Тогда он решил полюбоваться пока шествием, а когда оно кончится — найти дворнягу и ее хозяйку. Сразу, как пройдет последняя платформа…

Насколько он мог судить, это был лучший парад жрецов Паллады изо всех, что ему приходилось видеть. Кстати: этот парад не проводили уже довольно много лет. Наверно, возродили его специально к этой ярмарке.

Да, это вполне в духе Канзас-Сити, большого маленького города. Самый его любимый город. Вряд ли есть другие, сравнимые с ним… разве что Сиэтл. И конечно, Новый Орлеан.

И Дулут. Чудесный город. Ах да, еще Мемфис… А хорошо бы быть владельцем автобуса: из Мемфиса — в Сент-Джо, из Натчеза — в Мобил…

Мобил — вот замечательное место!..

Парад прошел, за ним спешила галдящая толпа ребятишек. Джонни поспешил через улицу. Женщины не было — ни ее, ни пса. Он еще раз внимательно огляделся. Нет, собаки не видно. И женщины тоже.

Он побрел, куда глядели глаза, готовые к новым чудесам ярмарки. Но думал он о собаке. Пес действительно был точь-в-точь как Биндльстиф… и он хотел бы познакомиться с его хозяйкой: женщина, которой нравится такой пес, сама должна быть отличным человеком и вполне в его духе. Он купил бы ей мороженого, а может, и уговорил бы дойти с ним до Главной улицы. Марта бы это

одобрила. Марта бы, конечно, знала, что ничего дурного у него на уме нет.

И потом, кто примет всерьез немолодого толстого коротышку?

Но вокруг было столько всего чудесного, что для таких мыслей места не осталось. Он вдруг оказался в самой гуще Зимнего карнавала из Сент-Пола, сказочным образом перенесенного в лето. Пятьдесят лет он проходил в январе — но вот же он, здесь, на макушке лета, бок о бок с Пендельтонской ярмаркой, Праздником изюма из Фресно, Колониальной неделей из Аннаполиса. Джонни успел, правда, только к концу Зимнего карнавала, но все-таки успел как раз вовремя, чтобы увидеть свой самый любимый номер, труппу фигуристов «Олд смуфиз», которые ради такого случая, видимо, оставили заслуженный отдых и так же гладко, как в былые времена, скользили под звуки «Свети, сияй, полная луна…».

Его глаза снова затуманились, и очки тут были ни при чем.

Выбираясь из этой толпы, он наткнулся на плакат: «ДЕНЬ СЭДИ ХОКИНСА — ХОЛОСТЯКИ, НА СТАРТ!»

Хорошо бы принять участие, подумал он: вдруг женщина с псом окажется среди «старых дев»?..

Но вообще-то, он уже слегка устал; а тут как раз подвернулся еще один праздник, с катанием на пони и каруселями.

В следующий миг он уже был на карусели и с чувством благодарности вскарабкался в люльку в виде лебедя, из тех, куда обычно садятся взрослые, покуда дети мчатся на карусельных лошадках. Там уже сидел и читал книгу молодой человек.

— Извините, — обратился к нему Джонни. — Я не помешаю?

— Вовсе нет, — ответил молодой человек, откладывая книгу. — Больше того, может быть, вы именно тот человек, которого я ищу.

— Так вы кого-то ищете?

— Да. Видите ли, я частный детектив. Всегда мечтал стать сыщиком — и вот теперь наконец стал.

— Скажите-ка!

— Да. Понимаете, каждый ведь захочет когда-нибудь прокатиться на карусели, так что надо только ждать здесь. Ну конечно, я, бывает, околачиваюсь на Голливудском бульваре, на Вайне, Таймс-сквер или Канал-стрит[15], но тут я могу вдобавок посидеть и почитать.

---

[15] Примечания: 15

Знаменитые улицы разных городов США — Лос-Анджелеса, Сан-Франциско, Нью-Йорка и Нового Орлеана.

— Как же вам удается одновременно читать и высматривать кого-то?

— Просто я хорошо знаю эту книгу, — он показал обложку, это была «Охота на Снарка», — поэтому глаза у меня не заняты.

Джонни уже успел понравиться этот молодой детектив.

— И как, есть тут поблизости Буджумы?

— Нет, — не то мы бы уже «тихо, беззвучно исчезли»[16]. Хотя, с другой стороны, исчезни мы — кто бы это заметил, включая нас?.. Этот парадокс надо обдумать. Между прочим, сами-то вы тоже, случайно, не детектив?

— Нет… э-э-э… я торгую слонами. Вразъезд.

— Отличная профессия. Но, боюсь, тут по вашей части ничего нет. У нас здесь есть жирафы, — он теперь почти кричал, чтобы каллиопа[17] карусели не заглушала его, и осматривал карусельных зверей, на которых кружились гуляющие, — верблюды есть, пара зебр, целый табун лошадок… а вот слонов ни одного. Смотрите не пропустите

---

[16] Примечания: 16

Так исчезал всякий, повстречавший Снарка, если тот оказывался Буджумом (в поэме Л. Кэрролла «Охота на Снарка»).

[17] Примечания: 17

Каллиопа — паровой органчик, музыкальный инструмент с паровыми свистками, управляется с клавишной панели или при помощи механического устройства наподобие музыкальной шкатулки.

Большой парад; вот там уж будут вам слоны, сколько захотите!

— Не хотел бы пропустить его!

— Ни в коем случае! Это будет самый потрясающий парад всех времен, такой длинный, что он никогда не пройдет весь мимо неподвижного наблюдателя; и каждая миля Большого парада полным-полна чудес, и каждое чудо чудеснее предыдущего. Да, так вы не тот, кого я ищу?

— Не думаю. Но вот, кстати, не могли бы вы найти в этой толпе даму с собакой?

— Обещаю, что если она придет сюда — я дам вам знать. А вам стоило бы пройти на Канал-стрит. Женщины любят карнавалы, им нравится быть в маске — потому что, когда женщина в маске, это значит, что она может маску снять, когда захочет…

Джонни поднялся.

— А как пройти на Канал-стрит?

— Прямо через центр, мимо оперного театра, а там свернете на площадь Роз. Тогда уж глядите в оба — придется идти через секцию Небраски, а

Ак-Сар-Бен[18] в самом разгаре. Сами понимаете, там всякое может случиться. Оттуда попадете в Калаверас — осторожнее там с лягушками![19] — ну и выйдете как раз на Канал-стрит.

— Большое вам спасибо!

Джонни, следуя указаниям, двинулся в путь, не забывая поглядывать по сторонам в поисках женщины и пса. При этом он, не переставая изумляться, глазел на чудеса, сквозь которые пробирался и протискивался в веселой кутерьме. Пса он вскоре увидел, но другого — это был пес-поводырь, и это тоже было поразительно, ибо живые, ясные глаза его хозяина могли видеть все вокруг — и видели, и все-таки этот вполне зрячий человек ходил с собакой, причем именно пес вел хозяина, как будто иного образа передвижения оба не могли себе представить — или не желали.

Вскоре Джонни оказался на Канал-стрит, и иллюзия была столь полной, что было трудно поверить, что он не попал каким-то загадочным

---

[18] Примечания: 18

Ак-Сар-Бен («Небраска» наоборот) — ежегодная ярмарка штата. В рассказе упоминаются различные ярмарки, выставки и праздники США. Так, в округе Калаверас проводятся воспетые еще Марком Твеном состязания скачущих лягушек (упомянутые молодым человеком чуть ниже).

[19] Примечания: 19

См. рассказ Марка Твена «Знаменитая скачущая лягушка из Калавераса».

образом в Новый Орлеан. Карнавал был в самом разгаре: здесь отмечали Тучный вторник[20]; все в толпе носили маски. Джонни тоже обзавелся маской у лоточника и присоединился к гулянью.

Его поиски казались уже безнадежными. Улица была запружена зеваками, глазеющими на шествие Венеры. Дышать и то было непросто, а уж продвигаться да вдобавок искать кого-то — и вовсе невозможно. Бочком-бочком он выбрался на Бурбон-стрит — тут воспроизвели весь Французский квартал! — и увидел пса.

Он был абсолютно уверен, что это тот самый пес. Теперь на нем был клоунский костюмчик и маленький колпачок, но он был неотличимо похож на его пса. Тут же Джонни поправил себя: пес был неотличимо похож на Биндльстифа.

И теперь пес с благодарностью принял сосиску.

— А где же она, старина? — спросил Джонни.

Пес гавкнул и кинулся в толпу. Джонни попытался последовать за ним, но не мог: промежутки в толпе, пропускавшие пса, для Джонни были малы. Но духом он не пал: он уже раз нашел пса, найдет и другой. Вдобавок же именно на кар-

---

[20] Примечания: 20

Тучный вторник (Марди Гра) — католический праздник перед Великим постом — с карнавалами и маскарадами; празднуется целую неделю.

навале он когда-то встретил Марту — она была изящной Пьереттой, а он — толстым Пьеро. После маскарада они вместе встретили рассвет и еще до заката решили пожениться.

Теперь он оглядывал толпу в поисках женщины в костюме Пьеретты, будучи почему-то уверен, что неизвестная хозяйка пса нарядится именно так.

Все, все на этой ярмарке заставляло его вспоминать Марту чаще и сильнее обычного, если только это возможно. Как она ездила с ним по его торговому участку, как они отправлялись в путешествие, как только выдавалось свободное время. Закидывали в машину путеводитель Дункана Хайнса да две-три сумки — и в путь! Перед ними разматывается бесконечная лента дороги, Марта… сидит на соседнем сиденье, поет «Америка прекрасная», а он должен подтягивать: «И мрамор городов твоих слеза не омрачит!..»

Как-то она сказала ему, когда они плавно неслись по дороге… Где это было? В Черных горах? На плато Озарк? В Йосемитской долине?.. Не важно. Так вот, она сказала тогда:

— Джонни, тебе никогда не стать президентом, и мне не бывать первой леди. Но спорю на что угодно — не было и не будет президента, который

знал бы о Соединенных Штатах больше, чем мы с тобой. Беда в том, что у этих занятых, важных и нужных людей просто нет времени, чтобы по-настоящему увидеть Америку.

— Это замечательная страна, дорогая.

— Иначе ее и не назовешь. И я могла бы провести целую вечность, разъезжая по ней — торгуя слонами вместе с тобой, Джонни.

Он потянулся к ней и похлопал ее по колену. И навсегда запомнил это ощущение.

…Меж тем толпа в копии Французского квартала поредела; пока он мысленно возвращался в прошлое, гуляющие мало-помалу расходились. Джонни придержал за хвост красного чертенка:

— Куда это все направились?

— Как это куда — на парад, конечно!

— Большой парад?

— Да, они как раз сейчас строятся.

Чертик двинулся вперед, Джонни — за ним.

Тут его потянули за рукав.

— Ну как, нашли ее?

Это была миссис Эванс, слегка замаскированная черным домино. Под руку ее держал высокий пожилой Дядя Сэм[21].

---

[21] Примечания: 21

Карикатурная персонификация США — седой джентльмен с острой бородкой, в цилиндре, раскрашенном в цвета американского флага.

— А?.. О, здравствуйте, миссис Эванс! О чем это вы?

— Не глупите. Вы нашли ее?

— Откуда вы узнали, что я кого-то ищу?

— Как же иначе?.. Ну ладно — удачных поисков, а нам пора.

И миссис Эванс со своим спутником исчезли в толпе.

Когда Джонни добрался до места, Большой парад уже начался. Но это было не важно — бесконечно большей части процессии еще только предстояло пройти. Как раз проходили зазывалы из калифорнийской Лиги падуба; за ними громыхало шествие победителей команд парадного строя. Потом шествовал укрытый священным покрывалом тайный пророк Хорасана со своей королевой любви и красоты — только что из пещеры на Миссисипи… потом — парад годовщины независимости из Бруклина, множество школьников со звездно-полосатыми флажками в руках… Парад роз из Пасадены — миля за милей убранных цветами платформ… индейская церемония пау-вау[22] из Флагстаффа: двадцать два

[22] Примечания: 22

Пау-вау — церемония заклинания; также собрание племен (слово происходит от титула шамана у индейцев наррагансет (Род-Айленд) — «имеющий видения», в связи с важной ролью шамана в собрании).

индейских народа, и каждый индеец нацепил не меньше чем на тысячу долларов украшений ручной работы. За коренными жителями страны ехал Баффало Билл[23] — дерзко торчит эспаньолка, огромная шляпа в руке, длинные волосы вьются по ветру. А вот делегация с Гавайских островов, с королем Камеамеа[24] во главе — он с королевской непринужденностью играет роль короля карнавала, а его подданные в венках и юбочках из свежайшей травы идут, приплясывая, позади, и раздают воздушные поцелуи: «Алоха!.. Алоха!..»[25] И несть этому конца! Исполнители кадрили из штата Нью-Йорк, дамы и джентльмены из Аннаполиса, танцоры кантри из Техаса; звучит турецкий марш; идут клубы любителей марш-парадов из Нового Орлеана; полыхают

---

[23] Примечания: 23

Баффало Билл (Уильям Ф. Коди, 1846–1917) с 14 лет служил гонцом только что организованной почтовой службы «Пони-экспресс»; в ходе Гражданской войны в США служил как разведчик и проводник в армии северян; известный участник индейских войн, герой Дикого Запада; прозвище получил за то, что прославился как охотник на буйволов (buffalo), чье мясо он поставлял для строителей железной дороги. Известен также как организатор выставки «Дикий Запад Баффало Билла» (с 1883 г.), которая с большим успехом в течение более чем двадцати лет демонстрировалась в США и Европе. В шоу также принимали участие индейский вождь Сидящий Бык и уникально меткий стрелок женщина Энни Окли. С 1901 г. Уильям Коди возглавлял военный колледж Коди и Международную академию трюковой верховой езды.

[24] Примечания: 24

Камеамеа I (ок. 1758–1819) — создатель Гавайского туземного королев-

ства, реформатор и борец с колонизаторами.

[25] Примечания: 25

Алоха — гавайское приветствие.

двойные факелы; знать раскланивается перед толпой — вот, к примеру, сам король зулусов со своей гладкокожей, коричнево-глянцевой свитой поют: «И всякий, кто был кем-то, сомневался в этом...».

А вот рождественская пантомима и, конечно, «За молодыми, за дружками, за свадьбой по улице!..» и «Ах, золотые туфельки!..». Праздновала сама страна, нет — нечто более древнее, чем страна, — скользящая джига плясунов в карнавальных костюмах, танец, который был молодым, когда род людской тоже был юн и праздновал рождение первой весны.

А вот клубы щеголей, и их президенты красуются в мантиях, каждая из которых стоит целого состояния, под стать королям и императорам, или закладной на дом и все имущество — и каждую несет полсотни пажей...

За ними бегут клоуны из «Либерти» и другие комики и наконец почти забытые уличные оркестры, и от их мелодий хочется плакать...

Джонни вспомнил сорок четвертый год — в тот год он впервые видел эти оркестрики. Тогда в них шагали старики да подростки, потому что мужчины ушли на войну. И еще было тогда на Броуд-стрит в Филадельфии то, чего никогда не

должно быть в новогодней процессии первого января: мужчины, которые не шли, а ехали — потому что, прости нас, господи, они не могли ходить…

Джонни вновь открыл глаза — и действительно увидел открытые автомобили, медленно двигавшиеся в процессии. В них ехали раненые последней войны и один солдат «Великой армии Республики» в цилиндре и с руками, сложенными на набалдашнике трости. Джонни затаил дыхание. Автомобили один за другим останавливались, не доезжая немного до судейской трибуны, ветераны выходили и, помогая друг другу, сами преодолевали последние футы — ковыляли, прыгали или ползли, но сами проходили мимо трибуны, оберегая честь своих клубов и обществ.

И новое чудо — инвалиды не сели снова в машины, нет — они сами бодро зашагали по Броуд-стрит, лишь только миновали трибуну.

…Теперь это уже был Голливудский бульвар в Лос-Анджелесе, загримированный под улицу Санта-Клауса в постановке куда более великолепной, чем любая из всех когда-либо осуществленных

Страной целлулоидных грез[26]. Тысячи девочек-снежинок и девочек-звездочек, подарки и сладости для всех детей — в том числе и для тех, которые давно уже выросли. Наконец появилась колесница Санта-Клауса — такая огромная, что ее трудно было охватить одним взглядом, настоящий айсберг, может быть, весь Северный полюс; и по обеим сторонам Святого Николая (для друзей — просто Санта!) ехали Джон Бэрримор[27] и Микки-Маус.

А позади гигантской ледяной платформы притулилась жалкая фигурка. Джонни прищурился и узнал Эммета Келли[28], первого среди клоунов, в знаменитой роли Бедняги Уилли. Уилли не веселился — он дрожал и ежился, и Джонни не знал, смеяться ему или плакать. Мистер Келли всегда так действовал на него.

А потом шли слоны.

Большие слоны, маленькие слоны и средние слоны — от крошки Морщинки до гиганта Джам-

---

[26] Примечания: 26
Имеется в виду Голливуд.

[27] Примечания: 27
Дж. Бэрримор (1892–1942) — американский актер и художник-иллюстратор.

[28] Примечания: 28
Эммет Келли (1898–1978) — американский комик, создатель образа Бедняги Уилли — вечного неудачника.

бо…[29] а с ними Ф. Т. Барнум, Уолли Бири[30], Маугли…

На противоположной стороне шествия возникло волнение: один из участников кого-то отгонял. Тут Джонни разглядел, что гонят того самого пса. Он посвистел; пес на миг растерялся, но затем заметил Джонни, бросился к нему и прыгнул в его объятия.

— Так и сиди, — велел Джонни, — не то тебя и затопчут ненароком!

Пес лизнул его в лицо. Он уже успел потерять где-то свой клоунский костюмчик, колпачок съехал и болтался под шеей.

— Где ты пропадал? — спросил Джонни. — И где твоя хозяйка?

Подходили последние слоны — трое в ряд. Они тянули огромную колесницу.

Прозвучали фанфары, и процессия остановилась.

— Почему они встали? — спросил Джонни соседа.

— Погодите минутку. Сами сейчас увидите.

---

[29] Примечания: 29

Морщинка (Ринкл; можно перевести и как «ловкий трюк») и *Джамбо* (Гигант) — прославленные слоны цирка Барнума.

[30] Примечания: 30

Уолли Бири (1886–1949) — американский актер.

Церемониймейстер Большого парада уже спешил от своего места во главе процессии. Он скакал на черном жеребце и выглядел очень браво в своих ботфортах, белых бриджах, визитке и цилиндре. Он скакал и оглядывал толпу.

Остановился он прямо перед Джонни.

Джонни прижал к себе пса.

Церемониймейстер спешился и склонился в поклоне. Джонни оглянулся, пытаясь понять, перед кем тот так расшаркивается. Но церемониймейстер взял цилиндр наотлет и посмотрел прямо в лицо Джонни.

— Вы, сэр, Человек, Который Торгует Слонами? — Это было скорее утверждение, а не вопрос.

— А?.. Ну… да.

— Приветствую вас, государь! Ваше величество, прошу — ваша королева и ваша свита ждут вас! — И церемониймейстер повернулся, как бы указывая дорогу.

Джонни ахнул и прижал Биндльстифа к себе. Церемониймейстер подвел его к запряженной слонами колеснице. Пес выскочил у него из-под руки и вспрыгнул на колесницу — прямо на колени к сидящей в ней даме. Та ласково потрепала его и гордо, счастливо посмотрела на Джонни Уоттса, и щеки ее радостно разрумянились, как

половинки гранатовых яблок[31].

— Привет, Джонни! Добро пожаловать домой, милый!

— Марта… — всхлипнул он.

Король пошатнулся, но удержался на ногах, и поднялся в колесницу, и упал прямо в объятия своей королевы.

Впереди снова мелодично пропела труба, и парад двинулся вперед, в свой бесконечный путь…

[31] Примечания: 31
Аллюзия на библейскую «Песнь Песней».

Все вы, зомби?

22:17, временная зона V (ВСТ)
7 ноября 1979 года, Нью-Йорк,
бар «У Папули»

Я надраивал коньячную рюмку, когда вошел Мать-одиночка. Я отметил время — 10 часов 17 минут пополудни пятой зоны (или по восточному времени), 7 ноября 1970 года. Темпоральные агенты всегда отмечают время и дату. Обязаны.

Мать-одиночка был парнем двадцати пяти лет, не выше меня, с лицом подростка и раздражительным характером. Мне его вид не понравился — и никогда не нравился, — но именно его я прибыл завербовать. Этот парень был моим, и я встретил его своей лучшей барменской улыбкой.

Наверное, я излишне привередлив. Не такой уж он и зануда, а прозвище свое заработал из-за того, что если какой-нибудь любопытный тип интересовался, чем он занимается, он всегда отвечал: «Я мать-одиночка». И если был зол на весь мир меньше обычного, иногда добавлял: «…за четыре цента слово. Я пишу исповеди для журналов».

Если настроение у него оказывалось парши-

вое, он пытался кого-нибудь спровоцировать на оскорбление. Дрался он жестоко, насмерть, как женщина-полицейский, — одна из причин, по которой он мне стал нужен. Но не единственная.

Он уже успел нагрузиться, и по его лицу было ясно, что люди сегодня отвратительны для него больше обычного. Я молча налил ему двойную дозу «Старого нижнего белья» и оставил бутылку на стойке. Он выпил и налил себе еще.

Я протер стойку.

— Как жизнь у Матери-одиночки?

Его пальцы стиснули стакан. Мне показалось, что сейчас он швырнет его в меня, и я нашарил под стойкой дубинку. Занимаясь манипуляциями во времени, стараешься предвидеть любую неожиданность, но тут замешано столько разных случайностей, что никогда нельзя идти на неоправданный риск.

Я увидел, что он расслабился на ту самую малость, которую нас учили подмечать в тренировочной школе Бюро.

— Извини, — сказал я. — Просто хотел спросить, как идут дела. Считай, что спросил, какая сегодня погода.

— Дела нормальные, — кисло отозвался он. — Я кропаю, они печатают, я ем.

Я плеснул себе и склонился к нему.

— Знаешь, — сказал я, — а у тебя здорово получается, я кое-что из твоей писанины прочел. Ты изумительно хорошо понимаешь женский взгляд на мир.

Тут я допустил прокол, но пришлось рискнуть — Мать-одиночка никогда не раскрывал своих псевдонимов. Но он успел достаточно накачаться и поэтому вцепился только в последнюю фразу.

— Женский взгляд! — фыркнул он. — Да, я знаю, как бабы смотрят на мир. Еще бы мне не знать!

— Неужели? — усомнился я. — Сестры?

— Нет. Могу рассказать, только ты все равно не поверишь.

— Брось, — мягко ответил я, — барменам и психиатрам прекрасно известно, что нет ничего более странного, чем правда. Знаешь, сынок, если бы тебе довелось выслушать все то, что мне рассказывали… считай, богачом бы стал. Поразительные были истории.

— Ты и понятия не имеешь, что такое «поразительные»!

— Да ну? Меня ничто не удивит. Я всегда смогу припомнить байку и похуже.

Он снова фыркнул.

— Спорим на то, что осталось в бутылке?

— Ставлю полную, — принял я вызов и поставил бутылку на стойку.

— Валяй…

Я махнул своему второму бармену, чтобы он обслуживал пока клиентов. Мы сидели у дальнего конца стойки, где я отгородил единственный табурет, уставив рядом с ним стойку банками с маринованными яйцами и прочей дребеденью. Несколько клиентов в дальнем конце смотрели по ящику бокс, кто-то гонял музыкальный автомат — словом, мы с ним уединились не хуже, чем в спальне.

— Ладно, — произнес он, — начнем с того, что я ублюдок.

— Этим здесь никого не удивишь.

— Я серьезно, — рявкнул он. — Мои родители не были женаты.

— Опять-таки ничего удивительного, — повторил я. — Мои тоже.

— Когда… — Он смолк, и я впервые за все время заметил в его глазах теплоту. — Ты тоже? Серьезно?

— Тоже. Стопроцентный ублюдок. Более того, — добавил я, — никто в моей семье никогда не был женат. Все были ублюдками.

— Не старайся меня перещеголять — ведь сам

ты женат.

Он показал на мое кольцо.

— А, это… — Я продемонстрировал ему кольцо. — Оно только похоже на обручальное, я его ношу, чтобы женщин отпугивать. Это кольцо — древняя вещичка. Я купил его в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году у другого нашего агента, а тот вывез его с дохристианского Крита. — Змей Уроборос, мировой змей, бесконечно заглатывающий собственный хвост. Символ Великого парадокса.

Он лишь бросил на кольцо мимолетный взгляд.

— Если ты и в самом деле ублюдок, то сам знаешь, каково им живется. Когда я был маленькой девочкой…

— Ого! — перебил я. — Мне не послышалось?

— Кто из нас рассказывает? Когда я был маленькой девочкой… Слушай, тебе ничего не напоминает имя Кристина Йоргенсон? Или Роберта Коуэлл?

— Гм, смена пола. Ты пытаешься рассказать мне…

— Не перебивай меня и не подначивай, а то не стану рассказывать. Меня подбросили в приют в Кливленде в тысяча девятьсот сорок пятом году,

когда мне был месяц от роду, Когда я была маленькой девочкой, то очень завидовала детям, у которых были родители. Позднее, когда я узнала, что такое секс, — и поверь мне, Папуля, в приюте тебя быстро всему научат…

— Знаю.

— Я твердо поклялась, что у любого моего ребенка будут и папа, и мама. Это держало меня в «чистоте», что в том окружении было не так-то просто — мне пришлось ради этого драться. Став старше, я поняла, что у меня чертовски мало шансов выйти замуж — по той же причине меня и не удочерили. — Он нахмурился. — У меня было лошадиное лицо, такие же зубы, плоская грудь и прямые волосы.

— Ты выглядишь не хуже меня.

— А кого волнует, как выглядит бармен? Или писатель? Люди-то хотят удочерить маленьких голубоглазых блондиночек-идиоток. А парням, когда подрастешь, нужны выпирающие титьки, смазливая морда да еще чтоб почаще повторяла, какой он необыкновенный мужик. — Он пожал плечами. — Состязаться с красивыми дурами я не могла. И поэтому решила завербоваться в ДЕВКИ.

— Во что?

— В Дамские евгенические войска, космическая интербригада. Их теперь называют Космические АНГЕЛы — Американский национальный гиперсексуальный евгенический легион.

Я вспомнил оба термина, сделав привязку по времени. Хотя теперь мы используем и третье название; это элитные женские части: Штурмовая любовная хабилитированная интербригада. Изменения смысла слов — самая большая пакость для прыгунов во времени. Знаете ли вы, что «станция обслуживания» когда-то означала место, где торговали легкими нефтяными фракциями? Как-то был я на задании в эпоху Черчилля, и женщина мне сказала: «Встретимся на станции обслуживания в соседнем квартале» — а это совсем не то, что вы подумали; «станции обслуживания» (в то время) не имели кроватей.

— Как раз тогда впервые признали, что нельзя посылать мужчин в космос на месяцы и годы, не предоставляя им возможность сбросить напряжение, — продолжил он. — Помнишь, как вопили ханжи? Но это лишь увеличивало мои шансы, добровольцев было очень мало. Девушке следовало быть респектабельной, предпочтительно девственницей (им нравилось обучать девушек с нуля), умнее среднего уровня и эмоционально

стабильной. Но добровольцами вызывались по большей части или старые девы, или невротические дамочки, которые свихнулись бы, не проведя в космосе и десяти дней. Так что от меня не требовалась красивая внешность — если меня принимали, то приводили в порядок зубы, делали завивку, учили ходить, танцевать, внимательно выслушивать мужчин и всему прочему, плюс тренировка по выполнению главных обязанностей. Если имелась необходимость, делали даже пластическую операцию — для наших парней ничего не жалко.

А что еще лучше, на срок действия контракта тебе не грозит опасность забеременеть, и после его окончания имеешь почти верный шанс выйти замуж. Да и сейчас все то же самое — АНГЕЛы выходят замуж за космонавтов.

Когда мне стукнуло восемнадцать, меня отправили работать «помощницей матери». Этой семейке просто-напросто требовалась дешевая прислуга, но я не возражала, потому что не могла завербоваться, пока мне не исполнится двадцать один год. Я делала всю домашнюю работу и ходила в вечернюю школу — говорила, будто продолжаю начатые в школе курсы машинописи и стенографии, а на деле училась тому, как ловчее

охмурять мужиков, чтобы иметь больше шансов при вербовке.

Потом я встретила того городского хлыща, набитого деньгами. — Он нахмурился. — У этого ничтожества и в самом деле была пачка стодолларовых бумажек. Как-то вечером он мне ее показал и предложил выбрать любую.

Но я не стала. Я любила его. Он стал первым мужчиной в моей жизни, который был со мной любезен, не пытаясь при этом залезть мне под юбку. Я бросила вечернюю школу, чтобы чаще с ним встречаться. То было счастливейшее время в моей жизни.

А потом однажды вечером в парке он все-таки залез мне под юбку.

Он смолк.

— И что потом? — полюбопытствовал я.

— А ничего! Больше я его никогда не видела. Он проводил меня домой, заверил, что любит, поцеловал, пожелал спокойной ночи — и больше не приходил. — Он помрачнел. — Если бы я смогла его отыскать, то убила бы на месте!

— Еще бы, — посочувствовал я, — прекрасно тебя понимаю. Но вот убить — за то, что произошло само собой, — гм-м… Ты сопротивлялась?

— Что? Да какая разница?

— Большая. Может, он на тебя так грубо накинулся, что заслужил, чтобы ему сломали руки, но…

— Он заслуживает гораздо худшего! Погоди, я еще не закончила. Мне удалось все устроить так, что никто ни о чем не подозревал, и я решила, что все кончилось к лучшему. Вряд ли я любила его по-настоящему, и больше, наверное, никого не полюблю… но после этого мне еще сильнее захотелось завербоваться в ДЕВКИ. Меня не стали дисквалифицировать, потому что на девственности они не настаивали. И я даже повеселела. Но догадалась лишь тогда, когда мне стали тесны юбки.

— Залетела?

— После этой сволочи меня раздуло, как воздушный шар! Эти жмоты, у которых я жила, не обращали внимания на мой живот, пока я могла работать, — а потом дали пинка под зад. В приют меня обратно не взяли. В конце концов меня приютили в больнице, в палате для бедных, где я выносила горшки за такими же толстопузыми бедолагами, пока не настал мой срок.

И вот однажды вечером я очутилась на операционном столе. Медсестра сказала мне: «Расслабься. А теперь глубоко вдохни».

Я очнулась в постели. Ниже груди я своего тела не ощущала. Вошел хирург.

— Как себя чувствуете? — весело спросил он.

— Как мумия.

— Естественно. Вас спеленали бинтами ничуть не хуже фараона и накачали лекарствами, чтобы вы не чувствовали боли. Вы скоро поправитесь… но сделать кесарево — это не занозу вытащить.

— Кесарево? — изумилась я. — Док… неужели ребенок умер?

— О нет. Ребенок в полном порядке.

— Уф-ф! Мальчик или девочка?

— Совершенно здоровая девочка. Пять фунтов и три унции.

Я расслабилась. Я очень гордилась тем, что родила, и сказала себе, что обязательно добьюсь того, чтобы добавить к своему имени «миссис», а дочка пусть думает, что ее папа умер. Мой ребенок в сиротский приют не попадет!

Но хирург еще не все сказал.

— Скажите, гм… — он не стал называть меня по имени, — вам никогда не казалось, что у вас железы не в порядке?

— Что? Конечно нет. На что вы намекаете?

Он немного смутился.

— Я расскажу вам все сразу, потом сделаю

укольчик, чтобы вы заснули и справились с нервным потрясением. К сожалению, без него не обойтись.

— Почему? — потребовала я ответа.

— Никогда не слыхали о враче-шотландце, которая была женщиной до тридцати пяти лет? А потом ей сделали операцию, и она стала юридически и анатомически считаться мужчиной? Он женился, и у него все было в порядке.

— А какое это имеет отношение ко мне?

— Самое прямое. Вы мужчина.

Я попыталась сесть.

— Что?

— Не надо так волноваться. Когда я вас вскрыл, то внутри обнаружилось черт знает что. Я послал за главным хирургом, пока извлекал ребенка, и мы тут же, не отходя от стола, обсудили ваш случай. А потом несколько часов работали, спасая то, что можно. У вас оказалось два полных набора органов, оба недоразвитые, но женские развились в достаточной степени, чтобы выносить ребенка. В дальнейшем они все равно оказались бы для вас бесполезны, поэтому мы их удалили и переделали все таким образом, чтобы вы далее развились в мужчину. — Он ободряюще положил на меня ладонь. — Не волнуйтесь. Вы еще моло-

ды, кости примут новую форму, мы проследим за гормональным балансом — и сделаем из вас прекрасного молодого мужчину.

— А что станет с моим ребенком? — заплакала я.

— Ну, выкормить вы его все равно не сможете, молока у вас не хватит даже на котенка. На вашем месте я не стал бы забирать девочку… лучше, если ее удочерят.

— Нет!

— Решать вам, — пожал он плечами, — вы ее мать… вернее, родитель. Но сейчас на этот счет не волнуйтесь, сперва нужно привести в порядок вас.

На следующий день мне позволили увидеться с ребенком. Ее приносили ко мне каждый день — я старалась к ней привыкнуть. До тех пор мне не доводилось видеть новорожденных, и я понятия не имела, как ужасно они выглядят — дочка напоминала мне оранжевую обезьянку. Постепенно во мне созрела холодная решимость научиться правильно с ней обращаться. Но через четыре недели все это перестало иметь значение.

— Вот как?

— Ее похитили.

— Похитили?

Мать-одиночка едва не опрокинул бутылку, на которую мы спорили.

— Сперли… слямзили прямо из детского отделения! — Он тяжело дышал. — Что бы ты почувствовал, если бы у тебя украли последнее, ради чего стоило жить?

— Тяжелый случай, — согласился я. — Дай-ка я тебе еще налью. И что, никаких следов?

— Полиция так и не нашла, за что ухватиться. Некто пожелал посмотреть на девочку, назвался ее дядей. Сестра ненадолго отвернулась, а он схватил ребенка и вышел.

— А как он выглядел?

— Нечем не примечательный мужчина, самое обычное лицо, как у тебя или у меня. — Он нахмурился. — Думаю, это ее отец. Сестра божилась, что на вид человек был средних лет, но он наверняка загримировался. Кому еще понадобилась бы моя девочка? Иногда на такую подлость решаются бездетные женщины — но мужчине-то это зачем?

— И что с тобой было потом?

— Одиннадцать месяцев в этой паршивой больнице и три операции. Через четыре месяца у меня начала расти борода; перед выпиской я уже регулярно брился… и более не сомневался в том, что

стал мужчиной. — Он кисло улыбнулся. — Даже стал заглядывать медсестрам за вырез халата.

— Что ж, — заметил я, — похоже, ты перенес это вполне успешно. Посмотри на себя теперь — нормальный мужик, зашибаешь неплохие бабки, никаких особых проблем в жизни. А у женщин жизнь легкой не назовешь.

Он зло сверкнул глазами.

— Много ты о женской жизни знаешь!

— Даже так?

— Не доводилось слышать выражение «загубленная женщина»?

— Мм, да. Много лет назад. Сейчас оно почти потеряло смысл.

— Моя жизнь была загублена так, как может быть загублена только жизнь женщины. Эта сволочь загубила ее так, что дальше некуда, — я перестал быть женщиной… и не знал, как быть мужчиной.

— Наверное, пришлось приспосабливаться.

— Ты даже представить не сможешь, чего мне это стоило. И дело даже не в том, чтобы научиться правильно одеваться или заходить в нужную кабинку туалета — это я освоил еще в больнице. Но как мне следовало дальше жить? Какую работу я мог получить? Черт, я даже машину

не умел водить. У меня не было профессии, а физический труд с самого начала был заказан — слишком много внутри швов и рубцов, нельзя напрягаться.

Я ненавидел его за то, что он погубил мою будущую карьеру в ДЕВКах, но по-настоящему возненавидел, когда провалилась моя попытка завербоваться в космические войска. Меня признали непригодным к любой воинской службе, едва взглянув на живот. Офицер-медик осмотрел меня из чистого любопытства — он уже слышал про мой случай.

Поэтому я сменил имя и приехал в Нью-Йорк. Перебивался, торгуя с уличной жаровни, потом взял напрокат машинку и подал объявление о том, что перепечатываю рукописи и документы. Смех, да и только! За четыре месяца мне заказали перепечатать четыре письма и одну рукопись. Рукопись предназначалась в журнал «Настоящие жизненные истории» и не стоила бумаги, которую на нее потратили, но ведь козел, что ее сочинил, продал ее в журнал! У меня возникла идея, я купил пачку журналов, где печатают такие «признания», и изучил их от корки до корки. Теперь ты знаешь, откуда в моих историях про матерей-одиночек такое понимание женского

взгляда на мир… хотя одну-единственную версию я им так и не продал — свою собственную, настоящую. Так что, выиграл я бутылку?

Я подтолкнул бутылку к нему. После его рассказа у меня на душе тоже кошки скребли, но дело есть дело, и за меня его никто не сделает.

— Сынок, — спросил я, — ты все еще хочешь ухватить за шиворот того сукиного сына?

Его глаза вспыхнули — холодным, жестоким блеском.

— Эй, полегче! — предупредил я. — Ты ведь его не убьешь?

— Дай попробовать — узнаешь, — зловеще усмехнулся он.

— Успокойся. Я о нем знаю больше, чем ты можешь вообразить. И могу тебе помочь. Я знаю, где он.

Его рука метнулась через стойку.

— Где он?

— Отпусти мою рубашку, сынок, — тихо посоветовал я, — или тебя найдут в переулке, а фараонам мы скажем, что ты перебрал и отрубился. — Я показал ему дубинку.

Он выпустил рубашку и посмотрел на меня.

— Извини, но где он? И откуда ты так много знаешь?

— Потерпи, всему свое время. Остались разные архивные записи — в больнице, в приюте, медицинские. Матрону в твоем приюте звали миссис Феверэдж? Потом ее сменила миссис Грюнштейн — правильно? А когда ты был девочкой, тебя звали Джейн — так? И ничего из этого ты мне не говорил — правильно?

Он смутился и слегка испугался.

— Что-то не пойму. Неужто ты собрался решать мои проблемы за меня?

— Не совсем. Просто ты мне по душе, парень. И того типа могу подать тебе на блюдечке. Можешь сделать с ним все, что сочтешь нужным, а я гарантирую, что тебе за это ничего не будет. Но убивать его и думать не смей. Для этого нужно быть психом — а ведь ты не псих. Вернее, не совсем еще псих.

Он нетерпеливо махнул рукой.

— Слушай, кончай треп. Где он?

Я плеснул немного в его стакан. Он был пьян, но злость начала пересиливать спиртное.

— Не гони лошадей, Я сделаю кое-что для тебя — а ты для меня.

— Э-э… а что?

— Ты не любишь свою работу. А что ты скажешь насчет высокого жалованья, постоянной долж-

ности, неограниченного счета на служебные расходы, полной самостоятельности и целого мешка приключений?

Он выпучил глаза.

— Знаешь, что я скажу? Не вешай мне лапшу на уши! Сливай воду, Папуля, — такой работенки не бывает.

— Ладно, сделаем иначе: я вручаю его тебе тепленьким, ты с ним рассчитываешься, потом пробуешь мою работу. И если окажется, что я наобещал тебе лишку… что ж, удерживать не стану.

Он покачнулся — последний стакан довел его до кондиции.

— К-к-гда ты его мне д-д-ставишь? — выдавил он.

— Если согласен, то прямо сейчас!

— По рукам! — сказал он, протягивая ладонь.

Я кивнул своему помощнику, чтобы приглядывал за обоими концами стойки, отметил время — ровно 23:00 — и уже присел, чтобы нырнуть в дверку под стойкой, но тут музыкальный автомат рявкнул: «Я мой собственный дедуля!» Техникам было приказано зарядить его американской попсой и классикой, потому что я на дух не выношу «музыку» семидесятых годов, но я и не знал, что

в автомате имелась и эта запись.

— Вырубите музыку! — крикнул я. — А клиенту верните деньги. Я в кладовую, сейчас вернусь, — добавил я и отправился туда.

Мать-одиночка шел следом.

Кладовая находилась в конце коридорчика напротив туалета — стальная дверь, ключ к которой имели только я и дневной управляющий, а внутри еще одна дверь, открыть которую мог только я. Мы вошли.

Он обвел помутневшими глазами глухие стены.

— Г-где он?

— Сейчас, — отозвался я, открывая саквояж — единственный предмет, находившийся в комнатке. То был координатный трансформер в полевом исполнении, выпущен в тысяча девятьсот девяносто втором году, вторая модель. Прелесть приборчик — ни одной движущейся детальки, весит полностью заряженный всего двадцать три килограмма и замаскирован под саквояж. Я уже провел днем точную настройку, и теперь мне осталось лишь вытряхнуть металлическую сетку, ограничивающую поле трансформации.

— Это что т-т-кое? — встревоженно спросил он.

— Машина времени, — ответил я и набросил

на нас сеть.

— Эй! — завопил он, делая шаг назад.

Тут есть особый приемчик: сеть нужно набросить так, чтобы субъект инстинктивно шагнул назад и наступил на сеть, а потом сомкнуть ее, полностью укутывая и его, и себя, — иначе можно оставить на этом месте подошву, а то и кусок ноги, или же прихватить с собой кусок пола. Но опыт приходит с годами. Некоторые агенты заманивают клиента под сеть; я же говорю правду и пользуюсь моментом, пока клиент пребывает в изумлении, чтобы щелкнуть переключателем. Так я и поступил.

19:39, зона V, 3 апреля 1963 года,
Кливленд, штат Огайо,
Эпекс-билдинг

— Эй! — повторил он. — Сними с меня эту чертову сеть!

— Извини. — Я стянул сеть, сунул ее в саквояж и щелкнул замком. — Ты говорил, что хотел его отыскать.

— Но… Ты сказал, что это машина времени!

Я ткнул пальцем в окно.

— Разве там ноябрь? Или Нью-Йорк?

Пока он, разинув рот, пялился в окно на набухающие почки и весеннее солнце, я снова открыл

саквояж и вынул пачку стодолларовых купюр, затем убедился, что номера и подписи на них не вызовут в 1963 году подозрения. Темпоральное бюро мало заботит, сколько ты тратишь (ему эти деньги ничего не стоят), но лишние анахронизмы ему ни к чему. Если станешь допускать слишком много ошибок, полевой суд приговорит тебя к изгнанию в какой-нибудь гнусный период, скажем, в 1974 год — время скудных пайков и принудительного труда. Я таких ошибок не допускаю, деньги оказались в порядке.

— Что произошло? — спросил он, оборачиваясь.

— Он здесь. Выходи и делай с ним, что хочешь. Вот тебе на расходы. — Я протянул ему деньги и добавил: — Когда кончишь свои дела, я тебя отыщу.

Стодолларовые купюры оказывают гипнотический эффект на тех, кто к ним не привык. Когда я ввел его в прихожую и открыл наружную дверь, он все еще теребил пачку, не веря своим глазам. Следующий прыжок представлял из себя легкое перемещение в той же эре.

17:00, зона V, 10 марта 1964 года,
Кливленд, Эпекс-билдинг

Под дверь подсунули записку с извещением,

что срок аренды квартиры истекает на следующей неделе, во всем прочем комната выглядела точно так же, как и секунду назад. Деревья на улице стояли голыми, низкие тучи обещали снегопад. Я торопливо вышел, задержавшись ровно настолько, чтобы надеть пиджак, шляпу и пальто, припасенные еще с той поры, когда я снял эту квартиру, поймал такси и поехал в больницу. Всего за двадцать минут я настолько наскучил помощнице медсестры, что смог незаметно похитить младенца и тут же вернулся с ним домой. На сей раз настройка оказалась сложнее, потому что в 1945 году это здание еще не существовало, но мне помогли справиться предварительные расчеты.

01:00, зона V, 20 сентября 1945 года,
Кливленд, мотель «Скайвью»

Трансформер, младенец и я появились в пригородном мотеле. Я заблаговременно зарегистрировался под именем Грегори Джонсона из Уэррена, штат Огайо, поэтому мы возникли в комнате с задернутыми шторами, закрытыми окнами и запертыми дверьми. Всю мебель я сдвинул к стенам — машина при срабатывании иногда рыскает в пространстве, и если, к примеру, стул стоит в неподходящем месте, можно сильно уши-

биться. Стулу-то ничего не сделается, зато поле дает отдачу.

Появление прошло гладко. Джейн безмятежно посапывала, я вынес ее на улицу, уложил в заранее приготовленную корзинку на заднем сиденье машины, доехал до приюта, поставил корзинку на ступеньки, проехал пару кварталов до «станции обслуживания» (там продавали нефтепродукты) и позвонил в приют. Подъехал снова, как раз вовремя — корзинку на моих глазах внесли в приют, добрался до мотеля, бросил возле него машину, вошел и переместился в Эпекс-билдинг, в 1963 год.

22:00, зона V, 24 апреля 1963 года,
Кливленд, Эпекс-билдинг

Я вернулся с вполне приличной точностью — темпоральная точность, кроме случаев возврата в исходную точку, зависит от длительности прыжка. Если мои расчеты верны, то как раз сейчас в парке, пряным весенним вечером, Джейн обнаруживает, что она не совсем та «примерная» девушка, каковой себя считала. Поймав такси, я помчался к дому тех скупердяев, у которых она жила, велел водиле подождать за углом, а сам затаился в тени.

Наконец я заметил их в дальнем конце улицы,

в обнимочку. Он поднялся с ней на крыльцо и занялся серьезным делом — целовал на прощание. Времени на это ушло куда больше, чем я предполагал. Потом она зашла в дом, а он спустился по ступенькам на тротуар и отвернулся. Я незаметно приблизился и взял его под руку.

— Вот и все, сынок, — прошептал я. — Я вернулся за тобой.

— Ты! — Он ахнул и затаил дыхание.

— Он самый. Теперь ты знаешь, кто он такой… а если пораскинешь мозгами, то догадаешься, кто ты… если же напряжешься еще чуток, то вычислишь, кто этот младенец… и кто такой я.

Он не ответил, настолько оказался потрясен. И неудивительно — если тебе только что доказали, что ты не удержался и попытался обольстить сам себя. Я отвел его в Эпекс-билдинг, и мы совершили новый прыжок.

23:00, зона VII, 12 августа 1985 года,
база под Скалистыми горами

Я растолкал дежурного сержанта, сунул ему свое удостоверение и велел дать парню снотворное, уложить в постель, а утром завербовать. Сержант насупился, но начальство в любой эре остается начальством; он выполнил мой приказ, наверняка думая о том, что при нашей следую-

щей встрече он может оказаться полковником, а я сержантом. В наших подразделениях такое не исключается.

— Как его звать? — буркнул сержант.

Я написал имя. Его брови поползли вверх.

— Вот как? Гм…

— Просто сделайте свое дело, сержант. — Я повернулся к своему компаньону. — Сынок, все твои неприятности кончились. Скоро ты приступишь к лучшей из работ, известных людям… и станешь делать ее хорошо. Я знаю.

— Но…

— Никаких «но». Выспись хорошенько, потом обдумай мое предложение. Оно тебе понравится.

— Еще как понравится! — согласился сержант. — Ты на меня посмотри: родился в тысяча девятьсот семнадцатом году, а все еще служу, молод и наслаждаюсь жизнью.

Я вернулся в комнату для темпоральных прыжков и установил прибор на заранее рассчитанную нулевую точку.

23:01, зона V, 7 ноября 1970 года,
Нью-Йорк, бар «У Папули»

Я вышел из кладовой с литровой бутылкой «драмбуи», чтобы оправдать проведенную там минуту. Мой помощник все еще спорил с клиен-

том, запустившим в музыкальном автомате «Я мой собственный дедуля!».

— Да пусть доиграет до конца, потом выключишь автомат, — сказал я, борясь с усталостью.

Работа тяжелая, но ее кому-то надо делать, а в последующие годы, из-за Ошибки 1972 года, завербовать кого-либо очень трудно. Можете ли вы придумать лучший способ вербовать рекрутов, чем находить отчаявшихся неудачников в их паршивом настоящем и предлагать им хорошо оплачиваемую и интересную (хотя и опасную) работу? Сейчас-то всем известно, почему Пшик-война 1963 года пшикнулась. Бомба, предназначенная для Нью-Йорка, так и не поднялась в воздух, сотни других событий пошли не так, как были запланированы, — и все это благодаря таким, как я.

Вот только Ошибка семьдесят второго… Нашей вины в том нет, а исправить ее невозможно — в ней нет скрытого парадокса, который можно направить в нужную сторону. Вещь или есть, или ее нет — сейчас и навсегда. Аминь. Но другой такой ошибки не будет; заказ, помеченный 1992 годом, в любой год имеет преимущество перед прочими.

Я закрыл заведение на пять минут раньше,

оставив в кассе письмо дневному управляющему, в котором сообщал, что принимаю его предложение, так что пусть он встретится с моим юристом, а сам я отправляюсь в долгий отпуск. Деньги за проданный бар Бюро может принять, если захочет, но начальство требует, чтобы напоследок все дела приводились в порядок. Я зашел в комнатку в кладовой и отправился вперед, в 1993 год.

22:00, зона VII, 12 января 1993 года,
Темпоральная база отдыха
под Скалистыми горами

Я доложил дежурному офицеру о возвращении и отправился в свою комнату, намереваясь недельку поспать. Там я откупорил бутылку, на которую мы спорили (в конце концов, я ведь ее выиграл), и хлебнул, прежде чем сесть за отчет. Вкус оказался мерзким, и я задумался — с какой стати я считал, будто мне нравится «Старое нижнее белье». Но лучше эта дрянь, чем совсем ничего: мне не нравится оставаться трезвым, начинаю слишком много думать. Но я и не напиваюсь; другим мерещатся змеи, а мне люди.

Я продиктовал отчет: сорок рекрутов, все одобрены психологами, включая меня самого, — я заранее знал, что тут проблем не возникнет. Ведь я уже служу, верно? Потом добавил рапорт с

просьбой назначить меня на операции — от вербовки меня уже тошнило. Спустив оба документа в почтовую щель, я направился к койке.

Мой взгляд сам остановился на висящем над нею «Темпоральном уставе»:

Никогда не делай вчера того, что следует сделать завтра.

Если тебе наконец удалось добиться успеха, никогда не повторяй попытку.

Стежок во времени спасает девять миллиардов жизней.

Любой парадокс может быть отпарадоксирован заново.

Сейчас раньше, чем ты думаешь.

Предки всего-навсего люди.

Даже Юпитер иногда ошибается.

Он уже не вдохновлял меня так, как во времена моей рекрутской молодости; тридцать субъективных лет-прыжков во времени способны вымотать кого угодно. Я разделся и, стянув майку, посмотрел на живот. После кесарева сечения остается большой шрам, но я стал таким волосатым, что его совсем не видно, если специально не приглядываться.

Потом взглянул на кольцо у себя на пальце.

Змей, вечно пожирающий собственный хвост… Мне-то известно, откуда я взялся… но откуда взялись все вы, зомби?..

Я ощутил, как наваливается головная боль, но я никогда не принимаю лекарств от головной боли. Однажды я попробовал — и вы все исчезли.

Поэтому я залез под одеяло и свистнул, гася свет.

Вас здесь на самом деле нет. Тут, во мраке, нет никого, кроме меня, Джейн. Совсем одной.

И как же мне тебя не хватает!

Они

Они не оставляли его в покое.

Они никогда не оставляли его в покое. Он подумал, что, наверное, это часть их плана — никогда не оставлять его в покое, не дать ему возможности поразмыслить над той ложью, которой они пичкали его, не дать ему времени найти их слабые места и постичь истину.

И этот их проклятый надсмотрщик утром! Вломился со своим завтраком, разбудил его, и теперь он никак не может вспомнить сон, который ему сегодня снился. Если бы он только мог вспомнить этот сон…

Кто-то отпирает дверь. Но ему на это плевать.

— Привет, старина. Мне сказали, что ты отказался от завтрака? — И над его кроватью нависла профессионально любезная маска доктора Хейварда.

— Я не был голоден.

— Ну нельзя же так. Ты ослабеешь, и я не смогу тебя вылечить. Вставай-ка, одевайся, а я велю принести тебе эгг-ног[32]. Давай, давай, парень!

---

[32] Примечания: 32

Эгг-ног (*англ.* eggnog, egg-nog) — яичный коктейль.

Неохотно, но не желая вступать в конфликт, он встал и скользнул в свой халат.

— Вот так лучше, — похвалил Хейвард. — Сигарету?

— Нет, спасибо.

Врач удивленно покачал головой:

— Будь я проклят, если как-то понимаю тебя. Отсутствие интереса к физическим удовольствиям не соответствует твоему типу.

— А какой у меня тип? — ровным тоном поинтересовался он.

— Фу ты! — И Хейвард скорчил проказливую мину. — Если бы врачи раскрывали пациентам свои профессиональные секреты, то они едва-едва зарабатывали бы себе на хлеб.

— Так что же у меня за тип?

— Ну… ты ведь не хочешь, чтобы я просто приклеил тебе ярлык. Я о тебе ничего не знаю. Неужели не пора рассказать о себе?

— Я буду играть с вами в шахматы.

— Хорошо, хорошо, — торопливо согласился Хейвард, — мы уже и так целую неделю каждый день играем. Но если ты будешь рассказывать, я буду играть.

Что это может значить? Если он правильно их понял, то они уже знают, что он раскрыл их заго-

вор, хотя он вряд ли чего-то добьется, если будет скрывать очевидное. Ну что ж, пусть попытаются убедить его в обратном. Снявши голову, по волосам не плачут. Да ну их к чертям собачьим!

Он достал шахматы и начал расставлять фигуры.

— Что вы на данный момент знаете обо мне?

— Очень мало. Осмотр ничего не дал. И факты биографии тоже. Ты очень умен, если судить по тому, чего ты достиг в школе и на работе. Иногда резкие перепады в настроении, но ничего из ряда вон выходящего. Единственная информация о тебе, которая может сослужить нам службу, — это инцидент, из-за которого тебе пришлось попасть сюда на лечение.

— Из-за которого меня сюда упрятали, вы хотите сказать.

— О боже! Да если ты запираешься у себя в комнате и твердишь, что твоя жена состоит с кем-то в заговоре против тебя, как ты думаешь, люди будут реагировать на это?

— Но она действительно состоит в заговоре против меня. И вы тоже. Белые или черные?

— Черные. Сейчас твоя очередь атаковать. Ну почему ты думаешь, что мы все «в заговоре против тебя»?

— Трудно объяснить. Для этого нужно вернуться в мое детство. — И он сделал своим белым конем ход на b3.

Брови Хейварда поползли вверх.

— Как это понять?

— А почему бы и нет? Я не рискую играть против вас гамбит.

Врач пожал плечами и сделал ответный ход.

— Ну хорошо, начнем с детства. Оно может пролить на твой случай больше света, чем все, что у тебя произошло в недавнем прошлом. Чувствовал ли ты, что тебя преследуют?

— Нет! — Он наполовину встал со стула. — Когда я был ребенком, я был уверен в себе. Тогда я знал. Я знал! Я знал, что жизнь стоит того, чтобы жить. Я был в мире с самим собой и со своим окружением. Жизнь была хороша, и мне было хорошо, и я понимал, что существа, окружавшие меня, такие же, как я.

— А они не были такими же?

— Конечно нет! И особенно дети. Я не представлял себе, что такое испорченность, пока не связался с этими так называемыми детьми. Маленькие дьяволы! От меня хотели, чтобы я был таким, как они, и играл с ними.

Врач кивнул.

— Я понимаю. Дети иногда бывают ужасными дикарями.

— Вы не поняли. Дело не в дикости. Эти существа были просто другими — совсем не такими, как я. Они выглядели так же, как и я, но они не были такими, как я. Когда мне хотелось объяснить им что-то очень важное в моем понимании, они пялили на меня глаза и презрительно смеялись. А потом они обязательно наказывали меня за то, что я делился с ними своим сокровенным.

Хейвард кивнул.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. А взрослые?

— Это другое. Взрослые сначала ничего не значат для детей. Они ничего не значили и для меня. Они были слишком большими и не беспокоили; кроме того, они вечно были заняты чем-то таким, что было выше моего понимания. Я начал интересоваться ими только тогда, когда заметил, что мое присутствие как-то сковывает их.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну… Они никогда в моем присутствии не делали того, что делали в мое отсутствие.

Хейвард внимательно посмотрел на него.

— А это утверждение действительно имеет под собой почву? Откуда ты знаешь, чем они занима-

лись в твое отсутствие?

— Но я ловил их на том, что они внезапно прекращали разговор, когда я входил в комнату, или же начинали говорить о погоде или еще о чем-то пустом. Тогда я начал прятаться, подглядывать и подслушивать. Взрослые вели себя совсем иначе.

— Теперь твой ход… Да, но это было, когда ты был ребенком. Все дети проходят через это. Теперь, когда ты стал мужчиной, ты должен понимать, почему взрослые так поступали. Дети — странные существа, и их нужно защищать. По крайней мере, мы защищаем их от всех наших проблем. Существует целый кодекс условностей в отношении…

— Да, конечно, — нетерпеливо прервал он, — я все это понимаю. И все же я наблюдал и запоминал много такого, чего мне и теперь не понять. Я насторожился и заметил вот что.

— Что же? — Он увидел, что враг не смотрит на доску, производя рокировку.

— Я заметил, что все, что они делали, и все, о чем они говорили, никогда не имело никакого смысла. Они должны были делать что-то совершенно другое.

— Я не понимаю.

— Вы не хотите понимать. Кстати, я вам все это

рассказываю в обмен на партию в шахматы.

— А почему ты так любишь играть в шахматы?

— Потому, что это единственная вещь в мире, правила которой мне понятны. Ну да все равно! Я внимательно наблюдал за всем, что видел вокруг себя, — за городами, заводами, фермами, церквами, школами, домами, железными дорогами, деревьями, библиотеками, животными и людьми. За людьми, которые были похожи на меня и которые должны были бы чувствовать то же, что и я, если бы все, чему меня учили, было правдой. А чем они занимались, эти люди? Они ходили на работу, чтобы зарабатывать деньги, чтобы на них покупать еду, чтобы с помощью еды восстанавливать силы, чтобы снова идти на работу, чтобы опять зарабатывать деньги, и так далее, — до тех пор, пока они не умрут. Эта модель, правда, допускала легкие вариации. Но какое это имеет значение, если люди все равно заканчивают смертью? И все твердили мне, что я должен делать то же самое. А я лучше знаю, что мне делать!

Врач бросил на него капитулирующий взгляд и засмеялся.

— Я не спорю с тобой. Жизнь действительно такова и, может быть, лишена смысла. Но это

единственное, что нам дано. Почему же не наслаждаться этим — и чем больше, тем лучше?

— Ну нет! — Он упрямо сжал губы. — Вы не убедите меня. А откуда я знаю, что вы правы? Из-за того, что вокруг меня только сцена и на ней толпы актеров, которые не смогли бы выжить, если бы постоянно не метелили друг друга? Все, что угодно, но не это. Огромное, невероятное безумие, которое меня окружает, не может не быть запланированным. И я разгадал ваши планы!

— Что же это за планы?

Он заметил, что врач снова отвел глаза.

— Это игра, преследующая цель сбить меня с моего пути, оккупировать мой мозг и занять его ничего не значащими деталями, из-за которых я обязательно забуду самое главное. И вы все в заговоре против меня. — Он ткнул пальцем врачу в лицо. — Большинство людей просто беспомощные автоматы, а вы нет. Вы один из участников преступного заговора против меня. Вас прислали сюда, чтобы заставить меня вернуться к разыгрыванию той роли, которую вы мне предназначили.

Он видел, что врач ждет, когда он успокоится.

— Не волнуйся, — проговорил наконец Хейвард. — Может, это и заговор, но почему ты

решил, что заслуживаешь какого-то особого внимания к своей персоне? Может, это шутка, которую разыгрывают против всех нас. Почему бы мне тоже не быть такой же жертвой, как и ты?

— Черт бы вас побрал! — И он снова сунул в лицо Хейварду свой длинный палец. — Это и есть самое главное в вашем плане. Вы рассовали вокруг меня всех этих людей, похожих на меня, чтобы я не догадался о том, что являюсь центром ваших интриг. Но я заметил самое главное, и это факт непреложный. Я уникален. Вот я, перед вами, с внутренней стороны. А мир — с внешней. И я центр…

— Полегче, полегче! А не кажется ли тебе, что и для меня мир является внешней стороной, а я сам — внутренней? Мы все центр Вселенной…

— Не скажите. Это вы хотели убедить меня в том, что я такой же, как и миллионы окружающих меня. Ложь! Если бы они были такими же, как я, я смог бы с ними общаться. А я не смог. Я старался, но не смог. Я раскрывал им свои сокровенные мысли в поисках тех, кому они были бы близки. И что я получал взамен? Глупые ответы, раздражающие несообразности, бессмысленную чепуху. Я повторяю вам, что я старался. Боже, как я старался! Но никто не протянул мне руки. Все

было пустым и чужим!

— Минуточку. Ты хочешь сказать, что я ничего не понимаю? Ты не веришь в то, что я живой и мыслящий человек?

Он внимательно посмотрел на врача.

— Я думаю, что вы живой, но чужой мне человек. Один из моих антагонистов. И вы окружили меня тысячами таких же, как вы, — с пустыми лицами, бессмысленная речь которых — простая реакция организма на шум.

— Но если ты все же согласен с тем, что я субъект мысли, то как можно считать меня чем-то чужеродным по отношению к тебе?

— А вот как! — Он вскочил и бросился к шкафу, из которого вынул футляр со скрипкой.

Пока он играл, страдальческие морщины на его лице разглаживались, а все лицо приобретало какую-то одухотворенную красоту. На эти мгновения его снова захлестнули эмоции, но он уже забыл о своих снах. Мелодия легко следовала от мысли к мысли с неумолимой логикой. Он закончил игру триумфальным финалом, подытоживающим все сказанное-сыгранное, и повернулся лицом к врачу.

— Поняли?

— Хм. — (Ему показалось, что врач становится

осторожнее.) — Это немного странно, но замечательно. Жаль, что ты серьезно не занимался скрипкой. Ты мог бы многого достичь. Да и сейчас не поздно. Почему бы тебе не заняться этим?

Он стоял и долго внимательно смотрел врачу в глаза, потом покачал головой.

— Бесполезно. Совершенно бесполезно. Общаться все равно ни с кем не смогу. Я одинок. — Он положил инструмент на место и вернулся к столу. — Мой ход, кажется?

— Да. Берегите своего ферзя.

Хейварда оценивающе посмотрел на доску.

— Совсем не обязательно. Он мне больше не нужен. Шах.

Врач прикрыл короля пешкой.

— Вы умело обращаетесь со своими пешками, но я научился предугадывать ваши ходы. Так что снова шах — и мат, я думаю.

Врач оценил ситуацию на доске.

— Нет, — наконец сказал он. — Нет, не совсем. — И отвел атакованную фигуру. — Не шах и мат, а пат на худший случай. Еще один пат.

Его расстроил приход Хейварда: тот нашел логически слабые места в его суждениях. Но он не мог ошибаться. С логической точки зрения мир является величайшим обманом, обрушива-

ющимся на всех и каждого. Но что такое логика? Логика сама по себе есть величайшее надувательство, потому что оперирует недоказанными посылками; с ее помощью можно доказать все, что угодно. Мир есть то, чем он является на самом деле, и сам несет в себе доказательства своей несостоятельности.

Но что же делать ему? Может ли он провести грань между известными и неизвестными ему фактами, чтобы прийти к разумному пониманию мира, основанному только на фактах, — к пониманию, свободному от запутанных логических операций и посылок, в которых он не уверен?

Факт первый — он сам. Он хорошо знает себя, он существует.

Факт второй — существование «пяти чувств», все, что он сам увидел, услышал, обонял, осязал, испробовал. Осознавая пределы своих «чувств», он все же должен верить им. Без них он был бы полностью отчужден от мира, заперт в своей скорлупе, слеп, глух, отделен от всего. Он был бы одним-единственным существом на Земле.

Но чувства — это еще не все. Он знает, что ничего не придумал из того, что постиг благодаря чувствам. Но должно быть что-то еще, что-то, сделавшее мир доступным восприятию его чувств.

Все философы, утверждавшие существование физического мира только в рамках субъективного воображения, сущие мошенники.

А что же еще? Есть ли еще какие-нибудь «третьи» факты, на которые он мог бы опереться? Нет, только не здесь. Он не мог себе позволить верить в то, что узнал из книг и чему его научили, во все то, что считалось непреложным фактом. Нет, он не смог поверить всему этому, потому что в общей сумме то, что ему говорили, чему учили в школе, было противоречивым, бессмысленным и глубоко несостоятельным.

Минуту… Все это нагромождение *лжи*, все эти бессмысленные противоречия являются фактами хорошо ему известными. Поэтому их можно считать очень ценной для него информацией.

Мир, каким он его видит, глубоко неразумен и одновременно слишком велик, чтобы быть абсолютно лишенным смысла. Если же мир не столь безумен, каким представляется ему, то существует какая-то сила, которая сделала его таким — для того, чтобы обмануть сознание индивида. Но почему именно его? Каков смысл этого подлога? В самом этом обмане и должен быть ключ к разгадке. Ему было суждено познать массу концепций окружающего мира — всяческие философии,

религии, идеи «здравого смысла». Большинство из них были такими ничтожными, что их вряд ли можно было принимать всерьез. Но все они включали одно и то же положение, в которое он не мог не верить: то, что он был «человеческим существом» — как миллионы его современников и миллиарды тех, кто жил до него и будет жить после него.

Какая чушь! Ему никогда не удавалось вступить в настоящий контакт с себе подобными. В агонии своего одиночества он обманул себя, поверив в то, что Элис понимала его и была такой же, как и он. Он не удосужился тысячу раз проверить ее, потому что слишком невыносимой была для него мысль о возвращении к своему одиночеству. Ему очень нужно было поверить в то, что его жена — живое, дышащее существо, сделанное из того же теста, что и он, и что ей понятны все его сокровенные мысли. Ему не хотелось верить в то, что она просто зеркало, эхо или что-то невообразимо худшее.

Он нашел себе партнера, и мир стал меньше раздражать его, хоть и был таким же глупым и скучным. Он сделался в меру счастливым и отбросил свои подозрения. Даже свой однообразный труд он воспринимал терпимее, пока

досадная случайность не пробила брешь во всем этом обмане, и все его подозрения вернулись и начали мучить его с удвоенной силой.

Он уже начал жалеть о том, что выдал им себя. Если бы он держал рот на замке, они бы не заперли его здесь. Ему следовало быть более проницательным, смотреть во все глаза и слушать во все уши, выуживать из них детали и мотивы заговора против него. Он смог бы перехитрить их.

Но они заперли его — и весь мир стал сумасшедшим домом, а они тюремщиками.

В замке повернулся ключ, и он увидел человека с подносом.

— Ваш обед, сэр.

— Спасибо, Джо! — сказал он. — Поставь сюда.

— Сегодня вечером кино. Не хотите пойти? Доктор Хейвард сказал, что вам следовало бы…

— Нет, спасибо.

— Лучше бы вы пошли, сэр. — (И он с удовольствием услышал настойчивость в голосе Джо.) — Фильм хороший. Будет и мультфильм с Микки-Маусом…

— Ты почти убедил меня. Проблемы Микки-Мауса похожи на мои. Но я не пойду. Пусть не трудятся пускать фильм.

— Но фильм будет в любом случае. Многие

другие обязательно пойдут.

— Действительно? Что это — особый расчет или ты просто заговариваешь меня? Не стоит напрягаться. Я знаю всю эту игру. Если я не пойду, то и фильма не будет.

Ему не понравилась усмешка, которой Джо ответил на его выпад. Разве может быть так, чтобы это существо было сделано из одного с ним материала — хорошо развитые мускулы, флегматичность, терпеливость, что-то собачье во всем облике? Неужели он напичкан только рефлексами робота? Нет, он, скорее всего, один из них, если поставлен здесь.

Джо ушел, а он, занявшись едой, начал сгребать ложкой (единственным инструментом, которым его снабдили) кусочки уже нарезанного мяса. Он снова улыбнулся их предусмотрительности и расчету. Они не знают, откуда исходит опасность. Он не убьет себя до тех пор, пока есть надежда открыть истину. У него в запасе еще масса возможностей, прежде чем он примет это бесповоротное решение.

После ужина он занялся приведением в порядок своих мыслей и решил записать их. Он достал бумагу. Ему нужно начать с общей формулировки тех основных принципов, которые

вдалбливались ему всю его «жизнь». Жизнь? Да, слово подходящее. Он записал:

«Мне сказали, что я родился столько-то лет назад и что через приблизительно столько-то лет я умру. Мне предложили немало глупых версий того, где я был до своего рождения и где буду после смерти. Но все это грубая ложь, преследующая цель не обмануть меня, а просто направить по неправильному пути. Всяческими путями окружающий мир пытается убедить меня, что я смертен, что я здесь ненадолго, что пройдет какое-то количество лет — и я уйду в небытие.

Неправда! Я бессмертен. Я переступаю через пределы времени, отмеренного мне. Промежуток в семьдесят лет не что иное, как одна из фаз моей жизни. Во-первых, я осознаю, что существую, а во-вторых, что я вечен. Может, я замкнутая кривая, но это не важно. Я в любом случае не имею ни начала, ни конца. Моя уверенность не относительна, она абсолютна, и ее нельзя ни создать, ни уничтожить. И только память, так как только она относительный аспект сознания, может быть подвергнута воздействию и даже уничтожена.

Правда, большинство религий, которые я узнал, учат бессмертию, но обратите внимание, как они этому учат. Самый верный способ убедительно

солгать — это неубедительно сказать правду. Значит, они не хотели, чтобы я им поверил.

Внимание: почему они так старались убедить меня в том, что через какое-то время я «умру»? На это должна быть очень серьезная причина. Я делаю вывод, что они готовят меня к какому-то глобальному переделыванию. Мне жизненно необходимо узнать их намерения — на это мне, может быть, понадобится несколько лет. Для этого нужно перестать мыслить их категориями».

Вернулся Джо.

— Пришла ваша жена, сэр.

— Скажите ей, чтоб она уходила.

— Пожалуйста, сэр. Доктор Хейвард очень хочет, чтобы вы с ней повидались.

— Скажи доктору Хейварду, что я его считаю превосходным шахматистом.

— Хорошо, сэр. — Джо постоял с минуту. — Так вы не хотите с ней видеться?

— Нет.

Когда Джо ушел, он еще несколько минут ходил по комнате, не в состоянии собраться с мыслями. Нужно отдать им должное, они вели с ним приличную игру, после того как упрятали сюда. У него есть отдельная комната и масса времени для размышлений. Конечно, его постоянно пытаются

чем-то занять или отвлечь, но он упрям и всегда каким-то образом нарушает их планы, выгадывая для себя время для самоанализа.

Черт знает что! Он не хочет, чтобы они впутывали во все это Элис. И хотя она вызывает у него ужас и отвращение — с тех самых пор, как он обнаружил правду, — он не хочет, чтоб ему напоминали о ней и заставляли принимать какие-то решения в отношении нее.

В конце концов, она столько лет была его женой. Женой? А что такое жена? Еще одна душа, но такая же, как твоя собственная, дополнение к ней, второй полюс магнита, святилище понимания и сочувствия в непостижимых глубинах одиночества. Он самозабвенно верил во все это столько лет. Настоятельная необходимость иметь такого же друга, как и он сам, привела его к тому, что в ее прекрасных глазах он увидел себя и перестал замечать все то, что делало их непохожими друг на друга.

Он вздохнул. Он чувствовал, что сумел избавиться от многого, чему его научили в жизни, но Элис проникла под его кожу, даже глубже, и он не мог не мучиться этой болью. Он был счастлив с ней — хоть все это и было наркотическим трансом. Они дали ему отличное зеркало, в которое

он мог смотреться и с которым мог играть; ну почему же он не разглядел, что стояло за этим зеркалом!

Уставший, он вернулся к своим рассуждениям:

«Мир интерпретирует две основные концепции. Первая — здравый смысл, который полагает, что в мире существует и многое такое, чего не видно на поверхности, что обычное поведение человека, его поступки сами по себе разумны. Вторая — религиозно-мистическая концепция, которая считает мир иллюзорным, нереальным, над которым довлеет истинная реальность.

Они обе неверны. Общая схема концепции здравого смысла совершенно бессмысленна: „Жизнь коротка и полна неприятностей. Существо, рожденное женщиной, обречено на вечные страдания. Дни его быстротечны. Все — тщеславие и суета“. Эти утверждения, возможно, беспорядочны и неверны, но они четко отражают позицию здравого смысла. В таком мире все человеческие усилия не более рациональны, чем слепой полет мотылька к свету. „Мир здравого смысла“ — нечто безумное, взявшееся из ничего и в никуда уходящее.

Что касается другой концепции, она с первого взгляда более рациональна, хотя бы потому, что

отрицает ярко выраженную глупость позиции здравого смысла. Но эта концепция тоже нерациональна. Это простой уход от действительности, потому что отрицается сама возможность прямого контакта между человеком и потусторонним миром. Конечно, „пять чувств“ не столь совершенны, чтобы осуществлять этот контакт, но, в конце концов, это единственное, что дано человеку».

Он смял бумагу и резко встал со стула. Упорядоченность и логика не помогают. Но он прав, потому что он это чувствует. Он, конечно, не знает еще всего. Да кому нужны этот огромный обман, бессчетное количество существ, целые континенты, чудовищная матрица безумной истории, безумных традиций, безумной культуры? Что нужно человеку, кроме его собственной скорлупы и хорошо сидящего пиджака?

Но должно же что-то быть, должно было быть, потому что им было чрезвычайно важно кардинально обмануть его, ведь обман меньшего масштаба не сработал бы.

Он должен был предвидеть все это. А теперь ему нужно идти вслед за этим обманом, наступая ему на пятки. Сейчас он должен увидеть их работу, застать кукловодов врасплох за их мани-

пуляциями.

Первое, что ему нужно сделать, — это бежать из этого сумасшедшего дома, но так искусно, чтобы они не увидели, не поймали его, не имели возможности помешать ему. Это будет нелегко. Но он должен превзойти их в проницательности и прозорливости.

Решив раз и навсегда бежать, он целый вечер обдумывал, как ему осуществить свой замысел. Тот казался почти невыполнимым: убежать, не будучи замеченным.

И скрыться в надежном месте. Они должны потерять его след, чтобы никогда уже не знать, куда направить против него свой удар. У него несколько дней не будет еды. Ничего, без этого он проживет. Но он ни в коем случае не должен дать им шанс разгадать его планы.

Дважды промигал свет. Он послушно встал и начал готовиться ко сну. Когда Джо заглянул в глазок, он уже был в постели лицом к стене.

Блаженство! Какое блаженство вокруг! Он наедине с самим собой, слышит музыку, исходящую из каждой клеточки его существа, как это всегда было и будет. Ему приятно осознавать себя частью живого, всего того, что участвует в нем самом и в чем непременно участвует он. И

только одна неприятная мысль — он не помнит подробностей, — но вот и она ушла, вернее, ее никогда и не было, для нее просто не было места.

Ранним утром из соседней палаты в его скованное сном тело проникли звуки, которые стали ему уже знакомыми и обычно напоминали о том, где он находится. Но в этот раз пробуждение было столь безмятежным, что он не сразу вспомнил все то, что ему пришлось пережить. Он тихо лежал улыбаясь, ощущая приятную неуклюжесть своего еще сонного тела. Он уже давно забыл это ощущение из-за вечной борьбы с ними. Что ж, теперь он знает тональность, в которой нужно играть, и быстро расставит все по своим местам. Он немедленно вызовет их и объявит свою новую позицию. Каким забавным будет выражение лица у старика Гларуна, когда он поймет, что текущий цикл их борьбы завершен.

Щелчок смотрового глазка и скрежет открывающейся двери раздробили цепь его мыслей. Вошел Джо, внес поднос с завтраком и поставил его на стол.

— Доброе утро, сэр. Сегодня чудесный день. Будете завтракать в постели или встанете?

Не отвечать! Не слушать! Не обращать внимания! Это часть их плана. Но поздно, слишком

поздно. Он почувствовал, как скользит, падает, низвергнутый из мира своей реальности в мир их обмана. Забыл, все забыл, и не за что зацепиться его памяти. Осталось только ощущение какой-то большой, разбивающей сердце потери и боль неосуществленного очищения.

— Оставь, я сам решу.

— Отлично. — Джо поспешил выйти, громко захлопнул дверь и шумно запер замок.

Он долго лежал, не двигаясь, чувствуя, как каждый нерв в его теле натянут до предела. Наконец он встал с кровати, все еще чувствуя себя глубоко несчастным, и начал концентрироваться на мысли о побеге. Но из-за того, что его так грубо вернули из мира его реальности в их мир, он не мог прийти в себя. В мыслях поселились сомнения — может, доктор был прав, когда говорил, что он не одинок в своей несчастной необходимости выбора? Может, он просто страдает паранойей и почему-то считает себя не таким, как все?

Неужели здесь, вокруг него, роятся в своем улье другие люди — беспомощные, слепые, безропотные, осужденные на вечное несчастное одиночество? Неужели сострадание, которое он вызывал у Элис, не что иное, как отражение ее внутренних мук, а не комедия, разыгранная в

соответствии с их планами?

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал он, не глядя. Их приходы и уходы уже безразличны ему.

— Дорогой, — медленно и неуверенно произнес такой знакомый голос.

— Элис! — Он немедленно встал и уставился на нее. — Кто разрешил тебе войти?

— Пожалуйста, милый, пожалуйста, я должна была увидеть тебя.

— Это несправедливо. Это несправедливо. — Он больше обращался к себе, чем к ней. И потом: — Зачем ты пришла?

Она встала перед ним, полная достоинства, чего он никак не ожидал. Красоту ее детского личика испортили морщины и тени под глазами, но оно горело какой-то удивительной отвагой.

— Я люблю тебя, — тихо сказала она. — Ты можешь выгнать меня, но ты не заставишь меня разлюбить тебя и бросить в беде.

Он отвернулся от нее, не зная, на что решиться. Неужели он действительно неправильно понимал ее? Неужели за этим барьером плоти и звуковых сигналов тот дух, который всегда стремился к нему? И то, что возлюбленные шепчут друг другу в темноте: «Ведь ты понимаешь меня,

правда?»

— Да, любимая, я понимаю.

— Тогда все, что происходит с нами, не имеет значения, пока мы вместе и понимаем друг друга. — Слова, слова, глухо отскакивающие рикошетом от стен…

Нет, он не мог ошибаться! Проверить ее снова!

— Почему ты удерживала меня на этой работе в Омахе?

— Я не удерживала тебя. Я просто говорила, что нужно хорошо подумать, прежде чем…

— Не важно, не важно. — Нежные руки и дорогое лицо, всегда с удивительным упорством направляющие его на путь, которому он не хотел следовать. Всегда с наилучшими намерениями, но так, чтобы он никогда не совершал неразумных поступков, которые он сам никогда не считал неразумными. Быстрее, быстрее, торопись и с ангельским лицом делай все так, чтобы ни на минуту не остановиться и не подумать самому.

— Почему ты не хотела, чтобы я поднялся наверх?

Она попыталась улыбнуться, хотя глаза ее уже наполнились слезами.

— Я не думала, что это имеет для тебя такое значение. Я не хотела, чтобы ушел наш поезд.

Это был незначительный эпизод. По какой-то причине, непонятной ему, он настаивал на том, чтобы пойти наверх в свой кабинет, когда они уже собирались отправиться на вокзал (они уезжали ненадолго в отпуск). Шел дождь, и она напомнила ему, что времени у них в обрез. Он удивил себя и ее, настаивая на том, что поднимется сейчас в свой кабинет. Он даже оттолкнул ее, когда она стала у него на пути. И даже тогда ничего бы не было, если бы он, тоже непонятно почему, не отодвинул штору на окне, выходящем на тыльную сторону дома. Очень сильный дождь шел на фасадной стороне, а здесь, с этого окна, погода была прекрасной, солнечной и никакого дождя.

Он долго стоял тогда у окна, глядя на солнечный свет и собираясь с мыслями. К нему вернулись все его старые подозрения — теперь прибавилось и это необъяснимое противоречие. Потом он обернулся и увидел, что она стоит возле него. С тех самых пор он все старался забыть выражение ее изумленного лица, когда он спросил:

— И как же дождь?

— Дождь? — повторила она слабым, удивленным голосом. — Да, шел дождь. Ну и что?

— Но в окне моего кабинета дождя не было.

— Что? Нет, он был. Я видела, как на мгновение солнце выглянуло из-за туч, ну и все.

— Ерунда!

— Но, милый, какое имеет отношение погода к тебе и ко мне? Какая разница — идет дождь или нет? — Она робко приблизилась к нему и взяла под руку. — Разве я ответственна за погоду?

— Думаю, что ты. Уходи, пожалуйста.

Она отошла от него, причесала вслепую волосы, проглотила слезы и решительно произнесла:

— Хорошо, я уйду. Но помни — ты можешь вернуться домой, если захочешь. И я буду ждать тебя. — Она заколебалась на мгновение и неуверенно сказала: — Может, ты поцелуешь меня на прощание?

Он никак не ответил ей — ни голосом, ни глазами. Она посмотрела на него, потом повернулась, неловко пошла к двери и исчезла за ней.

Существо, которое он знал под именем Элис, не меняя своего облика, вошло в комнату, где все они собрались.

— Нужно отказаться от этой программы. Я не в состоянии больше воздействовать на него.

Они ожидали этого, но все равно пришли в смятение. Гларун обратился к главному управляющему:

— Подготовиться к немедленному внедрению в избранную память воспоминаний о другой жизни.

Затем, повернувшись к главному исполнителю, Гларун сказал:

— Экстраполяция показывает, что в течение двух дней он совершит побег. И наша программа потерпела поражение из-за того, что вы не обеспечили тогда дождь не только с фасада, но и с тыльной стороны его дома. Впредь работайте более тщательно над выбором средств.

— Если бы мы понимали мотивы его поведения, нам было бы проще.

— В моей должности доктора Хейварда я часто думал об этом, — отпарировал Гларун, — но если бы мы понимали мотивы, мы стали бы частью его. Воскресите в памяти договор! Он и так почти вспомнил.

Существо, игравшее Элис, заговорило:

— Может, попробовать программу «Тадж-Махал»? Она ему почему-то нравится.

— Вы уже уподобляетесь ему!

— Может быть. Я не боюсь. Так что, попробуем?

— Посмотрим.

Гларун продолжал отдавать команды:

— Держите структуры наготове до изменения программы. Нью-Йорк и Гарвардский университет уже не нужны. Начинайте очистку памяти.

Вперед!

В скрюченном домишке

Во всем мире американцы слывут чокнутыми. Обычно они даже не спорят с этим — ну, может, уточнят, что очагом инфекции является Калифорния.

Калифорнийцы же твердо убеждены в том, что своей дурной репутацией они обязаны исключительно обитателям округа Лос-Анджелес. Житель Лос-Анджелеса, если на него надавить, упрек примет, однако поспешит объяснить: «Это все Голливуд. Мы не виноваты — мы его не строили. Он как-то сам вырос».

Голливудцы безумия своего не стыдятся — для них оно предмет гордости. Если проявите интерес, вас свозят в Лорел-Каньон — «здесь мы держим самых буйных». Каньонитяне — женщины с загорелыми ногами и мужчины в шортах — бесконечно строят и перестраивают свои экстравагантные коттеджи, и с легким презрением относятся к занудам, что ютятся в многоквартирниках, и свято верят, что на всем белом свете только они знают, как надо жить.

Лукаут-Маунтин-авеню — так называется

извилистое ущелье, ответвляющееся от Лорел-Каньона. Другие каньонитяне не любят о нем упоминать — в конце концов, даже у безумия должны быть границы.

В конце Лукаут-Маунтин-авеню, в доме номер 8775, через улицу от лачуги Отшельника — настоящего голливудского отшельника[33] — жил Квинтус Тил, дипломированный архитектор.

На юге Калифорнии даже архитектура не от мира сего. Взять хотя бы киоски для торговли хот-догами, которые называются «Щенок» и выглядят соответствующе. За мороженым надо идти к гигантскому гипсовому рожку, а неоновая вывеска «Возьми в привычку миску чили» сияет на крыше постройки, где, конечно же, эти самые миски вас дожидаются. Бензином, моторным маслом и бесплатной автодорожной картой можно разжиться под крыльями трехмоторного транспортного самолета, который, между прочим, является сертифицированной гостиницей с

---

[33] Примечания: 33

В окрестностях Голливуда издавна селились многочисленные отшельники — как обычные религиозные аскеты, так и эксцентричные личности, в том числе бывшие кинозвезды, уставшие от славы. Из «звездных» голливудских отшельников наиболее известен бывший актер немого кино Питер Ховард. В Лорел-Каньоне жил Гарри Херрман по прозвищу Херрман Хермит (т. е. Отшельник), имевший внешность библейского старца и любивший целыми днями гулять в одних шортах по Голливуду.

персоналом, ежечасно навязывающим сервис гостям. Туристов подобные диковинки восхищают и забавляют, а для местных жителей, разгуливающих с непокрытой головой на знаменитом калифорнийском солнцепеке, все эти изыски в порядке вещей.

Но не для Квинтуса Тила. Своих коллег по архитектуре он не уважал, считая их несмелыми и неумелыми ремесленниками.

— Что такое дом? — задал он однажды вопрос другу.

— Дом? — с опаской переспросил Хомер Бейли. — Я всегда считал, что это прежде всего укрытие от дождя.

— Какая чушь?! Да ты ничем не лучше их всех!

— Я не сказал, что это исчерпывающее определение…

— Исчерпывающее?! Оно и близко не лежало! С таким взглядом на проблему мы могли бы до сих пор сидеть на корточках в пещерах. Но ты, конечно, не виноват, — великодушно оговорился Тил. — Ты ведь даже не один из болванов, называющих себя архитекторами. Возьмем модернистов — какой от них прок? Ну отреклись от стиля «свадебный торт» ради стиля «автозаправка», вместо глазированных пряников у них теперь

всюду хромированная сталь, но в душе они остались консервативными и косными, как сельский судья. Нойтра![34] Шиндлер![35] Что дали миру эти никчёмы? Что есть у Фрэнка Ллойда Райта[36], чего нет у меня?

— Заказы, — кратко ответил друг.

— А? Что… что ты сказал? — Тил слегка запнулся, но растерянность продлилась лишь миг. — Ты прав, заказов мне не дают. А почему? Да потому, что для меня дом — нечто большее, чем меблированная пещера. Дом — это машина для обеспечения жизни, это динамичный живой организм, меняющийся вместе с настроением хозяина, а не громадный статичный гроб без души. Зачем нам держаться за косные концепции предков? Любой остолоп, хоть чуть-чуть смыслящий в начертательной геометрии, способен спроекти-

---

[34] Примечания: 34

Рихард Йозеф Нойтра (1892–1970) — американский архитектор, родившийся в Австрии, один из родоначальников модернизма и международного стиля.

[35] Примечания: 35

Рудольф Михаэль Шиндлер (1887–1953) — также американский архитектор австрийского происхождения, сотрудник и соперник Нойтры. В то время как Нойтра строил здания на стальном каркасе, Шиндлер предпочитал использовать железобетон.

[36] Примечания: 36

Фрэнк Ллойд Райт (1867–1959) — один из самых успешных американских архитекторов, создатель стиля «органическая архитектура».

ровать традиционный дом. Но ведь статическая евклидова геометрия — это далеко не вся математика! А как быть с теорией Пикара — Вессио?[37] Делать вид, что ее не существует? Модульные системы тоже игнорировать? Не говоря уже о перспективах, которые перед нами открывает стереохимия? Разве не найдется в архитектуре места трансформациям, гомоморфизму и динамическим структурам?

— Да будь я проклят, если знаю, — ответил Бейли. — С таким же успехом ты можешь спросить, как я себе представляю четвертое измерение.

— И спрошу! Зачем нам ограничиваться… Стоп! — прервал себя на полуслове Тил и уставился в пустоту. — Хомер, кажется, есть идея. Ну а почему бы и нет? Для архитектурного членения, для соотношения размеров четвертое измерение открывает бесконечные возможности. Вот это будет дом! — Он стоял, будто окаменев, лишь задумчиво моргал светлыми глазами навыкате.

Бейли потеребил его за плечо:

— Очнись. Какое еще четвертое измерение, о чем ты говоришь? Четвертое измерение — это

---

[37] Примечания: 37

Эрнест Вессио (1865–1952) и *Шарль Эмиль Пикар* (1856–1941) — французские математики, создатели параметрической теории для семейств линейных дифференциальных уравнений.

время. Гвозди в него не забьешь.

Тил стряхнул его руку.

— Конечно, конечно. Время — четвертое измерение. Но я имею в виду пространственное четвертое измерение, вдобавок к длине, ширине и толщине. Для экономии материалов, для оптимального конфигурирования ничего лучше не придумать. А застраиваемая площадь? Да на участке, занимаемом однокомнатным жилищем, поместится восьмикомнатное! Как тессеракт…

— Что еще за тессеракт?

— Да ходил ли ты в школу? Тессеракт — это гиперкуб, многогранник с квадратными гранями, имеющий четыре измерения, тогда как у куба их три, а у квадрата два. Сейчас покажу.

Тил сбегал на кухню за пачкой зубочисток, рассыпал их на столе, небрежно отодвинув стаканы и почти пустую бутылку голландского джина.

— Еще нужен пластилин. На прошлой неделе вроде был. — Он порылся в ящике письменного стола, занимавшего угол его столовой и заваленного всякой всячиной, и добыл ком маслянистого скульптурного пластилина.

— Что ты затеял?

— Сейчас покажу. — Тил торопливо отщипывал вязкие кусочки и катал их в шарики размером с

горошину. Четыре шарика соединил зубочистками. — Вот! Это квадрат.

— Вижу, что квадрат.

— Еще такой же. И еще четыре зубочистки. Теперь у нас есть куб.

Зубочистки, удерживаемые пластилином, образовали многогранник, куб.

— Делаем второй куб, такой же, как первый, и вместе они составят две стороны тессеракта.

Бейли взялся лепить шарики для второго куба, но сразу отвлекся — очень уж приятно было мять в пальцах податливую массу.

— Смотри, — показал он получившуюся фигурку, — Джипси Роуз Ли[38].

— Больше на Гаргантюа смахивает. Узнает Джипси — в суд на тебя подаст. А теперь внимание! Раскрываем с угла первый куб, вводим в отверстие второй и снова скрепляем зубочистки пластилином. Берем еще восемь зубочисток и соединяем нижнюю грань первого куба с нижней гранью второго, наискось, вот так. То же и с верхними гранями. — Все это Тил проделал быстро, пока объяснял.

---

[38] Примечания: 38

Джипси Роуз Ли — сценический псевдоним Роуз Луис Ховик (1911–1970), американской актрисы и писательницы, одной из основоположниц театрализованного кабаре.

— И что получилось? — с подозрением спросил Бейли.

— Тессеракт. Восемь кубов образуют стороны гиперкуба в четырех измерениях.

— Больше похоже на «кошачью колыбельку»[39]. Я тут вижу только два куба. Где еще шесть?

— Напряги воображение, дружище. Соедини верх первого куба с верхом второго — это и будет куб номер три. Теперь соедини два нижних квадрата, передние грани обоих кубов, правые и левые, — вот и получишь восемь. — Говоря, Тил показывал.

— Ага, вижу. Но все равно это не кубы, а как бишь их… призмы. У них бока скошены.

— Это только в перспективе — так, как ты их видишь. Если нарисовать куб на бумаге, боковые грани будут расположены косо, верно? Таков эффект перспективы. И когда мы смотрим на четырехмерную фигуру в трех измерениях, она, разумеется, выглядит скошенной. Но все равно состоит из одних кубов.

— Для тебя — возможно, а по мне, так это призмы.

---

[39] Примечания: 39

«Кошачья колыбелька» — пальчиковая игра с нитью или бечевкой.

Тил продолжал, не отреагировав на возражение:

— А теперь представь, что это каркас восьмикомнатного дома. Одно помещение на первом этаже — мастерская, кладовая, гараж. На втором шесть комнат: гостиная, столовая, ванная, спальни и так далее. А наверху, совершенно уединенный, с окнами во все стороны, твой кабинет. Каково!

— Ага, и в гостиной с потолка свисает ванна. Не дом, а осьминог с переплетенными щупальцами.

— Только в перспективе! Только в перспективе! Ладно, покажу по-другому, чтобы ты понял.

На этот раз Тил соорудил куб из зубочисток, второй — из половинок зубочисток и поместил второй точно в середину первого, соединив вершины большего многогранника с вершинами меньшего короткими палочками.

— Вот так. Внешний куб — это первый этаж, меньший, внутренний — твой кабинет на последнем этаже. Шесть соединяющих их кубов — жилые комнаты. Понятно?

Бейли внимательно рассмотрел конструкцию и отрицательно покачал головой.

— Я по-прежнему вижу только два куба, большой и маленький. Остальные шесть фигур теперь

похожи не на призмы, а на пирамиды, но это все равно не кубы.

— Перспектива! Ты их видишь в другой перспективе. Что тут непонятного?

— Ну, допустим. Но комната, которая внутри, со всех сторон окружена этими не-пойми-чем… А ты вроде говорил, что у нее будут четыре окна.

— Так и есть. Она только кажется окруженной. И это главное преимущество дома-тессеракта: каждая стена одной стороной обращена наружу, притом что она разделяет два помещения. Благодаря этому эффекту восьмикомнатному дому достаточно фундамента для однокомнатного. Настоящая революция!

— И это еще мягко сказано. Приятель, ты рехнулся. Такой дом построить невозможно. Внутренняя комната находится внутри; там она и останется.

Тил посмотрел на друга, сдерживая раздражение.

— Это по вине таких, как ты, архитектура застряла в младенчестве. Сколько у куба сторон?

— Шесть.

— И сколько из них внутри?

— Гм… Ни одной. Все снаружи.

— Отлично. А теперь слушай. У тессеракта

восемь кубических сторон, и они все снаружи! Смотри внимательно. Я разложу тессеракт, как раскладывают картонную коробку на столе. И ты увидишь все восемь кубов.

Тил очень быстро соорудил четыре куба, выстроил из них неустойчивую башенку. Затем прилепил четыре куба к граням второго снизу. Сооружение слегка перекосилось из-за слабости пластилиновых креплений, но устояло. Указав на перевернутый крест, точнее, на двойной крест с перекладинами, направленными в разные стороны, Тил спросил:

— Ну, теперь видишь? Внизу первый этаж, выше — шесть жилых комнат, а наверху — твой кабинет.

Бейли рассмотрел конструкцию, и его тон чуть смягчился:

— Ну, теперь хотя бы понятно. Говоришь, это тоже тессеракт?

— Тессеракт, развернутый в трех измерениях. Чтобы вернуть его в прежнее состояние, нужно верхний куб опустить в нижний, при этом боковые внешние станут боковыми внутренними. Конечно, делать это нужно в четвертом измерении. Нельзя допустить, чтобы кубы исказились или сложились друг в друга.

Бейли долго вглядывался в хлипкий каркас.

— Вот что, — заговорил он наконец, — почему бы тебе не отказаться от идеи складывать эту штуку в четвертом измерении — все равно же не сможешь — и не построить вот такой дом?

— Что значит — не смогу? Простенькая математическая задача…

— Ну-ну, не спеши. Математика тут, может, и несложная, но твой проект уж точно не пройдет экспертизу. Не существует четвертого измерения, забудь о нем. А вот дом такой конструкции, пожалуй, имел бы некоторые преимущества.

Тил, слегка охолонув, вгляделся в модель.

— Гм… Возможно, ты кое в чем прав. Комнат может быть столько же, такая же экономия земли под застройку. Крестовый этаж сориентировать на северо-восток, юго-запад и так далее, чтобы в течение дня каждое помещение получало свою долю солнца. Вдоль продольной оси пустить трубу центрального отопления — очень удобно… Столовая — на северо-востоке, кухня — на юго-востоке; в каждой комнате большие панорамные окна. Да, Хомер, я построю тебе такой дом. Только укажи место.

— Минуточку! Минуточку! Я не говорил, что мой дом будешь строить ты!

— Конечно, его буду строить я. А кто же еще? Твоя жена хочет обновить жилище. Вот вам и решение.

— Но миссис Бейли нравится георгианский стиль…

— Это просто один из вариантов. Женщины никогда не знают, чего им на самом деле хочется.

— Миссис Бейли знает.

— Ну подкинул ей эту идею какой-то ретроград, и что с того? Твоя жена водит новую машину, так? Одевается по последней моде, верно? Зачем же ей жить в восемнадцатом веке? А мой дом будет даже посовременней, чем модель авто этого года, — он, считай, из неблизкого будущего. Да о миссис Бейли весь город заговорит!

— Ладно, посоветуюсь с ней.

— Ни в коем случае! Мы ей преподнесем сюрприз. Давай-ка еще по стаканчику.

— Ничего пока не решено. И к тому же мы с миссис Бейли завтра едем в Бейкерсфилд — наша компания вводит в действие пару скважин.

— Чепуха! Это как раз отличная возможность. Вернетесь — и тут подарочек для твоей жены. Можешь прямо сейчас выписать мне чек и считай, что дело в шляпе.

— Не посоветовавшись с миссис Бейли, я на

такое не пойду. Иначе ей дом не понравится.

— Скажи, кто в вашей семье носит штаны?

Когда вторая бутылка опустела наполовину, чек был подписан.

В Южной Калифорнии дела делаются быстро. Обычный дом строится за месяц. Погоняемые и критикуемые охваченным энтузиазмом Тилом, рабочие соорудили головокружительную башню даже не за недели, а за считаные дни. Из башни торчали перекладины креста, ориентированные на четвертные румбы. Из-за этого этажа возникли трения с инспекторами, но крепкие балки и мягкие купюры убедили чиновников в безупречности инженерного решения.

Как и было договорено, Тил подъехал к дому супругов Бейли на следующее утро после их возвращения. Сыграл что-то вроде мотивчика на двухтональном клаксоне. Друг высунул голову из входной двери.

— Почему бы не воспользоваться звонком?

— Только время терять, — весело ответил Тил. — А я человек действия. Миссис Бейли готова? Здравствуйте, миссис Бейли. С возвращением, с возвращением! Садитесь в машину, мы для вас приготовили сюрприз.

— Ты же знаешь Тила, дорогая, — вставил охва-

ченный неловкостью Бейли.

— Да, я знаю Тила! — фыркнула миссис Бейли. — Поэтому, Хомер Бейли, мы поедем на нашей машине.

— Разумеется, дорогая.

— Вот и славно, — согласился Тил. — Она помощнее моей, так что доберемся быстрее. Я поведу — я знаю дорогу.

Он выхватил у Бейли ключи, скользнул на водительское сиденье и завел двигатель, не дав миссис Бейли опомниться.

— Не беспокойтесь, вожу я мастерски, — уверил ее Тил, повернув голову как раз в тот момент, когда разогнавшийся автомобиль сворачивал с авеню на бульвар Сансет. — Энергия и власть над ней, динамические процессы — моя родная стихия. У меня еще не было серьезных аварий.

— Вот пусть и дальше не будет, — резко произнесла женщина. — Ради бога, следи за дорогой.

Тил хотел было объяснить, что контроль за дорожной ситуацией не сводится к визуальному, что это интуитивная комплексная оценка направлений, скоростей и вероятностей, но Бейли не дал ему рта раскрыть:

— Квинтус, где дом?

— Дом? — вскинулась миссис Бейли. — Что еще

за дом, Хомер? Ты что-то затеял и мне не сказал?

Тил напряг до отказа свои дипломатические способности.

— Да, миссис Бейли, это дом. И какой дом! Сюрприз от вашего любящего мужа. Подождите, осталось совсем немного…

— Подожду, — мрачно согласилась женщина. — В каком он стиле?

— Этот дом — начало оригинального стиля. Он современнее телевидения, новее завтрашнего дня. Чтобы оценить по достоинству, надо его увидеть. Между прочим, — перешел Тил на скороговорку, опережая возражения, — ночью было землетрясение. Вы заметили?

— Землетрясение? Какое землетрясение? Хомер, разве было землетрясение?

— Совсем слабенькое, — продолжал Тил. — В два часа. Я бы и сам не обратил внимания, если бы спал.

— Что за ужасный штат! — содрогнулась миссис Бейли. — Хомер, ты слышал? Мы могли погибнуть, лежа в постели, и даже не успели бы ничего понять. Зря я поддалась на твои уговоры и переехала сюда из Айовы.

— Но, дорогая, — предпринял ее муж безнадежную попытку оправдаться, — ты же сама мечтала

о Калифорнии! Тебе не нравился Де-Мойн.

— Давай не будем, — жестко пресекла возражения миссис Бейли. — Ты мужчина, ты должен предвидеть такие вещи. Землетрясение! Какой ужас!

— Что-что, а землетрясения, миссис Бейли, вашему новому дому не опасны, — сказал Тил. — Он абсолютно сейсмоустойчив. Каждая его часть находится в идеальном динамическом равновесии со всеми другими.

— Надеюсь, что это так. И где же дом?

— Сразу за поворотом. Там поставлен указатель.

Указатель был из тех, что так нравятся торговцам недвижимостью: большой, в виде стрелки. А буквы на нем, слишком крупные и яркие даже для Южной Калифорнии, гласили:

ДОМ БУДУЩЕГО!!!

Колоссальный! Изумительный! Революционный!

Смотрите, как будут жить ваши внуки!

К. Тил, архитектор

— Конечно, это будет убрано, как только вы здесь поселитесь, — пообещал Тил, увидев в зер-

кале гримасу на лице пассажирки.

Он свернул за угол и с визгом тормозов остановил машину перед «домом будущего».

— Вуаля! — И застыл, следя за выражением лиц.

Бейли смотрел на постройку недоверчиво, миссис Бейли — с явным недовольством. Они видели лишь огромный кубический блок, с дверями и окнами, но без иных архитектурных деталей, если не считать чего-то вроде росписи — загадочных математических символов.

— Тил, — медленно произнес Бейли, — как это понимать?

Тил перевел взгляд с лиц на дом. Где же революционная башня с торчащими из нее комнатами второго этажа? Семь комнат исчезли бесследно, осталась лишь та, что опирается на фундамент.

— Тысяча чертей! — вскричал он. — Украли!

И кинулся к дому.

Но это ничего не дало. Спереди, сзади — везде одно и то же: нет семи комнат, как в воду канули. Бейли догнал друга, схватил за руку.

— Сейчас же объяснись! Что значит — украли? Зачем ты это построил? Мы так не договаривались.

— Я этого не строил! Я построил в точности то,

что мы запланировали, восьмикомнатный дом в виде развернутого тессеракта. Диверсия, вот что это такое! Конкуренты, архитекторы из нашего города, сорвали мой заказ! Они знали: если у меня получится, им крышка.

— Когда ты здесь был в последний раз?

— Вчера вечером.

— И все было в порядке?

— Да. Ландшафники уже заканчивали работу.

Бейли окинул взглядом безупречный приусадебный участок.

— Семь комнат разобрали и вывезли за ночь, не оставив ни следа на лужайке? Да разве такое возможно?

Тил тоже осмотрелся:

— Да, не похоже. Ничего не понимаю…

Подошла миссис Бейли.

— Эй, эй! А я что же, должна сама себя развлекать? Ладно, раз уж мы здесь, давайте осмотрим дом, но только сразу предупреждаю, Хомер: мне он не понравится.

— Боюсь, что и нам тоже, — признал Тил, доставая из кармана ключ от входной двери. — Может, там остались какие-нибудь улики.

Прихожую они нашли в идеальном состоянии. Раздвижные двери, отделявшие ее от гаража, бы-

ли открыты, позволяя увидеть все помещение.

— Тут вроде порядок, — заключил Бейли. — Давайте поднимемся на крышу, попробуем выяснить, что произошло. А где лестница? Ее тоже стащили?

— Нет-нет, — ответил Тил. — Смотри.

Он нажал на кнопку под выключателем освещения. В потолке раскрылся люк, бесшумно опустилась легкая изящная лестница, с серебристыми дюралюминиевыми косоурами, со ступеньками и перилами из прозрачного пластика. Тил аж запрыгал, как мальчишка, которому удался карточный фокус, а миссис Бейли заметно оттаяла.

— Симпатичная штучка, — признал Бейли. — Но что толку, если она никуда не ведет?

— А, ты об этом, — проследил за его взглядом Тил. — Когда приблизимся к потолку, там откроется люк. Лестничные колодцы — анахронизм. Идем.

Они поднялись. Как и обещал Тил, люк перед ними раскрылся, позволяя выйти на… нет, вопреки их ожиданиям, не на перекрытие единственной комнаты. Они оказались посреди одной из пяти комнат, составлявших второй этаж первоначального здания.

Наверное, впервые в жизни у Тила отнялся язык. Бейли тоже молчал, нервно жуя сигару. Здесь царил идеальный порядок. Впереди за прозрачной перегородкой с открытой дверью — кухня, просто мечта кулинара: новейшая бытовая техника, монель-металл, длиннющая стойка, скрытое освещение, функциональная компоновка. Слева — столовая, без излишеств, но уютная и гостеприимная; мебель в полной готовности к приему гостей.

Еще не повернув головы, Тил понял, что и гостиная, и комната отдыха пребывают в столь же материальном, сколь и невероятном состоянии.

— Вынуждена признать, что здесь довольно мило, — одобрила миссис Бейли. — А кухня даже выше всяких похвал. Правда, подкачал экстерьер — я бы ни за что не догадалась, что на втором этаже столько комнат. Конечно, надо кое-что поправить. Секретер передвинем сюда, а диван…

— Матильда, помолчи, — резко оборвал ее Бейли. — Тил, я требую объяснений!

— Хомер Бейли, что не так? По-моему, сама идея неплоха…

— Я сказал, помолчи! Тил, я слушаю.

Архитектор растерянно пожал тощими плечами.

— Не знаю, что и сказать. Давайте поднимемся наверх.

— Как?

— А вот так. — Тил нажал на кнопку, более темную близняшку той, что позволила им совершить волшебное восхождение на второй этаж.

Мужчины полезли вверх, за ними последовала рассуждающая вслух миссис Бейли. Они очутились в хозяйской спальне. Окна там были зашторены, как и этажом ниже, но автоматически включились лампы рассеянного света. Тил немедленно запустил механизм очередного лестничного марша, и все трое поспешили взобраться на последний этаж.

— Тил, как думаешь, — спросил Бейли, когда они перевели дух, — мы отсюда можем выбраться на крышу? Чтобы осмотреться?

— Конечно. Там оборудована обзорная площадка.

Они поднялись по четвертой лестнице, но после того, как над ними раскрылся люк, оказались не на крыше, а на первом этаже, с которого начали свое путешествие по дому.

Кожа у мистера Бейли приобрела нездоровый серый оттенок.

— Боже святый! — вскричал он. — Это место

заколдовано! Бежим отсюда!

Он схватил за руку жену и ринулся в открытую дверь.

Тил был слишком занят, чтобы обратить внимание на бегство супругов Бейли. Он получил наконец разгадку — разгадку, в которую невозможно поверить. Но его размышления были прерваны хриплыми криками, доносившимися откуда-то сверху. Архитектор опустил лестницу и взбежал по ней.

В центральной комнате он обнаружил миссис Бейли, лежащую в обмороке, и склонившегося над ней мужа. Оценив ситуацию, Тил прошел в комнату отдыха, взял бутылку бренди из бара и налил в стакан на три пальца.

— Держи, — сказал он другу. — Это приведет ее в чувство.

Бейли схватил стакан и осушил единым духом.

— Это же для миссис Бейли, — упрекнул Тил.

— Не придирайся, — буркнул Бейли. — Налей и для нее.

Тил решил, что ему и самому бренди пойдет на пользу, а затем вернулся с порцией для жены клиента. Она уже успела открыть глаза.

— Держите, миссис Бейли, — мягко произнес он. — Вам сразу полегчает.

— Спиртное?! Да я к нему сроду не прикасаюсь! — запротестовала она и выпила все до капли.

— А теперь расскажите, что случилось, — попросил Тил. — Вы вроде хотели выйти из дома?

— Да, пытались — через входную дверь. И очутились на этом этаже, в комнате отдыха.

— Что за чертовщина? Гм… Минуточку…

Тил вернулся в комнату отдыха, подошел к раскрытому панорамному окну, осторожно выглянул. И увидел не калифорнийскую сельскую местность, а комнату на первом этаже. Или ее довольно точную копию. Ничего не сказав, он приблизился к лестничному люку, который оставил открытым, и посмотрел вниз. Убедился, что комната первого этажа на своем месте. Значит, каким-то загадочным образом она находится одновременно в двух разных местах, на разных уровнях.

Он возвратился в центральную комнату и расположился напротив Бейли в низком и глубоком кресле, воззрился на друга по-над вздернутыми тощими коленями.

— Хомер, — бесстрастно заговорил Тил, — ты понял, что произошло?

— Нет, я ни черта не понял! И если не пойму

в самое ближайшее время, произойдет кое-что еще, и оно тебе совсем не понравится!

— Хомер, это доказательство моим теориям. Я построил настоящий тессеракт.

— О чем это он, Хомер?

— Подожди, Матильда! Тил, перестань валять дурака. К чему эти детские фокусы? Ты до смерти напугал миссис Бейли, меня заставил нервничать. Хватит ловушек и розыгрышей, просто выпусти нас отсюда.

— Хомер, говори за себя, — вмешалась миссис Бейли. — Я не испугалась, просто мне в какой-то момент происходящее показалось очень странным. У меня сердце слабое; в моем роду все слишком нежные и чувствительные. А теперь, Тил, давай поподробней об этом твоем тиси… или как там его. Я слушаю.

Архитектор худо-бедно изложил принципы, по которым он строил дом. Мог бы объяснить и получше, если бы его не прерывали ежеминутно.

— Напрашивается вывод, миссис Бейли, — заключил он, — что дом, будучи абсолютно стабилен в трех измерениях, оказался нестабилен в четвертом. Изначально он имел форму развернутого тессеракта, но что-то вынудило его принять нормальную конфигурацию, то есть сложиться в

куб. — Тил вдруг щелкнул пальцами. — Я понял! Это землетрясение.

— Землетрясение?!

— Да-да, слабый толчок среди ночи, о котором я упоминал. С точки зрения четырех измерений этот дом был плоскостью, балансирующей на грани. Легчайшее воздействие — и плоскость прекратила существование, сложившись по своим естественным сгибам в устойчивую четырехмерную фигуру.

— А не ты ли хвастал, что этот дом будет абсолютно безопасным?

— И он безопасен… в трех измерениях.

— Я бы не назвал безопасным дом, — едко прокомментировал Бейли, — который рушится от малейшего сотрясения.

— Дружище, оглядись! — запротестовал Тил. — Здесь все цело, ни одно стеклышко не треснуло. Вращение в четвертом измерении крайне слабо затрагивает трехмерную фигуру. Когда газету складываешь, буквы с нее не осыпаются, верно? Если бы ты вчера лег здесь спать, то ночью даже не проснулся бы.

— Вот этого-то я и боюсь. Скажи-ка, не придумал ли твой гениальный ум, как нам выбраться из западни?

— Что? А, ты о том, что вы с миссис Бейли попытались выйти и очутились здесь… Уверен, это не проблема. Раз мы сумели войти, значит сумеем и выйти. Я попробую.

Еще не договорив, он вскочил и бегом спустился по лестнице. Распахнул входную дверь, шагнул за порог — и увидел перед собой супружескую пару в гостиной на втором этаже.

— Что ж, похоже, небольшая проблема все-таки есть, — деликатно признал Тил. — Впрочем, она чисто формальная, поскольку выбраться отсюда мы можем в любой момент. — Он раздвинул длинные шторы на огромном, во всю стену, французском окне.

И замер.

— Гм… — протянул Тил. — А вот это уже интересно… Весьма интересно, весьма…

— Ты о чем? — подошел к нему Бейли.

— Вот об этом.

Окно было обращено не наружу, а в столовую. Бейли вернулся в угол, где к комнате отдыха и столовой примыкала центральная комната.

— Такого просто не может быть, — заключил он. — Это окно в двенадцати, а может, даже в пятнадцати футах от столовой.

— В тессеракте — может, — возразил Тил. —

Смотри.

Сказано это было уже на ходу — архитектор растворил окно и шагнул в него. Для наблюдавшего из угла Бейли он просто исчез.

Но не для себя. Тилу понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в чувство. Затем он осторожно освободился от розового куста, вцепившегося в него, как жених в невесту, дал себе слово больше никогда не приобретать для приусадебного участка растений с шипами и огляделся.

Он находился снаружи. Рядом торчал из земли массивный блок первого этажа. Очевидно, Тил упал с крыши.

Он забежал за угол, распахнул дверь, взлетел по лестнице.

— Хомер! Миссис Бейли! Я нашел выход!

Бейли встретил его скорее раздраженно, чем радостно.

— Что это с тобой?

— Свалился. И очутился снаружи. Это совсем просто, надо лишь пройти через французское окно. Правда, там розовый куст… Но ничего, пристроим лестницу.

— А как ты вошел?

— Через входную дверь.

— Значит, и выйти можно через нее. Пойдем,

дорогая.

Бейли поглубже натянул шляпу, взял жену под руку и направился к лестнице.

Тил встретил их в комнате отдыха.

— Говорил же, не получится, — сказал он. — А теперь послушайте. Мне это представляется так: четырехмерная фигура трехмерного человека имеет две возможности пересечь линию соприкосновения, такую как стена или порог. В обычном случае он в четырехмерном пространстве совершит поворот на девяносто градусов, но даже не почувствует этого по причине своей трехмерности. Смотрите. — Тил вышел через то же окно, из которого недавно выпал, и появился, не прекращая объяснения, в столовой.

— Я запомнил, где проходил, и оказался там, где и хотел оказаться. — Тил перешел в комнату отдыха. — А еще раньше не смотрел, куда иду, и двигался в нормальном пространстве, вот и выпал из окна. Похоже, тут работает подсознательное ориентирование.

— То есть, выходя за утренней газетой, я буду зависеть от подсознательного ориентирования? Что-то мне эта перспектива совсем не нравится.

— Не беспокойся, привычка сложится быстро. А сейчас давайте попробуем выйти… Миссис Бей-

ли, если вы встанете спиной к окну и прыгнете назад, то наверняка приземлитесь в саду.

У миссис Бейли на лице со всей четкостью отразилось мнение о Тиле и его идеях.

— Хомер Бейли! — визгливо обратилась она к мужу. — Ты так и будешь стоять и терпеть эти возмутительные…

— Миссис Бейли, — попытался объяснить Тил, — мы вас обвяжем веревкой и аккуратно спустим…

— Прекрати, — раздраженно оборвал его Бейли. — Миссис Бейли не в той форме, чтобы прыгать, да и я тоже. Нужно найти другой способ.

Тил пришел в замешательство. Возникла пауза. Ее нарушил Бейли:

— Тил, ты слышишь?

— Что?

— Голос! Где-то неподалеку. В доме может быть кто-нибудь еще? Не он ли с нами шутки шутит?

— Это невозможно. Ключ только у меня.

— Но я тоже слышу голоса, — поддержала мужа миссис Бейли. — С того момента, когда мы вошли. Хомер, я больше не выдержу. Сделай же что-нибудь!

— Ну что вы, миссис Бейли, — попытался ее успокоить Тил, — не надо волноваться. В доме

нет никого, кроме нас, но я, конечно же, проверю. Хомер, оставайся с миссис Бейли и присматривай за комнатами на этом этаже.

Тил переместился из комнаты отдыха на первый этаж, оттуда на кухню, затем в спальню и вернулся в комнату отдыха. Маршрут получился прямым — архитектор шел только вперед.

— Никого, — сообщил он. — Я по пути открыл все двери и расшторил все окна, кроме этого.

Тил подошел к окну, расположенному напротив того, из которого он недавно выпал, и раздвинул шторы.

И увидел мужчину, через четыре комнаты стоявшего к нему спиной. Тил распахнул французское окно и ринулся в него, крича:

— Да вот же он! Стой, ворюга!

Человек, несомненно, услышал — он тотчас дал деру. Тил пустился в погоню; вовсю работая узловатыми конечностями, он бежал через гостиную, кухню, столовую, комнату отдыха… Но как он ни старался, его отделяло от преследуемого все то же расстояние в четыре комнаты.

Наконец чужак неуклюже, но решительно перепрыгнул через низкий подоконник французского окна; при этом с его головы слетела шляпа. Тил подобрал ее, радуясь поводу остановиться и

перевести дух. Он вернулся в комнату отдыха.

— Похоже, сбежал. Но теперь у нас его шляпа — может, удастся опознать.

Бейли взял шляпу, осмотрел, фыркнул и нахлобучил ее Тилу на голову. Села как влитая. Опешивший архитектор снял ее и осмотрел. На внутренней ленте обнаружились инициалы К. Т.

Постепенно на его лице проявилось понимание. Он вернулся к французскому окну и посмотрел на череду комнат, в которых преследовал таинственного незнакомца. И вдруг замахал руками, как матрос-сигнальщик.

— Что ты делаешь? — спросил Бейли.

— Иди сюда, увидишь.

Супруги подошли и проследили за взглядом Тила. Через четыре комнаты они увидели трех человек, стоящих к ним спиной, — двух мужчин и женщину. Самый высокий и худой из этой троицы нелепо семафорил руками.

Миссис Бейли ахнула и упала в обморок.

Через несколько минут, когда миссис Бейли ожила и слегка успокоилась, ее муж и Тил подбили бабки.

— Тил, — сказал Бейли, — выяснять нам с тобой отношения — только время зря терять. От упреков толку не будет, да и знаю я, что не замышлял

ты ничего плохого. Но надеюсь, ты понимаешь, насколько серьезна ситуация. Как нам выбраться отсюда? Похоже, что никак — будем тут сидеть, пока с голоду не помрем. Из любой комнаты можно выйти только в другую комнату.

— Что ты! Все не так уж плохо. Знаешь же, мне разок удалось выбраться.

— Да, но не удалось повторить, хоть ты и пытался.

— Однако мы не все комнаты проверили. Еще есть кабинет.

— Ах да, кабинет. Мы там побывали, когда только вошли в дом, и не задержались. Ты что, предлагаешь выбираться из его окон?

— Не теряй надежду. Математически его окна должны выходить на четыре боковые комнаты этого этажа. Но мы не раздвигали там шторы. Думаю, надо проверить.

— С нас не убудет, если проверим. Дорогая, ты лучше подожди нас здесь, отдохни…

— Остаться в этом кошмаре одной? Ну уж дудки! — Миссис Бейли как ужаленная соскочила с дивана.

— Тил, это ведь внутренняя комната? — осведомился Бейли, когда они миновали хозяйскую спальню и поднялись в кабинет. — В смысле, тот

меньший куб из твоей модели, что находился посреди большего куба, окруженный со всех сторон?

— Верно, — подтвердил Тил. — Ну что ж, давайте посмотрим. По моим прикидкам это окно должно выходить в кухню. — Он потянул за бечевки подъемных жалюзи.

Окно выходило не в кухню. Страх высоты, как ударная волна, повалил всех троих на пол, заставил в поисках зацепок хвататься за узоры напольного покрытия.

— Закрой! — простонала миссис Бейли. — Закрой сейчас же!

Перебарывая атавистический ужас, Тил вернулся к окну и опустил жалюзи. Окно глядело не в сторону, а вниз, причем с чудовищной высоты.

Миссис Бейли снова лишилась чувств. Пока Тил спускался за бренди, муж массировал ей запястья.

Когда она очнулась, Тил осторожно подошел к окну, приоткрыл щелку, уперся в стену коленями и выглянул. Затем повернулся к Бейли.

— Хомер, взгляни-ка. Интересно, узнаешь ли?

— Хомер Бейли, держись от окна подальше!

— Матильда, перестань. Я не буду рисковать. — Бейли приблизился к другу и посмотрел в щель.

— Видишь? Это Крайслер-билдинг, точно. А вон там Ист-Ривер и Бруклин.

Прямо под ними уходила вниз вертикальная стена невероятно высокого здания. Не ближе чем в тысяче футов раскинулся игрушечный… нет, очень даже настоящий город.

— Насколько я понял, мы смотрим вдоль стены Эмпайр-стейт-билдинг, находясь чуть выше его шпиля.

— Это что, мираж?

— Вряд ли. Очень уж четко. Вероятно, здесь, в четвертом измерении, сложилось пространство, и мы глядим сквозь складку.

— То есть на самом деле мы этого не видим?

— Нет-нет, видим, конечно. Не возьмусь гадать, что будет, если мы выйдем через это окно, но мне и пробовать не хочется. Какой шикарный вид, а?! Давай посмотрим в другие окна.

К соседнему окну они приблизились со всей осторожностью — и правильно сделали, поскольку открывшееся зрелище еще сильнее сбивало с толку и ставило в тупик, чем вид с умопомрачительной высоты небоскреба. И пусть это был незамысловатый морской пейзаж, но на нем океан и синее небо поменялись местами.

И хотя в этот раз Тил и Бейли были готовы к шо-

ку, их едва не одолела морская болезнь при виде катящихся над головой валов. Они поспешили опустить жалюзи, не дав миссис Бейли шанса увидеть эту картину и вновь упасть в обморок.

Тил посмотрел на третье окно.

— Ну что, Хомер, рискнем?

— Хррумф… Ну да, иначе ведь не успокоимся. Только поаккуратней.

Тил раздвинул жалюзи на несколько дюймов. Ничего не увидев, раздвинул еще. Опять ничего. Он медленно тянул за бечевки, пока не раскрыл жалюзи почти полностью. А за окном все та же пустота. Какой цвет у пустоты? Что за дурацкий вопрос! А какая у нее форма? Форма — атрибут чего-то существующего. Здесь же — ни формы, ни глубины. Это даже не мгла. Это просто ничто.

Бейли смотрел, жуя сигару. Наконец спросил:

— Тил, что это, по-твоему?

Его другу впервые изменило хладнокровие.

— Не знаю, Хомер. Ей-богу, не знаю, но это окно, пожалуй, надо заделать. — Несколько секунд он молча смотрел на опущенные жалюзи. — Возможно, это отсутствие пространства. Мы заглянули за четырехмерный угол, а там вообще ничего нет. — Он потер глаза. — Аж голова разболелась.

Они долго не решались заняться четвертым

окном. Ведь оно, как невскрытый конверт, могло содержать плохие новости. Сомнение давало надежду. Но в конце концов нервы подуспокоились и Бейли взялся за бечевку, не слушая женины протесты.

Опасения не оправдались. Впереди расстилалась земля, причем нормально ориентированная и совсем рядом, как будто кабинет находится не на последнем, а на первом этаже. Правда, выглядел этот ландшафт очень даже недружелюбно.

С лимонного неба лилось испепеляющее солнце. Казалось, ровная земля выжжена до стерильности, ничто не способно выжить на этой выбеленной почве. И все же здесь была жизнь: диковинные корявые деревья тянули кверху узловатые кривые ветви. На периферии их бесформенных крон виднелись пучки шипастых листьев.

— Боже милостивый! — воскликнул Бейли. — Где это?

Тил озабоченно покачал головой:

— Ума не приложу.

— На Земле таких мест вроде нет. Может, другая планета? Марс?

— Чего? При чем тут Марс?

— Что, если это выход в совершенно иное про-

странство? Солнце не очень-то похоже на наше. Слишком оно яркое.

Миссис Бейли опасливо присоединилась к мужчинам у окна. Увидев диковинную картину, подавленно произнесла:

— Хомер, эти ужасные деревья пугают меня.

Муж успокаивающе погладил ее по руке. Тил завозился со шпингалетом.

— Что ты задумал? — встревожился Бейли.

— Может, узнаю побольше, если высуну голову из окна.

— Ладно, — неохотно согласился Бейли. — Только будь осторожен.

— Обязательно. — Тил приоткрыл окно и понюхал. — Ну, хоть воздух в порядке. — Он раскрыл окно шире.

Но прежде чем он успел приступить к выполнению своего плана, кое-что произошло. Дом вдруг содрогнулся, как при первом рвотном позыве. Дрожь продолжалась недолго и так же внезапно прекратилась.

— Землетрясение! — воскликнули все трое одновременно.

Миссис Бейли обвила руками мужнину шею. Тил судорожно сглотнул, борясь с паникой, и сказал:

— Не беспокойтесь, миссис Бейли, этот дом абсолютно надежен. Да и легкая тряска после ночного толчка в порядке вещей.

Едва он успел изобразить на лице уверенность, земля опять ожила. И это была уже не слабая вибрация, а мощный тошнотворный взбрык.

В любом калифорнийце, не важно, наивном от рождения или гениальном, коренится первобытный рефлекс. Землетрясение порождает душераздирающую клаустрофобию, которая заставляет человека сломя голову мчаться вон из дома. Подчиняясь этому рефлексу, образцовый бойскаут отшвырнет с дороги родную бабушку.

Тил и Бейли приземлились на миссис Бейли. А это означает, что она выпрыгнула из окна первой. Такой порядок эвакуации нельзя объяснить мужским благородством. Скорее всего, она была уже на низком старте.

Они опомнились, вытряхнули из глаз песок, огляделись. Поначалу обрадовались — все-таки это суша, пусть даже и песчаная пустыня. Затем кое-что увидели — и вскочили на ноги, а миссис Бейли вдобавок озвучила насущный вопрос:

— Где дом?

Он исчез. Причем бесследно. Они стояли посреди голой равнины, на которую несколько минут

назад смотрели из окна. Все те же корявые деревца, желтое небо и светило над головами, палящее почти невыносимо.

Бейли медленно огляделся, затем повернулся к архитектору и зловеще произнес:

— Тил, я жду объяснений.

Тот беспомощно пожал плечами.

— Хотел бы я их иметь. У меня даже нет уверенности, что мы на Земле.

— Что ж, здесь нам оставаться нельзя. В какую сторону пойдем?

— Да в любую, без разницы. Давайте ориентироваться по солнцу.

Они прошли неопределимое расстояние, и миссис Бейли потребовала передышки. Тил отвел Бейли в сторонку и спросил:

— У тебя есть идеи?

— У меня? Никаких. Э, ты что-нибудь слышишь?

Тил напряг слух.

— Вроде да… если это не игра воображения.

— Похоже на мотор… Да это точно машина!

Оказалось, что до автострады они не дошли меньше ста ярдов. Вскоре появился источник звука — пыхтящий старенький грузовичок с фермером за рулем. Завидев голосующих людей,

водитель ударил по тормозам.

— У нас проблема. Выручите?

— Конечно. Залезайте.

— А куда вы едете?

— В Лос-Анджелес.

— В Лос-Анджелес? А где мы?

— В самой середке национального парка Джошуа-Три.

Возвращение было обескураживающим, как бегство французов из-под Москвы. Миссис и мистер Бейли ехали в кабине, а Тил трясся в кузове, пытаясь защитить голову от солнца. Бейли приплатил любезному фермеру, чтобы свернул к участку — не ради прощального взгляда на тессеракт, а чтобы забрать машину.

И вот они там, где все произошло. Но дома по-прежнему нет. Даже первый этаж не сохранился. Супруги, хоть и неохотно, поддались любопытству и побродили вместе с Тилом вокруг фундамента.

— Ну что, Тил, ответа так и нет? — спросил Бейли.

— Вероятно, при последнем толчке дом просто провалился в другую часть пространства. Теперь я понимаю: надо было хорошенько прикрепить его к фундаменту.

— Это не единственное твое упущение.

— Все-таки не стоит падать духом, дружище. Во-первых, дом застрахован, а во-вторых, мы чертовски много узнали. Ты даже не представляешь, какие открываются возможности! У меня уже созрела новая идея, поистине революционная. Вот это будет дом так дом!..

Тил и правда был человеком действия. Поэтому он успел увернуться.

По собственным следам

Боб Уилсон не видел, как вырос круг.

А кроме того, он не заметил, как из круга вышел незнакомец и остановился, глядя прямо ему в затылок. Незнакомец смотрел на ничего не подозревающего Уилсона и тяжело дышал, словно его охватило глубокое волнение.

У Уилсона не было никаких оснований подозревать, что кто-то есть в комнате; более того — он был абсолютно уверен в обратном. Он заперся в своей комнате, чтобы одним решительным броском завершить диссертацию. У него не было другого выхода — завтра последний срок сдачи, а еще вчера в его распоряжении имелось только заглавие: «Исследование некоторых математических аспектов классической метафизики».

Пятьдесят две сигареты, четыре кофейника и тринадцать часов беспрерывной работы помогли добавить к заголовку семь тысяч слов. Что же касается обоснованности его тезисов, то сейчас это меньше всего волновало Уилсона — он находился почти в бессознательном состоянии. Покончить с работой — только об этом он теперь

и думал, — покончить и сдать, а потом напиться как следует и целую неделю проспать.

Он поднял взгляд и дал глазам немного отдохнуть на дверце шкафа, за которой стояла почти полная бутылка джина.

«Нет, — предостерег он себя, — еще один бокал — и ты никогда не закончишь диссертацию, старина Боб».

Незнакомец за спиной у Уилсона продолжал молчать.

Уилсон снова принялся печатать.

«…Не следует также считать, что истинная теорема обязательно исполнима в действительности, даже если оказывается возможным математически точно сформулировать ее. В данном случае речь идет о „путешествии во времени“. Путешествие во времени может быть воображаемым, но необходимые его условия возможно сформулировать в рамках некоторой теории времени — в виде формулы, которая разрешит все парадоксы теории. Тем не менее мы кое-что знаем об эмпирической природе времени, что препятствует осуществлению истинной теоремы. Время есть атрибут сознания, а не реальности.

Это не Ding an Sich[40]. Следовательно…»

В этот момент клавиша пишущей машинки запала, и Уилсон с тоской выругался. Он наклонился, чтобы попытаться исправить вконец обнаглевшую технику.

— Не трать попусту силы, — услышал Уилсон за спиной чей-то незнакомый голос. — Пустая болтовня, чушь собачья.

Уилсон подскочил на месте и медленно повернул голову назад. Он отчаянно надеялся, что там кто-нибудь есть. Иначе…

С облегчением увидел он незнакомца.

— Слава богу, — пробормотал он себе под нос. — На мгновение мне показалось, что я окончательно свихнулся.

Тут чувство облегчения сменилось раздражением.

— Какого дьявола вы делаете в моей комнате? — сердито спросил он, резко отодвинул стул и направился к двери. Ключ торчал в замке. Дверь была закрыта изнутри.

Уилсон с тоской посмотрел на окно. Оттуда незнакомец появиться никак не мог — окно располагалось прямо перед его письменным столом,

---

[40] Примечания: 40

Вещь в себе *(нем.)* — философское понятие, введенное Иммануилом Кантом.

а тремя этажами ниже шумели проезжающие по улице машины.

— Как вы сюда попали? — мрачно спросил Уилсон, видя, что незнакомец сохраняет полное спокойствие и не торопится с ответом.

— Через эту штуку, — ответил незваный гость, показывая пальцем на круг. Уилсон только теперь заметил его, растерянно моргнул и снова бросил на круг недоумевающий взгляд. Круг висел между ним и стеной, здоровенный диск пустоты — он имел глухой черный цвет.

Уилсон энергично затряс головой. Диск явно не собирался исчезать.

«Господи, — подумал он, — кажется, я и в самом деле свихнулся. Интересно, когда я потерял связь с реальностью?»

Он подошел к диску и протянул руку, чтобы дотронуться до него.

— Не трогай! — рявкнул незнакомец.

— Интересно почему? — угрюмо осведомился Уилсон. Однако на всякий случай руку убрал.

— Я объясню. Но сначала давай выпьем. — Странный гость направился прямо к шкафу, открыл его и не глядя вытащил оттуда бутылку джина.

— Эй! — завопил Уилсон. — Что ты здесь распо-

ряжаешься? Это моя выпивка.

— Твоя выпивка… — Незнакомец с сомнением посмотрел на Уилсона. — Извини. Но ты ведь не станешь возражать, если я немного выпью?

— Ладно, — со вздохом согласился Боб Уилсон. — Налей и мне, раз уж ты взялся за бутылку.

— Договорились, — согласился незнакомец, — а потом я все объясню.

— И постарайся, чтобы твои объяснения были убедительными, — угрожающе проговорил Уилсон. Тем не менее он с облегчением глотнул джина и повнимательнее оглядел незнакомца.

Перед ним был тип примерно такого же роста и возраста, как и он сам, возможно, немного старше, но такое впечатление могло возникнуть из-за трехдневной щетины, украшавшей его лицо. У незнакомца был здоровенный синяк под глазом и рассеченная верхняя губа. Уилсон решил, что ему совсем не нравится лицо незваного гостя. Однако в нем было что-то неуловимо знакомое — Уилсона преследовало ощущение, что он знает его, что они уже не раз виделись раньше, правда, при других обстоятельствах.

— Кто ты такой? — выпалил он.

— Я? — спросил гость. — А ты меня не узнаешь?

— Я не уверен, — признался Уилсон. — Мы уже встречались?

— Ну, не совсем, — тянул время незнакомец. — Не будем об этом. Ты все равно сейчас не поймешь.

— Как тебя зовут?

— Меня? Ну… называй меня Джо.

Уилсон поставил свой стакан.

— Ладно, Джо как-тебя-там, кончай тянуть резину, рассказывай, что все это значит, и выкатывайся отсюда.

— Так я и сделаю, — охотно согласился Джо. — Эта штука, через которую я попал сюда, — он показал на круг, — называется Ворота Времени.

— Как?

— Ворота Времени. По ту и по эту сторону Ворот текут временны́е потоки, только вот разделяют их многие тысячи лет, сколько именно — я и сам не знаю. В течение следующих нескольких часов Ворота будут оставаться открытыми. Ты можешь попасть в будущее, сделав всего один шаг сквозь этот круг. — Незнакомец замолчал.

Боб забарабанил по столу костяшками пальцев.

— Ну, продолжай. Мне очень нравится твоя история.

— Ты не веришь, да? Я тебе покажу. — Джо встал, снова подошел к шкафу и вытащил оттуда шляпу Боба, его единственную и нежно любимую шляпу, которая приобрела нынешний залихватский вид за последние шесть лет его обучения и работы в колледже. Джо метнул ее в сторону черного круга. Шляпа коснулась его поверхности, прошла сквозь него, не встретив ни малейшего сопротивления, и исчезла.

Уилсон встал, медленно обошел диск, внимательно разглядывая пол.

— Ловкий трюк, — вынужден был признать он. — А теперь я скажу тебе большое спасибо, если ты будешь так добр, что вернешь мою шляпу.

Незнакомец решительно покачал головой.

— Ты сможешь сам забрать ее, когда пройдешь туда.

— Чего, чего?

— Именно так. Послушай... — Незнакомец коротко повторил объяснения, касающиеся Ворот Времени. Уилсон получал возможность, которая может выпасть на долю человека один раз в миллионы лет, и все, что ему нужно сделать, — шагнуть внутрь круга. Более того, хотя сейчас Джо не может объяснить все детали, для самого Уилсона жизненно важно проникнуть в

будущее.

Боб Уилсон налил себе еще джина, выпил его, а потом повторил эту незатейливую операцию. По телу растеклось приятное тепло — самое время поспорить о чем-нибудь.

— Почему? — весомо спросил он.

Джо явно начинал выходить из себя.

— Черт возьми, если ты сейчас же войдешь туда, то никакие объяснения больше не понадобятся. Однако…

Если верить Джо, то по другую сторону Ворот есть один старикан, который нуждается в помощи Уилсона. Они втроем смогут управлять некой страной. В чем именно будет заключаться помощь, Джо не мог или не хотел сказать. Вместо этого он продолжал упирать на то, что ни в коем случае нельзя отказываться от такого замечательного приключения.

— Ты ведь не хочешь остаток жизни посвятить обучению всяких пустоголовых болванов в каком-нибудь паршивом колледже? — настаивал Джо. — Это твой шанс. Не упусти его!

Боб Уилсон должен был признать, что степень магистра с последующим преподаванием в колледже не были пределом его мечтаний. Однако надо же как-то зарабатывать себе на жизнь. Его

взгляд опустился на бутылку с джином — уровень жидкости в ней заметно понизился. Это объясняло многое, если не все. Он пошатываясь встал на ноги.

— Нет, мой дорогой друг, — заявил он. — Я не собираюсь залезать на твою карусель. И знаешь почему?

— Почему?

— Потому что я пьян. Вот почему. Тебя здесь нет. И этой штуки здесь нет. — Он широким жестом показал в сторону круга. — Здесь нет никого, кроме меня, а я напился. Слишком много работал, — извиняющимся тоном добавил он. — Я пошел спать.

— Ты не пьян.

— Нет, пьян. Карл у Клары украл кораллы. — Он двинулся в сторону постели.

Джо схватил его за руку.

— Ты не можешь так поступить! — закричал он.

— Оставь его в покое!

Они оба резко обернулись. Рядом с кругом, глядя на них, стоял третий человек. Уилсон посмотрел на вновь прибывшего, потом перевел глаза обратно на Джо и отчаянно заморгал, пытаясь сфокусировать взгляд. Эти два типа, проникших

в его комнату, казались очень похожими друг на друга — они вполне могли бы быть братьями. Или у него в глазах начало двоиться. Паршивое это дело — джин. Ему давно пора перейти на ром. Отличная штука — ром. Его можно пить или в нем можно принять ванну. Нет, это был все-таки джин — то есть Джо.

Как глупо! У Джо ведь фингал под глазом. И как он только мог все перепутать!

Тогда кто такой этот второй тип? Неужели двое друзей не могут спокойно выпить? Вечно встревают всякие гады.

— Кто вы такой? — наконец со спокойным достоинством спросил Боб.

Вновь прибывший повернул к нему голову, а потом сосредоточил свое внимание на Джо.

— Он меня знает.

Джо внимательно оглядел его с ног до головы.

— Да, — сказал Джо, — пожалуй, я тебя знаю. Но какого черта ты здесь делаешь? И почему ты пытаешься сорвать наш план?

— Нет времени для длинных объяснений. Я знаю об этом больше, чем ты, — тебе это придется признать, — и мое мнение стоит дороже. Он не должен проходить через Ворота.

— Я с этим никогда не соглашусь…

Зазвонил телефон.

— Возьми трубку! — скомандовал пришелец.

Боб собрался уже возмутиться, но потом передумал. Его темперамент никогда не позволял ему игнорировать телефонный звонок.

— Алло?

— Алло, — ответил ему голос в трубке. — Это Боб Уилсон?

— Да. С кем я говорю?

— Не имеет значения. Я просто хотел убедиться, что ты дома. Я так и думал, что ты должен быть сейчас дома. Ты попал в колею, приятель, в самую колею.

Уилсон услышал смех на другом конце трубки, а потом раздались короткие гудки.

— Алло, — сказал Уилсон. — Алло! — Он несколько раз нажал на рычаг, а потом повесил трубку.

— Кто это был? — спросил Джо.

— А, так. Какой-то болван с извращенным чувством юмора.

Телефон снова зазвонил.

— Опять он, — пробормотал Уилсон, поднимая трубку. — Послушай, ты, обезьяна с куриными мозгами! Я занятой человек, и ты займись-ка лучше чем-нибудь полезным.

— Господи, что с тобой, Боб? — прозвучал в трубке обиженный женский голос.

— Что? А, это ты, Женевьева. Извини меня, пожалуйста, извини…

— Да уж, конечно, тебе следует извиниться!

— Ты просто не понимаешь, дорогая. Какой-то псих морочил мне голову по телефону, и я думал, что это опять он. Ты же знаешь, что с тобой я никогда не стал бы так разговаривать, малышка.

— Ну, надеюсь. В особенности после того, как ты мне сказал сегодня, что мы друг для друга значим.

— Что? Сегодня? Ты сказала — сегодня?

— Конечно. Но звоню я потому, что хочу напомнить тебе: ты забыл у меня шляпу. Я заметила ее через несколько минут после того, как ты ушел, и решила сразу же позвонить. А кроме того, — добавила она игриво, — у меня появился повод позвонить тебе и услышать твой голос.

— Конечно. Все в порядке, — механически ответил он. — Послушай, малышка, у меня тут возникли кое-какие проблемы. Весь день со мной происходят всякие неприятности, и они никак не кончаются. Я загляну к тебе вечерком, мы во всем разберемся. Однако я твердо знаю, что сегодня я у тебя не был…

— Но как же твоя шляпа, глупый?

— Что? А, ну да, конечно! Так или иначе, но я к тебе еще заскочу. Пока. — Он торопливо повесил трубку.

«Господи, — подумал Уилсон, — с этой женщиной я еще нахлебаюсь. А тут еще галлюцинации».

Он повернулся к двум своим гостям.

— Ладно, Джо. Если ты пойдешь, то я готов последовать за тобой... — Уилсон и сам не понимал, почему он вдруг изменил свое решение, но в какой-то момент это все-таки произошло. Интересно, что это за наглая рожа такая — он еще смеет за него что-то решать?

— Вот и отлично, — с облегчением заметил Джо. — Тебе нужно сделать всего один шаг. Больше ничего от тебя не потребуется.

— Нет, никуда ты не пойдешь! — вмешался вездесущий незнакомец. Он встал между Уилсоном и Воротами.

Боб Уилсон исподлобья посмотрел на него:

— Послушай, ты! Сначала ты ворвался сюда, не спросив разрешения, а теперь еще указываешь, что мне делать, будто я болван какой-то. Если тебе что-нибудь не нравится — выпрыгни в окно, а если ты не знаешь, как это делается, я тебе по-

могу! Ну, давай!

Незнакомец протянул руку и попытался ухватить его за шиворот. Уилсон нанес удар, но получился он каким-то неловким. Незнакомец легко увернулся и сам нанес удар, который пришелся Уилсону по губам. Джо стремительно приближался — он явно шел на помощь Уилсону. Незнакомец и Джо начали с энтузиазмом обмениваться ударами, Боб присоединился к ним, впрочем, проку от него было совсем немного. Единственный удар, который достиг цели, достался Джо, его союзнику. Хотя Боб пытался врезать не ему, а наглому незнакомцу.

Этот неловкий выпад дал незнакомцу шанс нанести хорошенький прямой удар прямо в нос Уилсона. Нельзя сказать, что удар получился очень сильным, но для Уилсона и этого оказалось вполне достаточно — больше он участия в драке не принимал.

Боб Уилсон медленно приходил в себя. Он сидел на полу, который непостижимым образом медленно раскачивался. Кто-то склонился над ним.

— С тобой все в порядке? — поинтересовался очередной незнакомец.

— Кажется, да, — хрипло отозвался Уилсон. Он поморщился: разбитые губы мешали говорить.

Он поднес руку ко рту и увидел, что та измазана в крови. — Только вот голова болит.

— Ну, иначе и быть не может. Ты вывалился сюда головой вперед.

В голове Уилсона мысли роились, как рассерженные пчелы. Он присмотрелся более внимательно к своему собеседнику. Перед ним стоял человек средних лет с густыми, поседевшими волосами и короткой, аккуратно подстриженной бородой. Он был одет в нечто пурпурное, напоминающее свободный пляжный костюм.

Но еще больше обеспокоила Уилсона комната, в которой он находился. Она была круглой, потолок плавно переходил в купол, так что было очень трудно определить ее высоту. Мягкий рассеянный свет наполнял комнату, но Уилсону не удалось определить его источник. В комнате не было никакой мебели, кроме высокого странного предмета, стоящего у противоположной стены.

— Вывалился откуда? И куда?

— Из Ворот, естественно.

Было что-то странное в акценте этого человека. Уилсон не мог определить, какой именно это акцент, но мог бы поспорить, что его собеседнику нечасто приходится говорить по-английски.

Уилсон посмотрел в другую сторону — туда,

куда смотрел незнакомец, и увидел круг.

От этого голова его заболела еще сильнее.

«О господи, — подумал он, — похоже, я окончательно тронулся. Почему я до сих пор не проснулся?»

Он энергично потряс головой в надежде, что она прояснится.

Конечно же, этого не стоило делать. Ему показалось, что сейчас верхняя часть его головы отвалится. А проклятый круг даже и не подумал исчезнуть и как ни в чем не бывало продолжал висеть в воздухе. Внутри его клубилась черная пустота.

— Значит, я попал сюда через него?

— Да.

— И где я теперь нахожусь?

— В Зале Ворот священного дворца Норкаал. Но что гораздо важнее, так это то, *когда* ты тут находишься. Ты продвинулся вперед по времени на тридцать тысяч лет.

«Вот теперь я точно знаю, что сошел с ума», — подумал Уилсон.

Он встал и нетвердой походкой направился в сторону Ворот.

Незнакомец положил руку ему на плечо.

— Куда ты идешь?

— Обратно!

— Не так быстро. Ты обязательно вернешься обратно — я даю тебе слово. Но сначала дай мне обработать твои раны. Кроме того, тебе просто необходимо отдохнуть. Я тебе должен многое рассказать и объяснить, а потом у меня будет к тебе просьба; если ты ее исполнишь, то мы оба от этого выиграем. Тогда нас обоих — тебя и меня — ждет прекрасное будущее!

Уилсон в сомнении остановился. Настойчивость нового знакомого слегка смущала его.

— Мне все это не нравится.

— Ну тогда ты, может быть, хочешь выпить перед уходом?

Уилсон, несомненно, хотел. Как раз в этот момент хорошая выпивка казалась самой необходимой вещью на свете.

— Ладно, — пробормотал он.

— Тогда пошли со мной.

Они прошли мимо странного сооружения у стены и через дверь вышли в коридор. Уилсон едва поспевал за своим проводником.

— Кстати, — спросил Уилсон, когда они шли по длинному коридору, — как тебя зовут?

— Тебя интересует мое имя? Ты можешь называть меня Дектор — меня здесь все так на-

зывают.

— Ладно, Дектор так Дектор. А как меня зовут, тебе интересно?

— Как тебя зовут? — Дектор усмехнулся. — Я знаю твое имя. Боб Уилсон.

— Да? А, наверное, Джо сказал тебе?

— Джо? Нет, я не знаю человека с таким именем.

— Не знаешь? А он, как мне показалось, тебя знает. Слушай, а может быть, ты совсем не тот человек, с которым я должен встретиться?

— Да нет, это я. В каком-то смысле можно даже сказать, что я тебя ждал. Джо… Джо — ага! — Дектор снова усмехнулся. — Я на минуточку забыл об этом. Так он сказал, чтобы ты называл его Джо?

— А разве его зовут иначе?

— Это имя ничуть не хуже любого другого. Вот мы и пришли.

Они вошли в небольшую, но очень симпатичную комнату. В ней вообще не было никакой мебели, но пол казался мягким, теплым и упругим, как человеческая плоть.

— Садись. Я скоро вернусь.

Боб посмотрел по сторонам, надеясь найти что-нибудь хотя бы отдаленно напоминающее стул, а потом обернулся, собираясь задать вопрос

Дектору. Но тот исчез, более того — дверь, через которую они вошли в комнату, тоже исчезла. Бобу ничего не оставалось, как расположиться на удобном полу и попытаться не беспокоиться.

Дектор действительно скоро вернулся. Дверь почти мгновенно возникла в стене, так что Боб не успел даже заметить, как это произошло. Дектор нес в руке графин, в котором приятно булькало, в другой руке у него была чашка.

— Ну, за твое здоровье! — с улыбкой проговорил Дектор и щедро плеснул в чашку из графина. — Выпей.

Боб взял чашку.

— А ты со мной не выпьешь?

— Попозже. Сначала я хочу обработать твои раны.

— Ладно. — Уилсон заглотил чашку с почти неприличной торопливостью — это была качественная штука, немного похожая на виски, но гораздо приятнее.

Дектор тем временем возился с какими-то мазями и примочками, которые сначала немного жгли, но потом очень быстро принесли облегчение.

— Не возражаешь, если я налью себе еще?

— Не стесняйся.

Вторую чашку Боб выпил не торопясь. Он не успел допить ее, она выскользнула из его расслабленных рук, расплескивая янтарную пахучую жидкость по полу. Боб уже храпел.

Проснувшись, Боб Уилсон чувствовал себя совершенно здоровым и прекрасно отдохнувшим. У него почему-то было прекрасное настроение. Он расслабленно полежал с закрытыми глазами еще несколько минут. Его ждет отличный день, Уилсон ни одной секунды не сомневался в этом. Слава богу, он закончил эту трижды проклятую диссертацию. Тут-то он и вспомнил, что работа еще не закончена!

Уилсон резко сел.

Вид незнакомых стен живо вернул его к действительности. Но не успел он забеспокоиться, как в стене возникла дверь и в комнату вошел Дектор.

— Ну, чувствуешь себя лучше?

— Да, намного… Что же все это значит?

— Всему свое время. Не хочешь сначала позавтракать?

Для Уилсона завтрак всегда значил больше, чем сама жизнь, — он вполне мог бы поменять возможность бессмертия на хороший завтрак. Дектор повел его в другую комнату. В ней окна бы-

ли. Более того — половина комнаты находилась под открытым небом — балкон уходил прямо в чудесный сад. Легкий, теплый летний ветерок приятно обдувал лицо. Они ели, как древние римляне, и Дектор рассказывал.

Боб Уилсон следил за повествованием не так внимательно, как следовало бы, потому что его постоянно отвлекали девушки, которые обслуживали их. Первая принесла на голове громадное блюдо с фруктами. Фрукты были великолепны. Как и девушка. Сколько он ее ни рассматривал, ему никак не удавалось найти в ней ни одного изъяна.

Тут надо заметить, что ее костюм совершенно не препятствовал подобным поискам.

Сначала она слитным грациозным движением встала на одно колено, сняла с головы блюдо и протянула его Дектору. Тот положил себе на тарелку маленький красный фрукт и жестом показал, что больше не хочет. Потом она предложила фрукты Бобу тем же непринужденным грациозным жестом.

— Как я уже говорил, — продолжал Дектор, — остается неясным, откуда пришли исполины и куда они направились после того, как покинули Землю. Я склонен думать, что они ушли во Время.

Так или иначе, но они правили Землей более двадцати тысяч лет, в результате чего та культура, которую мы знали, исчезла полностью. Что еще важнее для тебя и для меня, так это то, что они совершенно изменили человеческую природу. Человек, имеющий психику жителя двадцатого столетия, может добиться здесь чего угодно. Кажется, ты меня не слушаешь?

— Что? Да нет, слушаю, конечно. Какая красивая девушка.

Боб не спускал глаз с двери комнаты, хотя девушка уже давно ушла.

— Которая? Ах да. Ну, пожалуй, ты прав. Впрочем, она далеко не самая красивая среди местных женщин.

— В это трудно поверить. С такой девушкой любой не отказался бы провести время.

— Тебе она нравится? Прекрасно — она твоя.

— Что?

— Она рабыня. И не делай такого возмущенного лица. Они рабы по натуре. Если она тебе понравилась, я тебе ее дарю. Она будет счастлива.

В этот момент девушка вернулась.

Дектор обратился к ней на каком-то странном языке.

— Ее зовут Арма, — добавил Дектор, когда за-

кончил давать девушке указания.

Арма захихикала. Правда, потом на ее лице появилось серьезное выражение, и она, подойдя к Уилсону, встала перед ним на колени.

— Коснись ее лба, — проинструктировал его Дектор.

Боб так и сделал. Девушка встала и молча застыла рядом с Бобом. Дектор что-то сказал ей. На ее лице появилось удивленное выражение, но она повернулась и быстро вышла из комнаты.

— Я сказал ей, что она может, сохраняя свой новый статус, продолжать прислуживать нам за завтраком.

Дектор возобновил свои объяснения, а завтрак тем временем шел своим чередом. Следующее блюдо принесли Арма и другая девушка. Когда Боб увидел вторую девушку, он даже тихонько присвистнул. Тут только до него дошло, что, возможно, он немного поторопился с Армой. Или стандарты красоты существенно изменились за прошедшие тысячелетия, или Дектор подбирал свою обслугу с особой тщательностью.

— ...По этим причинам, — говорил в это время Дектор, — необходимо, чтобы ты немедленно отправился обратно через Ворота Времени. Твоя первая задача — привести сюда этого, другого

парня. Потом ты должен будешь сделать еще кое-что, и все наши проблемы будут решены. Нам останется только насладиться плодами собственных трудов — тебе и мне. И могу тебя заверить, здесь есть чем насладиться. Да ты меня не слушаешь.

— Да все я слушаю, шеф. — Он потер указательным пальцем свой подбородок. — Скажи, у тебя здесь не найдется лишнего лезвия? Мне бы хотелось побриться.

Дектор тихо выругался на двух языках.

— Перестань сейчас же глазеть на этих красоток и слушай меня! Тебе нужно проделать определенную работу.

— Конечно, конечно. Я все понимаю, только скажи, что надо делать. Когда мне нужно начать?

Уилсон уже давно принял решение — это случилось, если уж быть точным, вскоре после того, как Арма вошла в комнату с блюдом фруктов. У него было такое ощущение, что ему снится необыкновенно приятный сон. Если сотрудничество с Дектором приведет к тому, что этот сон продлится, прекрасно. И черт с ней, с его академической карьерой!

А кроме того, чего Дектор от него хочет, это чтобы он вернулся домой, туда, где все началось, и

убедить того парня пройти через Ворота. Худшее, что с ним может произойти, — оказаться снова в двадцатом столетии. Чем он в такой ситуации рискует?

Дектор встал.

— Тогда не будем больше терять времени, — коротко сказал он, — раз уж мне наконец удалось завладеть твоим вниманием. Иди за мной.

Он зашагал вперед быстрым шагом, Уилсон старался не отстать.

Дектор привел его в Зал Ворот и остановился.

— Все, что от тебя требуется, — начал он давать последние указания, — это пройти через Ворота. Ты окажешься в своей комнате, в том самом времени, в котором жил. Убеди человека, который находится в комнате, пройти сквозь Ворота. Нам он необходим. А потом возвращайся сам.

Боб поднял руку вверх, сложив в кольцо большой и указательный пальцы.

— Считай, что он уже у нас в кармане, босс. — Он занес ногу, чтобы войти в Ворота.

— Подожди! — скомандовал Дектор. — Ты еще не привык к путешествиям во времени. Я предупреждаю: тебя ждет ужасный шок, когда ты вернешься в свое время. Этот парень — ты его узнаешь.

— И кто же он?

— Я не могу тебе об этом сейчас сказать, ты все равно не поймешь. Но когда ты увидишь его, тебе все станет ясно. Помни об одном: с путешествиями по времени связаны очень странные парадоксы. Не дай им сбить тебя с толку. Делай то, что я тебе сказал, и все будет в порядке.

— Парадоксы меня совершенно не смущают, — уверенно заявил Боб. — Ну, это все? Я готов.

— Одну минуту. — Дектор скрылся за высокой стойкой. Через несколько секунд его голова высунулась обратно. — Я установил нужное время. Давай!

Боб Уилсон вступил в круг, который назывался Ворота Времени.

Он ничего не почувствовал во время переноса. Ему показалось, что он просто прошел из одной комнаты в другую, раздвинув плотные темные занавеси. Он постоял немного, дожидаясь, пока глаза приспособятся к более темному освещению его старой комнаты. Да, он и в самом деле оказался в своей собственной комнате.

За его письменным столом сидел человек. Тут Дектор оказался прав. Значит, это и есть тот парень, которого Уилсон должен уговорить войти в Ворота Времени. Дектор сказал, что он его узнает.

Ну что ж, посмотрим, кто же это такой.

Уилсон почувствовал легкое раздражение из-за того, что кто-то сидит за его столом, в его комнате, но потом подумал, что должен быть выше этого. В конце концов, он всего лишь снимал эту квартиру; когда он исчез, вне всякого сомнения, в нее вселился кто-то другой. Он ведь не знал, как долго его здесь не было, — черт возьми, могло пройти несколько дней или даже недель!

Парень за столом показался ему смутно знакомым, хотя пока он видел только его спину. Так кто же это такой? Должен ли он первым заговорить с ним, заставить его обернуться? Уилсону не хотелось этого делать до тех пор, пока он не сообразит, кто это. Он считал, что всегда лучше знать заранее, с кем предстоит иметь дело, в особенности если намерен убедить человека совершить столь необычный поступок — пройти сквозь Ворота Времени.

Человек, сидящий за столом, продолжал печатать, останавливаясь только за тем, чтобы затянуться сигаретой, которая лежала рядом в пепельнице, а потом тщательно загасить ее, используя пресс-папье.

Бобу Уилсону был слишком хорошо знаком этот жест.

По его спине пробежал холодок.

«Если он зажжет следующую, — подумал Уилсон, — так, как я думаю...»

Человек, сидящий за столом, достал новую сигарету, покрутил ее между пальцами, постукал одним концом о стол, перевернул, легко провел ногтем по основанию и сунул ее в рот.

Уилсон почувствовал, как кровь застучала у него в ушах. За письменным столом, повернувшись к нему спиной, сидел он сам, Боб Уилсон!

Ему вдруг показалось, что он сейчас потеряет сознание. Он закрыл глаза и, ухватившись за спинку стула, попытался успокоиться.

«Я так и знал, — подумал он. — Все происходящее — полнейший абсурд. Я спятил. Я знаю, что я спятил. Что-то вроде раздвоения личности. Не надо было столько работать».

Машинка продолжала трещать.

Уилсон наконец взял себя в руки и еще раз все обдумал. Дектор предупреждал, что его ждет шок, шок, который невозможно было предотвратить, потому что он бы все равно не поверил, если бы ему сказали, что случится.

«Ладно, предположим, что я не безумен. Если путешествие во времени вообще возможно, то почему я не могу вернуться назад и увидеть, как

я делаю что-то из того, что делал раньше. Если я, конечно, нормален».

Он вздохнул.

«Ну а если я спятил, то тогда вообще не имеет ни малейшего значения, что я буду делать! Отсюда следует, — добавил он про себя, — что если я безумен, то, может быть, я смогу пройти обратно в Ворота! Нет, это совсем бессмысленно. Как, впрочем, и все остальное — ну и черт с ним!»

Он на цыпочках подкрался к столу и посмотрел через плечо своего двойника.

«Время есть атрибут сознания, — прочитал он, — а не реальности».

«Теперь все ясно, — подумал Боб, — я вернулся к тому самому моменту, когда писал диссертацию».

Двойник продолжал печатать.

«Это не Ding an Sich. Следовательно…»

Клавиша машинки застряла, и двойник выругался, а потом наклонился, чтобы поправить запавшие буквы.

— Не трать попусту силы, — сказал Уилсон, повинуясь неожиданному импульсу. — Пустая болтовня, чушь собачья.

Другой Боб Уилсон подпрыгнул на месте, а потом медленно обернулся.

— Какого дьявола вы делаете в моей комнате? Как вы сюда попали? Объясните.

«Это, — подумал Уилсон, — будет совсем непросто».

— Через эту штуку, — ответил он, показывая пальцем на круг.

Его двойник посмотрел в ту сторону, куда показывал Уилсон, вскочил и начал медленно подходить к Воротам, а потом поднял руку, собираясь потрогать их.

— Не трогай! — рявкнул Уилсон.

Двойник опустил руку.

— Интересно почему? — угрюмо осведомился он.

— Я объясню. Но сначала давай выпьем.

Это в любом случае была хорошая идея. Еще никогда в жизни он так не нуждался в выпивке, как в этот момент. Совершенно автоматически он направился к шкафу и достал оттуда бутылку.

— Эй! — запротестовал двойник. — Что ты здесь распоряжаешься? Это моя выпивка.

— Твоя выпивка…

Дьявольщина! Это была его выпивка! Нет, не так; это была их общая бутылка. Ну и дела!

— Извини. Но ты ведь не станешь возражать, если я немного выпью?

— Ладно, — со вздохом согласился двойник. — Налей и мне, раз уж ты взялся за бутылку.

— Договорились, — согласился Уилсон, — а потом я все объясню.

— И постарайся, чтобы твои объяснения были убедительными, — мрачно предупредил двойник, с угрозой поглядывая на Уилсона, пока тот пил джин.

Уилсон наблюдал, как его второе, более молодое «я» в замешательстве изучало его. Неужели этот безмозглый болван не может узнать свое собственное лицо, которое находится на расстоянии всего нескольких футов от него? Если он даже сейчас не в состоянии понять, что происходит, то как Уилсон вообще сможет объяснить ему хоть что-нибудь?

Уилсон забыл, что в данный момент его лицо было почти неузнаваемо — разбитые губы, синяк под глазом, трехдневная щетина. К тому же Уилсону и в голову не пришло, что человек никогда не смотрит на свое лицо в зеркале так, как он смотрит на чужие. Ни один человек в здравом уме не станет искать свои черты в лице другого.

Уилсон видел, что двойник смущен его неожиданным появлением и не узнает его. Это было совершенно очевидно.

— Кто ты такой? — спросил двойник.

— Я? — отозвался Уилсон. — А ты меня не узнаешь?

— Я не уверен. Мы уже встречались?

— Ну, не совсем, — пытался потянуть время Уилсон. Как можно в нескольких словах объяснить, что перед одним Уилсоном стоит другой? — Не будем об этом. Ты все равно сейчас не поймешь.

— Как тебя зовут?

— Меня? Ну…

Дело принимало неприятный оборот! Да и вообще все это становилось просто смешным. Он уже открыл рот, чтобы произнести «Боб Уилсон», но тут же сдался, понимая всю безнадежность подобного шага. Как и многие другие до него, он вынужден был солгать, потому что правда была бы воспринята как наглая ложь.

— Называй меня Джо, — наконец пробормотал он.

И тут же удивился собственным словам. Только сейчас Уилсон осознал, что исполняет роль того самого Джо, которого уже встречал раньше; то, что он оказался в своей комнате как раз в тот момент, когда заканчивал работать над своей диссертацией, Уилсон уже сообразил, но у него еще не было времени как следует задуматься над

тем, что происходит. Услышав, как он сам себя назвал Джо, он с ужасом понял, что это не просто похожая сцена — а та же самая сцена! Только теперь он играл в ней роль Джо.

Во всяком случае Уилсону показалось, что это та же сцена. Отличалась ли она чем-нибудь от прежней? Трудно сказать — он не помнил дословно, как именно протекал первый разговор.

За полный сценарий той сцены Уилсон был готов уплатить двадцать пять долларов наличными да еще добавил бы на торговую наценку.

Нет, тут надо разобраться — ведь его никто не принуждал делать или говорить что-либо. В этом Уилсон был уверен. Все, что он сказал и сделал, было проявлением свободной воли. Даже если он и не в состоянии вспомнить весь разговор, он совершенно точно знает, чего Джо не говорил. Ну, например: «У Мэри есть маленькая овечка…» Он мог произнести прямо сейчас этот стишок и выйти из порочного круга. Он уже приготовился начать декламировать этот дурацкий стишок…

— Ладно, Джо как-тебя-там, — вдруг заговорило его второе «я», поставив на стол стакан, в котором еще мгновение назад плескалась добрая четверть пинты джина, — кончай тянуть резину, рассказывай, что все это значит, и выкатывайся отсюда.

Уилсон уже открыл рот, чтобы ответить, но со стуком закрыл его.

«Спокойно, старина, спокойно, — сказал он себе. — Ты обладатель свободной воли. Хочешь прочитать стишок — так прочитай его. Не отвечай ему; продекламируй стишок и выйди из этого проклятого круга».

Но под подозрительным, сердитым взглядом человека, сидящего напротив, он мгновенно забыл слова детского стишка. Все его мыслительные процессы зашли в тупик.

Уилсон капитулировал.

— Так я и сделаю. Эта штука, через которую я попал сюда, — он показал на круг, — называется Ворота Времени.

— Как?

— Ворота Времени. По ту и по эту сторону Ворот текут временны́е потоки… — Пока Уилсон говорил, он почувствовал, как начинает потеть; он был почти уверен, что объясняет практически теми же словами, которые он уже раньше слышал. — …Ты можешь попасть в будущее, сделав всего один шаг сквозь этот круг. — Он замолчал и вытер пот.

— Ну, продолжай. Мне очень нравится твоя история.

Боб вдруг подумал — неужели этот человек, сидящий за столом, он сам? Тупой, узколобый догматизм его поведения приводил Уилсона в ярость. Ну ладно! Он ему покажет. Уилсон быстро подошел к шкафу, схватил шляпу и швырнул ее сквозь Ворота.

Его двойник посмотрел на фокус со шляпой ничего не выражающими глазами, а потом встал и, маленькими аккуратными шажками крепко выпившего человека, который старается этого не показать, обошел Ворота вокруг.

— Ловкий трюк, — зааплодировал он. — А теперь я скажу тебе большое спасибо, если ты будешь так добр, что вернешь мою шляпу.

Уилсон решительно покачал головой.

— Ты сможешь сам забрать ее, когда пройдешь туда, — заявил он.

— Чего-чего?

— Именно так. Послушай… — И Уилсон, как мог убедительно, рассказал своему прежнему «я», что требуется сделать. Ему даже пришлось льстить и уговаривать. Объяснить все как есть было равносильно самоубийству. Он скорее согласился бы обучать тензорному исчислению австралийского аборигена — даже притом, что и сам не слишком в нем разбирался.

Двойник ничем не хотел ему помочь. Казалось, что гораздо больше всех объяснений Уилсона его интересует стакан с джином, с которым ему ни на секунду не хотелось расставаться.

— Почему? — нетерпеливо перебил он.

— Черт возьми, если ты сейчас же войдешь туда, то никакие объяснения больше не понадобятся. Однако…

Уилсон продолжал рассказ, который завершил, коротко повторив суть предложения Дектора. Только теперь он с раздражением сообразил, что слова Дектора были весьма общими и ничего толком не разъясняли. Уилсону пришлось отбросить всякую логику и упирать на эмоциональную сторону вопроса — здесь он чувствовал себя куда увереннее, ведь ему было прекрасно известно, как осточертела этому Бобу Уилсону его научная карьера и затхлая атмосфера колледжа.

— Ты ведь не хочешь остаток жизни посвятить обучению всяких пустоголовых болванов в каком-нибудь паршивом колледже, — в заключение сказал он. — Это твой шанс. Не упусти его!

Уилсон внимательно наблюдал за своим оппонентом, и ему показалось, что тот начинает поддаваться на уговоры. Во всяком случае, выглядел он заинтересованным. Однако двойник

аккуратно поставил стакан на стол, задумчиво посмотрел на бутылку, вздохнул и заговорил, стараясь тщательно выговаривать слова:

— Нет, мой дорогой друг, я не собираюсь залезать на твою карусель, и знаешь почему?

— Почему?

— Потому, что я пьян. Вот почему. Тебя здесь нет. И этой штуки здесь нет. — Он широким жестом показал на Ворота, покачнулся и едва не упал. — Нет никого, кроме меня, а я напился. Слишком много работал, — уже совсем заплетающимся языком пробормотал он. — Я пошел спать.

— Ты не пьян, — теряя надежду, запротестовал Уилсон. «Проклятье, — подумал он. — Человеку, который не умеет пить, не следует этого делать вообще».

— Нет, пьян. Карл у Клары украл кораллы.

Двойник нетвердым шагом направился в сторону кровати.

Уилсон схватил его за руку.

— Ты не можешь так поступить! — закричал он.

— Оставь его в покое!

Уилсон быстро обернулся и увидел третьего человека, стоящего перед Воротами. Ему стало

совсем нехорошо — Уилсон сразу же узнал вновь прибывшего. Его собственные воспоминания о том, что произошло, были довольно смутными — как-никак, он ведь был тогда пьян. Теперь Уилсон понял, что должен был предвидеть появление третьего действующего лица. Однако воспоминания не подготовили его к тому, кто будет их новым гостем.

Он узнал себя — еще одну точную свою копию.

С минуту Уилсон молча стоял, пытаясь сообразить, что ему теперь следует делать; он даже закрыл глаза, чтобы получше сосредоточиться. Однако события происходили так быстро, что трудно было собраться с мыслями. Ему вдруг страшно захотелось сказать парочку теплых слов Дектору.

— Кто вы такой? — Уилсон обернулся и увидел, как его пьяный двойник сурово таращится на нового незваного гостя.

Вновь прибывший повернул к нему голову, а потом перенес свое внимание на Уилсона.

— Он меня знает.

Уилсон не стал торопиться с ответом. События начинали выходить из-под контроля.

— Да, — вынужден был он признать, — пожалуй, я тебя знаю. Но какого черта ты здесь

делаешь? И почему ты пытаешься сорвать наш план?

Последняя копия Уилсона не дала ему долго говорить.

— Нет времени для длинных объяснений. Я знаю об этом больше, чем ты, — тебе это придется признать, — и мое мнение стоит дороже. Он не должен проходить через Ворота.

Удивительная наглость самовлюбленного нахала возмутила Уилсона до глубины души.

— Я с этим никогда не соглашусь… — начал было он, но в этот момент зазвонил телефон.

— Возьми трубку! — скомандовал номер третий.

Пьяненький номер первый хотел было возмутиться, но все-таки взял трубку.

— Алло… Да. С кем я говорю? Алло… Алло! — Он постучал по рычагам телефона и сердито бросил трубку.

— Кто это был? — спросил Уилсон, разозленный тем, что не успел сам поднять трубку.

— А, так. Какой-то болван с извращенным чувством юмора.

Телефон снова зазвонил.

— Опять он, — пробормотал номер первый, хватая трубку. — Послушай, ты, обезьяна с куриными

мозгами! Я занятой человек, и ты займись-ка лучше чем-нибудь полезным… Что? А, это ты, Женевьева. Извини меня, пожалуйста, извини… Ты просто не понимаешь, дорогая. Какой-то псих морочил мне голову по телефону, и я думал, что это опять он. Ты же знаешь, что с тобой я никогда не стал бы так разговаривать, малышка… Что? Сегодня? Ты сказала — сегодня?.. Конечно. Все в порядке. Послушай, малышка, у меня тут возникли кое-какие проблемы. Весь день со мной происходят всякие неприятности, и они никак не кончаются. Я загляну к тебе вечерком, мы во всем разберемся. Однако я твердо знаю, что сегодня я у тебя не был… Что?.. А, ну да, конечно! Так или иначе, но я к тебе еще заскочу.

Уилсону было просто противно смотреть, как его двойник унижается перед этой приставучей девицей. Почему он уже давно не повесил трубку? По сравнению с Армой она была жалкой замарашкой — и это еще больше утвердило Уилсона в намерении довести намеченный план до конца. Мало ли что говорит этот нахальный номер третий!

Повесив трубку, номер первый повернулся к Уилсону, демонстративно игнорируя третьего.

— Ладно, Джо, если ты пойдешь, то я готов по-

следовать за тобой.

— Вот и отлично, — с облегчением заметил Уилсон. — Тебе нужно сделать всего один шаг. Больше ничего от тебя не потребуется.

— Нет, никуда ты не пойдешь! — вмешался номер третий. Он встал между Уилсоном и Воротами.

Уилсон собрался было возразить, но пьяный двойник опередил его.

— Послушай, ты! Сначала ты ворвался сюда, не спросив разрешения, а теперь еще указываешь, что мне делать, будто я болван какой-то. Если тебе что-нибудь не нравится — выпрыгни в окно, а если ты не знаешь, как это делается, я тебе помогу! Ну, давай!

Не дожидаясь особого приглашения, они начали колотить друг друга. Уилсон вздохнул и подошел к ним, выбирая подходящий момент для того, чтобы сразить третьего одним решительным ударом.

Однако он совершенно напрасно перестал обращать внимание на своего пьяного союзника. Отчаянный, размашистый хук пришелся прямо ему в лицо. Острая боль пронзила рассеченную верхнюю губу, которая еще только начала затягиваться после предыдущей драки. Уилсона

перекосило от боли, и он отскочил назад.

Послышался звук глухого удара, и сквозь туман, застилающий глаза, Уилсон увидел, как в Воротах исчезают ноги. Номер третий, как и прежде, стоял возле Ворот.

— Ну, добился своего! — упрекнул он Уилсона, прижимая к губам костяшки пальцев левой руки.

Несправедливое обвинение возмутило Уилсона. Лицо его все еще продолжало гореть от боли.

— Я? — запротестовал он. — Это ты зашвырнул его туда. Я к нему и пальцем не прикасался.

— Верно, но все равно — ты во всем виноват. Если бы ты не встрял, мне бы не пришлось этого делать.

— Я встрял? Ах ты наглый лицемер! Это ты встрял и начал во все вмешиваться и все портить. Кстати, ты мне кое-что должен объяснить, и тебе не отвертеться. Что это еще за…

Но номер третий не дал ему договорить.

— Оставь это. Сейчас уже слишком поздно, — мрачно сказал он. — Он уже там.

— Слишком поздно для чего? — заинтересовался Уилсон.

— Поздно делать что-то, чтобы остановить эту цепочку событий.

— А зачем нам ее останавливать?

— Затем, — с горечью ответил номер третий, — Дектор обманул меня — я хотел сказать тебя… нет, нас, как парочку последних дурачков. Послушай, ведь он обещал тебе все устроить так, что ты будешь большой шишкой там. — Он указал на Ворота.

— Да, — признался Уилсон.

— Все это полное вранье. Единственное, чего он хочет, — запутать нас в этих проклятых Воротах Времени, чтобы мы до скончания веков болтались в них.

Уилсон почувствовал, что у него в душе зашевелились сомнения. Номер третий вполне мог говорить правду. В самом деле — в том, что произошло до сих пор, было совсем немного смысла. В конце концов, зачем Дектору понадобилась его помощь, зачем ему делить все с Уилсоном пополам, когда он имел в своем далеком раю право первой руки?

— Откуда ты знаешь? — спросил Уилсон.

— Зачем тратить время на пустые разговоры? — устало ответил номер третий. — Почему бы тебе не поверить мне на слово?

— С чего бы это?

Его собеседник в полнейшем отчаянии посмот-

рел на него.

— Если ты не можешь поверить мне, то кому ты вообще можешь верить?

Неоспоримая логика, прозвучавшая в словах номера третьего, только еще сильнее разозлила Уилсона. Его почему-то ужасно раздражал этот нахальный двойник. Сама мысль о том, что он должен слепо повиноваться, возмущала Уилсона.

— Я с Миссури, — заявил он. — Пойду туда и посмотрю сам.

Он сделал движение в сторону Ворот.

— Куда это ты собрался?

— Туда! Я найду там Дектора и разберусь с ним.

— Не делай этого! — сказал двойник. — Может быть, мы сумеем разорвать цепочку событий сейчас.

Но Уилсон ничего не хотел слушать. Видимо, на его лице была написана такая решимость, что номер третий вздохнул и развел руками.

— Ну, давай, — сдался он. — Это будут твои похороны. Я умываю руки.

Уилсон уже занес было ногу, чтобы пройти через Ворота, но в последний момент застыл на месте.

— Что? Хм… как это могут быть только мои похороны?

На лице третьего появилось бессмысленное выражение, а потом глаза его вспыхнули. Это было последнее, что увидел Уилсон, перед тем как шагнул в Ворота.

Зал Ворот был совершенно пуст, когда Боб Уилсон вновь оказался в нем. Он поискал глазами свою шляпу, но нигде ее не нашел, а потом обошел вокруг высокой стойки, пытаясь припомнить, где была дверь. Тут он нос к носу и столкнулся с Дектором.

— А, вот и ты, — приветствовал его хозяин. — Отлично! Отлично! Теперь осталось сделать совсем немного, и все будет в порядке. Должен сказать, что очень доволен тобой, Боб, просто очень доволен.

— Ага, ты мной доволен? — Боб язвительно посмотрел на него. — К сожалению, не могу того же сказать о тебе! Я, черт подери, тобой просто возмущен! Зачем, интересно, ты заставил меня просто плутать в этой бредовой последовательности событий, ни о чем не предупредив? Что вся эта чепуха значит?

— Только не надо так волноваться. Что я тебе, собственно, мог сказать? Что ты отправляешься

на встречу с самим собой? Неужели ты бы мне поверил? Ну, скажи, что я не прав?

Уилсону было нечего возразить.

— Ну вот видишь, — продолжал Дектор, пожимая плечами, — говорить тебе правду было совершенно бессмысленно. Что же мне оставалось делать?

— Так-то оно так…

— Подожди! Я не собирался обманывать тебя. Да на самом деле я и не сказал ни одного лживого слова. Но если бы я сказал тебе правду, ты бы все равно не поверил. Гораздо лучше для тебя было увидеть все своими глазами. А иначе…

— Минуточку! Минуточку! — прервал его Уилсон. — Ты меня совсем запутал. Я готов забыть все прошлые неприятности, если ты объяснишься со мной до конца. Зачем было вообще посылать меня обратно?

— «Забыть прошлые неприятности», — повторил Дектор. — Если бы мы могли! Но такой возможности у нас нет. Именно поэтому я и послал тебя обратно — чтобы ты вошел в Ворота Времени в первый раз.

— Что? Подожди, подожди — я ведь один раз уже входил в Ворота.

Дектор покачал головой.

— Разве? Подумай немного сам. Когда ты вернулся в свое собственное время, ты нашел там самого себя, не так ли?

— Мм… да.

— Ты — вернее, твое прежнее «я» еще не вошло в Ворота?

— Не вошло. Я…

— Как ты мог попасть сюда, если бы не сумел убедить его войти в Ворота?

В голове у Боба Уилсона все перемешалось. Он перестал понимать, кто что кому сказал, кто что сделал и кто за все будет отвечать.

— Но это невозможно! Ты хочешь убедить меня, что я сделал нечто из-за того, что сделаю потом.

— Ну а разве не именно так все и случилось? Ты ведь там был.

— Нет, я не… ну, может, и был, но этого же просто не может быть.

— Но ведь было же! Подобные представления непривычны для тебя — вот и все.

— Но… но… — Уилсон глубоко вздохнул и попытался хоть немного успокоиться. После этого, изрядно напрягшись, сумел выдать одно из своих теоретических суждений. — Происшедшее отрицает все разумные теории о причинно-следственных связях. Ты хочешь, чтобы я поверил в

то, что эти связи могут образовывать кольцо. Я прошел сквозь Ворота потому, что, пройдя сквозь них в первый раз, вернулся обратно и убедил себя пройти сквозь них в первый раз. Это же полнейшая глупость.

— Возможно, но ведь именно так все и случилось?

Возразить было нечего. Дектор продолжал:

— Система причинно-следственных связей прекрасно работает в привычном для тебя временно́м поле, но само это поле лишь частный случай более общих закономерностей. Пространственно-временной континуум вовсе не должен подчиняться ограниченному человеческому восприятию времени и пространства.

Уилсон поразмышлял над услышанным. Звучало это утверждение эффектно, но было в нем что-то скользкое.

— Секундочку, — сказал он, — а как быть с энтропией? Как ее обойти?

— Господи! — запротестовал Дектор, — замолчи уж лучше. Ты напоминаешь мне одного математика, доказавшего, что самолеты не могут летать. — Он отвернулся от Уилсона и направился к двери. — Пошли. Нам еще нужно кое-что сделать.

Уилсон торопливо зашагал за ним.

— Черт возьми! Ты не должен так поступать со мной. Что произошло с двумя другими?

— Какими другими?

— Двумя другими моими «я». Где они? Как мне вообще выбраться из этого кошмара?

— А никакого кошмара нет. Ты ведь не чувствуешь раздвоения или растроения личности?

— Нет, но…

— Ну, тогда тебе не о чем беспокоиться.

— Но я не могу не беспокоиться. Что произошло с тем, который вошел в Ворота до меня?

— А ты сам разве не помнишь? Однако…

Дектор ускорил шаг. Они прошли по коридору и остановились перед неожиданно возникшей дверью.

— Загляни внутрь, — скомандовал Дектор.

Уилсон подчинился. Он увидел маленькую комнату без мебели, комнату, которую сразу узнал. На полу, сладко посапывая во сне, лежал его двойник.

— Когда ты первый раз прошел сквозь Ворота, — начал объяснять стоящий за его спиной Дектор, — я привел тебя сюда, обработал раны и дал тебе выпить. Питье содержало снотворное, которое заставило тебя крепко проспать трид-

цать шесть часов. Тебе этот сон был совершенно необходим. Когда ты проснулся, мы позавтракали, и я объяснил тебе, что нужно сделать.

У Уилсона снова начала болеть голова.

— Хватит! Не говори о парне, который там спит, как будто это я. Я стою здесь, рядом с тобой.

— Как хочешь, — не стал возражать Дектор. — Это тот парень, которым ты был. Теперь вспомнил, какие события с ним произойдут?

— Да, но когда я на него смотрю, у меня начинает кружиться голова. Закрой, пожалуйста, дверь.

— Ладно, — сразу согласился Дектор и выполнил просьбу Уилсона. — Мы должны спешить. Когда некая последовательность сложилась, нельзя терять времени. Пошли. — И Дектор повел Уилсона обратно в Зал Ворот.

— Я хочу, чтобы ты вернулся обратно в двадцатое столетие и раздобыл для нас кое-какие вещи, которых здесь нет, но которые могут нам очень пригодиться в будущем для развития — да, пожалуй, это самое правильное слово — для развития этой страны.

— Какие именно вещи?

— Ну, их довольно много. Я составил для тебя список — справочная литература и кое-что еще. Извини, я должен настроить Ворота. — Дектор за-

брался за высокую стойку. Уилсон последовал за ним и оказался внутри маленького бокса, открытого сверху и с приподнятым полом. С высокого сиденья хорошо были видны ворота.

Пульт управления Воротами произвел на Уилсона странное впечатление.

Четыре разноцветных сферы, размером в половину шарика для пинг-понга, соединялись друг с другом кристаллическими ребрами, образуя тетраэдр. Три сферы в основании тетраэдра были красного, желтого и синего цветов, а четвертая, в вершине, — белого.

— Три сферы служат для изменения пространственных координат, а четвертая контролирует время, — начал объяснять Дектор. — Все очень просто. Используя настоящее время и данную точку пространства как начало координат, мы можем перемещаться вперед и назад вдоль временно́й оси, так же как и в пространстве, — перемещение сферы вдоль соответствующего ребра приводит к нужному результату.

Уилсон внимательно рассматривал систему управления.

— Да, — сказал он, — но как узнать, в какой именно точке пространства находится другой конец Ворот? Или в каком он времени? Я нигде

не вижу никаких шкал.

— А они и не нужны. Ты можешь увидеть, где он находится. Смотри.

Дектор коснулся выступа, находящегося под тетраэдром, на горизонтальной панели. Панель развернулась, и на ней появилось миниатюрное изображение самих Ворот. Дектор нажал еще на какую-то кнопочку, и Уилсон увидел то, что находилось по другую сторону Ворот.

Он как будто заглянул в свою комнату, приложившись не к тому концу телескопа. Видны были две фигурки, но изображение было слишком мелким, и кто именно находился там — ему никак не удавалось понять. Все это произвело на него крайне неприятное впечатление.

— Выключи эту штуку, — попросил Уилсон.

Дектор убрал изображение и сказал:

— Как бы не забыть отдать тебе список. — Он вытащил из рукава листок бумаги и протянул его Уилсону. — Вот он. Возьми, пожалуйста.

Уилсон взял листок и не глядя сунул его в карман.

— Послушай меня, — начал он, — куда бы я ни направлялся, всюду мне попадаются мои двойники. Мне это совсем не нравится. Какое-то размножение. Мне кажется, что я превращаюсь в

целый выводок морских свинок. Я и наполовину не понимаю того, что здесь происходит, а ты снова хочешь загнать меня назад, ничего толком не объяснив. Хватит ходить вокруг да около. Расскажи мне все.

В первый раз на лице Дектора появилось выражение нетерпения.

— Ты глупый, невежественный, юный болван. Я рассказал тебе все, что ты был способен осмыслить. То, что происходит здесь, недоступно твоему пониманию. Пройдет не одна неделя, прежде чем ты начнешь понимать хоть что-нибудь. Я предлагаю тебе полмира в обмен на несколько часов твоей помощи, а ты стоишь здесь и споришь со мной как последний дурак. Отложим этот разговор на потом, я ведь уже просил тебя об этом. А теперь решай — куда мы тебя забросим? — Дектор потянулся к рукояткам управления.

— Не трогай рукоятки! — рявкнул Уилсон. У него вдруг появились кое-какие соображения. — Кто ты, собственно, такой?

— Я? Дектор.

— Ты же прекрасно понимаешь, что я тебя не об этом спрашиваю. Откуда ты знаешь английский язык?

Дектор ничего не ответил. Его лицо стало непроницаемым.

— Ну, давай, — настаивал Уилсон. — Ты ведь не здесь ему научился, я в этом уверен. Ты из двадцатого столетия, верно?

Дектор кисло улыбнулся.

— А я все ждал, когда это до тебя дойдет.

Уилсон кивнул.

— Может быть, я соображаю и не очень быстро, но я и не так глуп, как ты думаешь. Давай, рассказывай мне все.

Дектор покачал головой.

— Это не имеет отношения к делу. К тому же мы теряем время.

Уилсон рассмеялся.

— Ты слишком часто меня торопишь. Как мы можем терять время, когда у нас есть такая штука? — Он показал на Ворота. — Если ты только не наврал мне, мы можем распоряжаться временем по собственному усмотрению. Нет, мне кажется, я начинаю догадываться, почему ты постоянно торопишь меня. Или тебе необходимо побыстрее избавиться от меня, или то дело, которое ты хочешь поручить мне, дьявольски опасно. Однако я знаю, как решить эту проблему, — ты пойдешь со мной!

— Ты сам не понимаешь, что говоришь, — медленно заговорил Дектор. — Это невозможно. Я должен оставаться у пульта управления.

— Ничего у тебя не выйдет. Ты ведь можешь заслать меня туда, откуда мне уже будет не вернуться. Я предпочитаю не выпускать тебя из виду.

— Об этом не может быть и речи, — отозвался Дектор. — Ты должен довериться мне. — Он снова склонился над рукоятками управления.

— Ну-ка отойди отсюда! — закричал Уилсон. — Отойди, а не то я тебе врежу как следует.

Под злобным взглядом и высоко поднятым кулаком Уилсона Дектор отошел от консоли управления.

— Вот так-то лучше, — добавил Уилсон, когда они вышли из бокса.

Наконец-то обрывки мыслей, которые уже давно не давали ему покоя, приняли определенную форму. Он знал, что в данный момент Ворота Времени были настроены на его комнату, в которой он живет — или жил — в двадцатом столетии. Судя по тому, что он успел разглядеть на дисплее управления, машина была настроена на тот самый день 1952 года, когда все началось.

— Стой здесь, — скомандовал он Дектору, — я

хочу кое на что посмотреть.

Уилсон подошел к Воротам, словно бы для того, чтобы осмотреть их, но вместо того, чтобы остановиться перед ними, прошел сквозь них.

На этот раз он был гораздо лучше подготовлен к тому, что увидел в комнате, чем когда он возвратился сюда в первый раз. Тем не менее встреча с собственным двойником не могла не действовать на нервы. Особенно если их — двойников — было целых два.

Да, он снова находился в собственной комнате. Оба его двойника были так поглощены друг другом, что поначалу не обратили никакого внимания на его появление; благодаря этому у Уилсона появилась возможность немного привести свои мысли в порядок. У одного из двойников был здоровенный синяк под глазом и рассеченная верхняя губа. Кроме того, его лицо сильно заросло щетиной. Это что-то напомнило Уилсону. У другого лицо было в полном порядке, но ему тоже не мешало бы побриться.

Теперь Уилсон сообразил, в какой именно момент он попал в свою комнату. Все по-прежнему оставалось дьявольски запутанным, но после известных событий он уже лучше ориентировался в этой дурацкой ситуации и понял, что снова

оказался в самом начале всей истории. Теперь он положит конец этой бредовой ерунде раз и навсегда.

Его двойники тем временем спорили. Один из них, пошатываясь, направился к постели. Другой схватил его за руку.

— Ты не можешь так поступить! — закричал он.

— Оставь его в покое! — вмешался Уилсон.

Оба двойника разом обернулись. Уилсон увидел, как во взгляде более трезвого из них выражение удивления сменилось узнаванием. Номер первый, похоже, лишь с большим трудом сохранял вертикальное положение.

«Да, — подумал Уилсон, — нелегкая мне предстоит работенка. Этот тип здорово набрался».

Он подивился, как вообще можно столько выпить на пустой желудок. Это было не просто глупо — таким образом зря пропадал отличный джин.

Интересно, осталось ли там что-нибудь для него.

— Кто вы такой? — с пьяной настойчивостью спросил номер первый.

Уилсон кивнул на Джо.

— Он меня знает, — со значением заявил он.

Джо внимательно оглядел его с ног до головы.

— Да, — сказал Джо, — пожалуй, я тебя знаю. Но какого черта ты здесь делаешь? И почему ты пытаешься сорвать наш план?

Уилсон прервал его.

— Нет времени для длинных объяснений. Я знаю об этом больше, чем ты, — тебе это придется признать, — и мое мнение стоит дороже. Он не должен проходить через Ворота.

— Я с этим никогда не соглашусь…

Зазвонивший телефон прервал их спор. Уилсон был рад, что их прервали, потому что он понял: начинать следовало совсем не так. Неужели он действительно такой упрямый и ограниченный, как этот тип? Неужели он производит на других людей такое же впечатление? Однако для самокопания момент был не самым подходящим.

— Возьми трубку! — скомандовал Уилсон.

Пьяный Уилсон злобно посмотрел на него, но трубку взял, когда заметил, что Джо сделал движение в сторону телефона.

— Алло?.. Да. С кем я говорю? Алло… Алло! — Он несколько раз нажал на рычаг, а потом повесил трубку.

— Кто это был? — спросил Джо.

— А, так. Какой-то болван с извращенным чувством юмора.

Телефон снова зазвонил.

— Опять он, — пробормотал номер первый, схватив трубку прежде, чем кто-нибудь успел среагировать. — Послушай, ты, обезьяна с куриными мозгами! Я занятой человек, и ты займись-ка лучше чем-нибудь полезным… Что? А, это ты, Женевьева. Извини меня, пожалуйста, извини… Ты просто не понимаешь, дорогая. Какой-то псих морочил мне голову по телефону, и я думал, что это опять он. Ты же знаешь, что с тобой я никогда не стал бы так разговаривать, малышка… — Уилсон не обращал особого внимания на разговор — он уже не раз его слышал, к тому же в данный момент Уилсону было о чем подумать. Номер первый так набрался, что разговаривать с ним бесполезно. Значит, нужно направить все усилия на то, чтобы убедить в своей правоте Джо, — иначе ему придется сражаться против двоих сразу.

— Что? Сегодня? Ты сказала — сегодня?.. Конечно. Все в порядке. Послушай, малышка, у меня тут возникли кое-какие проблемы. Весь день со мной происходят всякие неприятности, и они никак не кончаются. Я загляну к тебе вечерком, мы во всем разберемся. Однако я твердо знаю, что сегодня я у тебя не был… Что? А, ну да, конечно! Так или иначе, но я к тебе еще заскочу. Пока.

«Теперь самое время, — подумал Уилсон, — пока эта тупая обезьяна не успела открыть рот. Что же сказать? Как его убедить?»

Однако номер первый успел заговорить первым.

— Ладно, Джо, — заявил он, — если ты пойдешь, то я готов последовать за тобой.

— Вот и отлично, — заметил Джо. — Тебе нужно сделать всего один шаг. Больше ничего от тебя не потребуется.

Ситуация явно выходила из-под контроля, события развивались совсем не так, как того хотелось Уилсону.

— Нет, никуда ты не пойдешь! — вмешался Уилсон. Он встал между номером первым и Воротами. Он должен заставить их поверить ему, и немедленно.

Но у него так и не возникло подобной возможности. Пьяный номер первый бросился на него. Уилсона вдруг охватило радостное возбуждение — он понял, что уже довольно давно мечтает трахнуть кого-нибудь по носу. Кто они такие, чтобы шутить с его будущим?

Номер первый никак не мог скоординировать свои движения. Поэтому Уилсон легко увернулся и нанес удар прямо ему в лицо. Такой удар, несо-

мненно, произвел бы впечатление на трезвого человека, но номер первый только замотал головой — он явно хотел получить добавки. С другой стороны приближался Джо. Уилсон решил, что пора кончать с первым противником и перенести все внимание на Джо, который был куда более опасен.

Когда его копии стали мешать друг другу, Уилсон не упустил свой шанс. Он отступил на шаг назад, тщательно прицелился и нанес мощный удар левой — наверное, это был самый сильный удар, который ему когда-либо приходилось наносить в жизни. Номер первый даже на короткое время оказался в воздухе.

И, уже нанеся удар, Уилсон заметил, где в этот момент находились Ворота, и вдруг с тоской понял, что вся сцена подошла к неизбежному концу.

Он остался один с Джо, а их компаньон исчез за Воротами Времени.

Первая реакция Уилсона была совершенно нелогичной, но вполне естественной: вот-посмотри-что-ты-заставил-меня-сделать.

— Ну, добился своего! — с горечью упрекнул он Джо, прижимая к губам костяшки пальцев левой руки.

— Я? — запротестовал Джо. — Это ты зашвырнул его туда. Я к нему и пальцем не прикасался.

— Верно, — вынужден был признать Уилсон, — но все равно — ты во всем виноват. Если бы ты не встрял, мне бы не пришлось этого делать.

— Я встрял? Ах ты наглый лицемер! Это ты встрял и начал во все вмешиваться и все портить. Кстати, ты мне кое-что должен объяснить, и тебе не отвертеться. Что это еще за…

— Оставь это, — перебил его Уилсон. Его злило, что он был не прав, и еще сильнее он раздражался оттого, что был вынужден это признать. Только теперь он начал понимать, что вся его затея с самого начала была совершенно безнадежной. — Сейчас уже слишком поздно. Он уже там.

— Слишком поздно для чего?

— Поздно делать что-то, чтобы остановить эту цепочку событий. — Уилсон начал понимать, что он постоянно опаздывает, причем не имеет ни малейшего значения, сколько сейчас времени, или какой сейчас год, или сколько раз он уже пытался изменить эту последовательность событий. Теперь он вспомнил, как уже проходил сквозь Ворота один раз и как видел себя спящим на полу в той маленькой комнате. События все равно уже произошли.

— А зачем нам ее останавливать?

Объяснять не было никакого смысла, но ему было необходимо хоть какое-то оправдание в собственных глазах.

— Затем, — сказал он. — Дектор обманул меня — я хотел сказать тебя… нет, нас, как парочку последних дурачков. Послушай, ведь он обещал тебе все устроить так, что ты будешь большой шишкой там. — Он указал на Ворота.

— Да…

— Все это полное вранье. Единственное, чего он хочет, — запутать нас в этих проклятых Воротах Времени, чтобы мы до скончания веков болтались в них.

Джо пристально посмотрел на него.

— Откуда ты знаешь? — спросил он у Уилсона.

Так как на самом деле Уилсон не был уверен в том, что говорил, то он ускользнул от прямого ответа.

— Зачем тратить время на пустые разговоры? Почему бы тебе не поверить мне на слово?

— С чего бы это?

«С чего бы это? — подумал Уилсон. — Как ты не понимаешь, я — это ты, но старше тебя и опытнее, и ты должен верить мне».

А вслух он ответил:

— Если ты не можешь поверить мне, то кому ты вообще можешь верить?

Джо мрачно крякнул и, немного подумав, заявил:

— Я с Миссури. Пойду туда и посмотрю сам. — Тут Уилсон заметил, что Джо сделал движение в сторону Ворот.

— Куда это ты собрался?

— Туда! Я найду там Дектора и разберусь с ним.

— Не делай этого! — взмолился Уилсон. — Может быть, мы сумеем разорвать цепочку событий сейчас.

Но на лице Джо была написана такая решимость, что Уилсон вздохнул и развел руками.

— Ну, давай, — сдался он. — Это будут твои похороны. Я умываю руки.

Джо остановился перед Воротами.

— Что? Хм-м, как это могут быть только мои похороны?

Уилсон, онемев, смотрел, как Джо проходит сквозь Ворота. Чьи похороны? Он совсем не подумал об этом в таком разрезе. Ему вдруг ужасно захотелось броситься сквозь Ворота, догнать своего двойника и присмотреть за ним. Этот дурачок может натворить там дел. А если его убьют? Что

тогда будет с Бобом Уилсоном? Он тогда тоже умрет!

Но может ли такое быть? Может ли смерть человека в будущем, которое отделяют от настоящего тысячи лет, убить его в 1952 году? Вдруг он увидел всю абсурдность этой ситуации и почувствовал большое облегчение. Действия Джо не могут подвергнуть его опасности — Уилсон вспомнил все, что Джо сделал, точнее, еще только должен будет сделать. Он поспорит с Дектором и в свое время вернется обратно через Ворота Времени. Ведь Джо — это он сам. Трудно было поверить в это.

Да, он был Джо. Точно так же, как он был номером первым. Они пройдут путь вслед за ним и окажутся на месте. Во всяком случае, должны оказаться.

Одну минуточку — значит, вся эта безумная история на том и закончится? Он сумел ускользнуть от Дектора, разобрался со своими двойниками и теперь остался при своих — если не считать выросшей щетины и, вероятно, шрама на верхней губе. Ладно, пора и честь знать. Теперь нужно побриться и снова приниматься за работу.

Пока Уилсон брился, он рассматривал в зеркале свое лицо и размышлял о том, почему не узнал себя в первый раз. Пришлось признать, что он

никогда не разглядывал внимательно свое лицо. Уилсон всегда принимал его как некую данность, не представляющую особого интереса.

Теперь он чуть не свернул себе шею, пытаясь разглядеть свой профиль.

Когда он вышел из ванны, на глаза ему попались Ворота. Почему-то Уилсон решил, что к этому моменту они должны были исчезнуть. Однако они оставались на прежнем месте. Он внимательно осмотрел Ворота, обойдя их несколько раз кругом, стараясь при этом их не касаться. Неужели эта проклятая штука никогда не уберется из его комнаты? Ворота уже сыграли свою роль; почему Дектор до сих пор не закрыл их?

Уилсон встал перед ними, и им овладело странное ощущение, напоминающее то, которое тянет людей спрыгнуть с огромной высоты вниз. Что произойдет, если он еще раз войдет туда? Что он там найдет? Он подумал об Арме. И той, другой — как ее звали? Возможно, Дектор так и не назвал ее имени.

Однако Уилсон заставил себя не думать о них и сел за стол. Если он собирается оставаться здесь — а у него нет никаких оснований сомневаться в этом, — он должен завершить свою диссертацию. Нужно же что-то есть, ему просто необходимо

получить степень — тогда он сможет рассчитывать на приличную работу. Так на чем же он остановился?

Двадцать минут спустя Уилсон пришел к выводу, что диссертацию необходимо переписать с самого начала до самого конца. Ее основная тема — применение эмпирических методов к решению задач сравнительной метафизики и выражение решения в четких математических формулах — была сделана вполне грамотно, но теперь у него появилась масса новых сведений, которые требовали серьезного осмысления и обработки. Перечитывая диссертацию, Уилсон ужасно удивлялся своему догматизму. Раз за разом впадал он в картезианские софизмы, путая *понятные* рассуждения с *верными*.

Он попытался набросать новые тезисы, но оказалось, что существуют две проблемы, которые до сих пор остаются для него открытыми: проблема эго и проблема свободной воли. Когда они находились в комнате втроем, кто из них обладал его эго — кто был им самим? И почему получилось так, что он не мог изменить ход событий?

Ответ на первый вопрос поразил Уилсона своей абсурдной простотой. Эго — это и есть он сам. Я есть я — недоказанное и недоказуемое утвержде-

ние, которое можно испытать непосредственно. Кем же тогда были двое остальных? Несомненно, они были также твердо уверены в том же самом — он это хорошо помнил. Уилсон стал думать о том, как это можно поточнее сформулировать: эго есть некая черта, присущая сознанию, последняя отметка в постоянно развивающейся последовательности воспоминаний. Это звучало как некое обобщение, но Уилсон не был до конца уверен в его правильности; ему было просто необходимо перевести эти слова в математические символы. Слова содержали в себе такие странные ловушки.

Зазвонил телефон.

Уилсон механически поднял трубку.

— Алло.

— Это ты, Боб?

— Да, а с кем я говорю?

— Ну дорогой, это же Женевьева. Что с тобой сегодня происходит? Ты уже второй раз подряд не узнаешь мой голос.

В Уилсоне вдруг стало подниматься разочарование и раздражение. Вот еще одна проблема, которую ему никак не разрешить, — что ж, придется решить ее сейчас. Он проигнорировал ее жалобу.

— Послушай, Женевьева, я ведь говорил тебе, чтобы ты не звонила мне по телефону, когда я работаю. До свидания!

— Ну знаешь… после того… ты не имеешь права так разговаривать со мной, Боб Уилсон! Во-первых, ты сегодня не работаешь. Во-вторых, что заставляет тебя думать, что ты можешь говорить мне разные ласковые слова, а уже через два часа рычать на меня? Теперь я уже совсем не так уверена, что хочу выйти за тебя замуж.

— Ты думаешь, что я собираюсь на тебе жениться? С чего это тебе в голову пришла такая дурацкая мысль?

Несколько секунд трубка страшно верещала. Когда шум начал потихоньку стихать, он твердо сказал:

— А теперь успокойся. Сейчас не те времена, когда стоило парню несколько раз пригласить девушку на свидание, как он уже должен был на ней жениться.

Последовало короткое молчание.

— Значит, ты решил поиграть со мной? — Голос ее стал таким холодным, жестким и пронзительным, что Уилсон едва узнавал его. — Ну что ж, есть разные способы разобраться с таким, как ты. Слава богу, в нашем штате закон защищает

женщину!

— Ты это должна хорошо знать, — со злостью ответил он, — ведь ты болтаешься в студенческом городке достаточно долго.

В трубке раздались короткие гудки.

Он отер пот со лба. Эта дамочка, тут у него не было никаких сомнений, могла устроить кучу неприятностей. Уилсона предупреждали об этих ее способностях еще до того, как он начал с ней встречаться, но он всегда был уверен в том, что сумеет позаботиться о себе. Следовало быть поосторожнее, но он никак не ожидал, что ситуация может так обостриться.

Он попробовал вернуться к работе над диссертацией, но обнаружил, что не в состоянии сосредоточиться. Ему вдруг показалось, что последний срок сдачи работы — 10 часов завтрашнего утра — надвигается на него стремительно и неотвратимо. Уилсон бросил взгляд на ручные часы. Они встали. Он поставил их по будильнику — четыре пятнадцать. Даже если он просидит всю ночь, ему все равно не довести диссертацию до конца.

А тут еще эта история с Женевьевой…

Снова зазвонил телефон. Уилсон не стал брать трубку. Пусть себе звонит. Однако телефон продолжал названивать. Он не выдержал, поднял

трубку, а потом снова опустил ее на рычаг. Больше он с ней разговаривать не будет.

Уилсон подумал об Арме. Вот такая девушка ему вполне подходит. И ведет себя достойно. Он подошел к окну и посмотрел на пыльную, шумную улицу. Невольно Уилсон сравнил ее с видом, который открывался с балкона у Дектора — прекрасная зеленая лужайка, тишина и напоенный ароматами воздух. А здесь был тесный, душный мир. Уилсон в очередной раз пожалел, что Дектор не был с ним до конца откровенным.

И вдруг его осенило. Ведь Ворота все еще открыты! Зачем ему беспокоиться о Декторе? Он сам хозяин своей судьбы. Нужно вернуться и попытаться что-нибудь сделать — терять ему, в общем-то, нечего, а приобрести он может целый мир.

Он подошел к самым Воротам и в раздумье остановился перед ними. Разумно ли он поступает? В конце концов, что ему вообще известно о будущем?

Он услышал приближающиеся шаги, кто-то шел по коридору мимо его квартиры, нет — человек остановился возле двери. Уилсон был убежден, что это Женевьева. Тогда он наконец решился и сделал шаг вперед.

В Зале Ворот никого не было. Он обошел вокруг платформы, на которой находилась консоль управления Воротами и, приближаясь к двери, услышал: «Пошли. Нам еще нужно кое-что сделать». Две фигуры выходили в коридор. Уилсон сразу же их узнал и застыл на месте.

Да, он чуть-чуть не попался. Теперь нужно будет подождать, пока они уйдут. Уилсон осмотрелся, пытаясь разыскать место, где можно было бы спрятаться, но не нашел ничего подходящего, кроме бокса с консолью управления. Это ничего не давало — они должны были скоро вернуться. Однако…

Когда Уилсон входил в бокс, план действий уже начал смутно формироваться у него в голове. Если он сможет разобраться с управлением Ворот, то у него появится шанс решить все проблемы сразу. Если только он сумеет включить отражатель, благодаря которому можно видеть, куда выходят Ворота Времени. Уилсон пытался вспомнить, что делал Дектор, когда включал это устройство. Совершенно машинально он полез в карман за спичками.

Однако вместо спичек ему в руку попал листок бумаги. Это был список Дектора. В нем перечислялись вещи, которые Уилсону нужно было

принести из двадцатого столетия. События развивались так стремительно, что Уилсон так до сих пор и не посмотрел, что там перечислялось.

По мере того как он читал, брови его все выше поднимались. Это был очень странный список. Уилсон предполагал, что там перечислены разные научные книги, образцы современных приборов и устройств, оружие. Однако ничего подобного в списке не было. И все же все предметы в списке объединяла какая-то безумная логика. В конце концов, Дектор хорошо знал здешних людей. Возможно, им требовалось именно это.

Уилсон еще раз обдумал свой план, который основывался на том, что он сможет разобраться с управлением Воротами. Теперь он решил вернуться назад и сделать все закупки по списку Дектора — только вот принесет он их сюда не для Дектора, а для себя. В полумраке бокса он пытался найти способ включить отражатель. Вдруг его рука наткнулась на что-то мягкое. Тихонько вскрикнув, он схватил эту штуку и вытащил ее на свет.

Это была его собственная шляпа.

Уилсон надел ее на голову, решив, что сюда шляпу засунул Дектор, и снова начал осторожно ощупывать все вокруг. На сей раз он нашел

маленькую записную книжку. Похоже, что ему наконец повезло — очень может быть, там содержались указания по управлению Воротами. Уилсон начал нетерпеливо перелистывать странички.

Нет, это было совсем не то, на что он рассчитывал. Все странички аккуратно исписаны Дектором. На каждой — по три колонки: английские слова составляли первую, во второй использовались международные фонетические символы, а в третьей были совершенно незнакомые значки. Не требовалось особого ума, чтобы сообразить: у него в руках оказался словарь. С широкой улыбкой он сунул книжечку в карман; Дектору наверняка потребовался не один месяц, может быть, даже годы ушли у него на то, чтобы составить этот словарь. Теперь Уилсон сумеет воспользоваться плодами его трудов.

С третьей попытки ему удалось нажать на нужную кнопку — отражатель включился. Уилсон снова ощутил странную неловкость — он опять видел свою комнату — в ней, как и прежде, находилось два человека. Ему совсем не хотелось участвовать в этой сцене в четвертый раз — в этом он был уверен. Очень осторожно Уилсон коснулся одной из цветных сфер.

Сцена на экране отражателя мгновенно изменилась. Теперь Ворота зависли над студенческим городком на высоте третьего этажа. Он был очень доволен, что ему удалось убрать Ворота из своей комнаты, но высота в три этажа его не устраивала — так можно и шею свернуть. Повозившись немного с двумя другими сферами, Уилсон обнаружил, что одна из них позволяет приближать или удалять место выхода из Ворот, а другая перемещает выход вверх или вниз.

Уилсон хотел расположить Ворота так, чтобы они не привлекали постороннего внимания. Тут ему пришлось немного повозиться: идеального места попросту не существовало, поэтому в конце концов Уилсон выбрал глухую аллею, выходящую на маленький дворик, образованный трансформаторной будкой подстанции и задней стеной библиотеки. Осторожно и не слишком ловко он все-таки сумел переместить Ворота в выбранное место, опустив их между глухими, без окон, стенами двух зданий. Должно сойти!

Выскользнув из бокса, Уилсон подошел к Воротам и без долгих колебаний шагнул обратно в свое время.

В результате он чуть не разбил нос о кирпичную стену.

«Еще немного, и дело бы закончилось для меня печально», — подумал он, вылезая из узкого промежутка между стеной и Воротами.

Круг висел дюймах в пятнадцати над землей, почти параллельно стене. Немного подумав, Уилсон решил, что между кругом и стеной достаточно места и ему можно не возвращаться обратно, чтобы чуть отодвинуть Ворота. Он быстро вышел из дворика и направился прямиком в местное отделение банка. За окном сидела его знакомая кассирша.

— Привет, Боб.

— Привет, Плакса. Возьмешь чек?

— На сколько?

— На двадцать долларов.

— Ну, могу рискнуть. А чек-то надежный?

— Не очень. Мой собственный.

— Тогда я могу вложить в него деньги как в раритет. — Она протянула ему деньги.

— Так и сделай, — посоветовал Уилсон. — Мои автографы станут большой редкостью, за ними будут охотиться коллекционеры. — Он взял деньги и направился в книжный магазин, который находился в том же здании. Большинство книг из списка нашлись на полках. Десять минут спустя он купил следующие книги:

«Государь» Никколо Макиавелли.

«Оборотная сторона выборов» Джеймса Фарли.

«Моя борьба» Адольфа Шикльгрубера.

«Как заводить друзей и оказывать влияние на людей» Дейла Карнеги.

Остальных книг в магазине не было. Уилсон направился в университетскую библиотеку, где он раздобыл «Недвижимость. Пособие для брокеров», «Историю музыкальных инструментов» и толстый том «Эволюции моды». Последняя книга была роскошно издана, с многочисленными цветными иллюстрациями. Библиотекарь долго не хотел давать ее на дом, Уилсону лишь с большим трудом удалось его уговорить выдать ему книгу на двадцать четыре часа.

К этому моменту он был уже довольно солидно нагружен, поэтому зашел в небольшой магазинчик и купил две здоровенные подержанные сумки, в одну из которых сложил книги. Оттуда он направился в крупнейший музыкальный магазин города и провел там сорок пять минут, выбирая пластинки, стараясь, чтобы они обладали максимальным эмоциональным воздействием; при этом он не пренебрегал ни джазом, ни классикой. В результате у него получился довольно-таки странный набор: от Марсельезы и

«Болеро» Равеля до Кола Портера и «Послеполуденного отдыха фавна».

Потом Уилсон купил самый дорогой механический проигрыватель, хотя продавец всячески уговаривал его выбрать электрический. Выписав чек, он упаковал все покупки в сумки и попросил продавца вызвать ему такси.

У Уилсона возникло неприятное чувство, когда он расплачивался чеком. Это был чистой воды обман — у него на счету не осталось ни гроша. Он сразу стал настаивать, чтобы они обязательно позвонили в банк, — ведь ему так хотелось, чтобы они этого не делали. И сработало! Уилсон подумал, что установил мировой рекорд по выдаче фиктивных чеков — на тридцать тысяч лет.

Когда такси остановилось неподалеку от той аллеи, где находились Ворота, Уилсон, горя от нетерпения, выскочил из машины и поспешил во дворик.

Ворота исчезли.

Он постоял несколько минут, тихонько насвистывая. Теперь он рассматривал свою хитроумную деятельность совсем под другим углом — ответственность за выдачу фиктивных чеков вдруг перестала быть чисто гипотетической.

Он почувствовал, как его потянули за рукав.

— Послушай, старина, тебе нужна машина или нет? Счетчик-то не выключен.

— Что? А, конечно. — Он последовал за шофером и забрался обратно в машину.

— Куда поедем?

Ясности с этим вопросом у Уилсона не было. Он посмотрел на часы, но тут же сообразил, что его часы просто не могут показывать правильное время.

— Который час?

— Два пятнадцать, — ответил шофер.

Уилсон переставил стрелки на часах.

Сейчас в его комнате идет такое веселье, что ему туда лучше нос не совать. Нет, домой он не поедет, во всяком случае, не сейчас. Подождет, когда его кровные братья закончат свои веселые игры с Воротами.

Ворота!

Они еще были в его комнате в четверть пятого. Если он правильно рассчитает время…

— Поехали на угол Четвертой и Маккинли, — сказал Уилсон, назвав перекресток, ближайший к своему дому.

Там он расплатился с шофером и оставил сумки на хранение на заправочной станции. Теперь ему нужно было убить два часа. Уилсон боялся

уходить далеко от дома, чтобы не произошло какой-нибудь накладки.

В этот момент Уилсон вспомнил, что у него осталось одно незаконченное дельце, — времени более чем достаточно, чтобы разобраться с ним. Весело насвистывая, он прошел пару кварталов и остановился перед дверями квартиры номер 211.

В ответ на его стук дверь осторожно приоткрылась, а потом и совсем распахнулась.

— Боб, милый. А я думала, что ты сегодня целый день работаешь.

— Приветик, Женевьева. Ничего подобного — у меня образовалось свободное время.

Она бросила взгляд через плечо.

— Вот уж не знаю, следует ли мне пускать тебя, — у меня даже посуда не вымыта и кровать не застелена — я ведь тебя никак не ждала. Я еще только начала краситься.

— Не будь такой скромницей. — Он шагнул мимо нее в квартиру.

Выходя от Женевьевы, Уилсон посмотрел на часы. Полчетвертого — еще полно времени. Он шел по улице, а на лице у него было выражение, как у канарейки, которая только что пообедала кошкой.

Уилсон поблагодарил служащего бензоколон-

ки, дал ему четверть доллара за беспокойство, после чего у него остался одинокий десятицентовик. Он посмотрел на монетку, усмехнулся, подошел к телефону-автомату и набрал свой собственный номер.

— Алло, — услышал он в трубке знакомый голос.

— Алло, — ответил он. — Это Боб Уилсон?

— Да. С кем я говорю?

— Не имеет значения. Я просто хотел убедиться, что ты дома. Я так и думал, что ты должен быть сейчас дома. Ты попал в колею, приятель, в самую колею. — Широко улыбаясь, Уилсон повесил трубку.

В десять минут пятого Уилсон стал так нервничать, что больше уже не мог ждать. Пошатываясь под тяжестью двух набитых сумок, он зашагал к дому. Поднявшись по лестнице, он остановился перед дверью квартиры и услышал, как в комнате зазвонил телефон. Уилсон посмотрел на часы — пятнадцать минут пятого. Подождав три невыносимо долгих минуты, он открыл дверь и вошел в свою квартиру.

В комнате было пусто. Ворота были на месте.

Не останавливаясь, опасаясь только того, что Ворота могут в любой момент исчезнуть, пока он

идет к ним, Уилсон покрепче перехватил сумки и шагнул в круг.

В Зале Ворот, к его несказанному облегчению, никого не было. Наконец-то ему повезло, с облегчением подумал Уилсон. Теперь ему нужно всего пять минут. Пять минут — больше он ничего не просит. Он оставил сумки рядом с Воротами, на тот случай, если ему придется быстро уносить ноги. Тут-то Уилсон и заметил, что у одной из сумок не хватает целого угла и из дыры торчит половина книги, перерезанной, словно гильотиной. Присмотревшись, Уилсон понял, что это «Моя борьба».

Он не стал особенно жалеть о потере книги, но по спине у него пробежал холодок — Уилсон вдруг представил себе, что было бы, если бы на месте книги оказался он сам! Человек, разрезанный надвое, — и никаких тебе иллюзий!

Он отер лоб и направился к боксу, где помещалась консоль управления Воротами. Вспомнив объяснения Дектора, он свел все четыре сферы вместе. Выглянув из бокса, обнаружил, что Ворота исчезли.

«Вот так! — подумал он. — Все на нуле — и Ворот нет».

Он слегка подвинул белую сферу. Ворота по-

явились. Включив отражатель, Уилсон убедился в том, что теперь Ворота выходят в зал. Пока все хорошо — но как ему узнать, сколько времени прошло? Глядя в зал, ничего не узнаешь. Он чуть дотронулся до сферы, при помощи которой происходило перемещение в горизонтальной плоскости. Теперь Ворота оказались висящими за стенами дворца. Вернув белую, временную сферу на ноль, он начал очень медленно перемещать ее. На отражателе солнце описало стремительную огненную дугу и скрылось за горизонтом; дни начали мелькать один за другим, периодически озаряя экран отражателя огненными дугами солнца. Уилсон увеличил скорость и увидел, как побурела, побелела, а потом снова позеленела земля.

Действуя с величайшей осторожностью, придерживая правую руку левой, он заставлял год за годом маршировать перед ним на экране. Уилсон успел насчитать десять зим, когда послышались голоса. Он застыл на месте, прислушиваясь, а потом торопливо свел три сферы, соответствующие пространственным координатам, на ноле, оставив время как было — на десять лет смещенным в прошлое, — и выскочил из бокса.

Уилсон едва успел схватить сумки, поднять их

и проскочить в Ворота. Правда, на этот раз он постарался не задеть края круга.

Как Уилсон и предполагал, он оказался в Зале Ворот, причем если ему удалось ничего не напутать, то теперь он переместился во времени на десять лет назад. Уилсон намеревался получить еще большую фору перед Дектором, но не успел. Однако, судя по словам Дектора и его черному блокнотику, тот сам пришел из двадцатого столетия, из чего следовало, что десяти лет должно было вполне хватить. Возможно, что Дектора в этом времени вообще не было. А если и был, то Уилсон в любой момент может сбежать при помощи Ворот Времени. А сейчас вполне разумно все здесь разведать, прежде чем совершать новые перемещения во времени.

Уилсону вдруг пришло в голову, что Дектор может попытаться разыскать его при помощи отражателя Ворот Времени. Не сообразив, что быстрота в данном случае его все равно не спасет — ведь с экрана отражателя можно было заглянуть в любое время, — он торопливо потащил обе сумки в бокс. Оказавшись за спасительными стенами, он удовлетворенно вздохнул. Теперь он сам мог проследить за своим соперником. Все сферы были установлены на ноль; пользуясь уже

знакомой техникой, Уилсон начал путешествие во времени — на десять лет вперед, после чего начал менять пространственные координаты, осторожно сводя их к нулю. Задача была очень трудной — нужно было проверить промежуток времени в несколько месяцев, который проскакивал на отражателе с такой быстротой, что его глаз не успевал следить за происходящим. Несколько раз ему показалось, что он заметил скользнувшие по экрану тени, которые вполне могли бы быть людьми, но ему никак не удавалось увидеть их, когда он останавливал сферу, контролирующую время.

Уилсон с раздражением подумал, что конструктор Ворот Времени мог бы обеспечить их более удобной временной шкалой и чувствительной системой каких-нибудь реле, чтобы можно было медленнее изменять время. Только немного позднее он сообразил, что создателю Ворот Времени, вполне возможно, совсем и не требовалось такой точности, Уилсон уже готов был сдаться, когда в самый последний момент, по чистой случайности, его усилия были вознаграждены: появилась фигура.

Это был он сам с двумя тяжелыми сумками в руках. Уилсон увидел, как его фигура прибли-

жается к экрану отражателя, все больше растет и наконец исчезает. Он выглянул на площадку перед Воротами, ожидая, что сейчас из круга появится его очередной двойник.

Однако перед Воротами никто не появился. Сначала это его удивило, но потом он сообразил, что в том времени, в котором он находится, это событие уже произошло несколько минут назад. Теперь Уилсону оставалось только сидеть и наблюдать за тем, что произошло в Зале Ворот после того, как он ускользнул оттуда. Почти сразу же в Зале появились Дектор и очередной Уилсон. Он сразу вспомнил эпизод, который проигрывался сейчас на экране отражателя. Перед ним был Боб Уилсон номер третий — сейчас он начнет спорить с Дектором, а потом ускользнет от него в двадцатое столетие.

Ничего другого Уилсону и не требовалось — Дектор не видел его и даже не предполагал, что Уилсон воспользовался без спросу Воротами Времени и прячется сейчас в прошлом. Значит, и искать Уилсона Дектор не станет. Он вернул все сферы на ноль и выкинул Дектора из головы.

Теперь у него возникли новые проблемы — прежде всего нужно было поесть. Тут только Уилсон удивился, почему он не позаботился о

том, чтобы захватить с собой продуктов хотя бы на пару дней. Да и пистолет ему бы не помешал. Пришлось признать, что он не проявил необходимой предусмотрительности. Однако вряд ли следовало всерьез упрекать себя в чем-нибудь — события развивались с такой быстротой и непредсказуемостью, что он едва поспевал за ними.

— Что ж, старина Боб, — громко подбодрил он себя, — посмотрим, так ли приветливы и безобидны местные жители, как это утверждал Дектор.

Осторожное изучение покоев дворца убедило Уилсона, что в нем никто не живет — нигде ему не удалось найти ни души. Повсюду царила стерильная чистота — никаких следов жизни. Он даже один раз крикнул, просто чтобы услышать звук собственного голоса. Пронзительное эхо заставило его вздрогнуть; больше он кричать не стал.

Архитектура дворца смущала Уилсона. Дело было даже не в том, что она была довольно странной — другого он и не ждал, — просто возникало ощущение, что дворец абсолютно не приспособлен для того, чтобы в нем жили человеческие существа. Огромные залы, в которых могли бы поместиться, наверное, десять тысяч человек, если

бы им было на чем стоять. Во многих помещениях не было пола — в общепринятом смысле этого слова: Уилсон шел по коридору и неожиданно оказался перед входом в таинственное необъятное пространство, он чуть не свалился вниз, прежде чем сообразил, что пол под его ногами резко обрывается. Уилсон опустился на четвереньки, осторожно подполз к краю и заглянул вниз. Прямо впереди была глухая стена, которая так круто уходила в пустоту, что глаз даже не мог нащупать вертикальной поверхности. Далеко внизу стена начинала постепенно загибаться внутрь, пока на огромной глубине, под каким-то странным углом, не сходилась с дном.

Таких круто обрывающихся проходов, по которым невозможно было пройти человеку, Уилсон потом насчитал не один десяток.

— Исполины, — прошептал он, с благоговением глядя в открывшуюся перед ним бездну. Вся его храбрость исчезла. По своим следам, едва заметным на тонком слое пыли, он вернулся в уже хорошо знакомый Зал Ворот и только тут перевел дух.

Во второй раз Уилсон старался идти только по тем проходам, которые были явно предназначены для людей. Про себя он решил, что это,

вероятно, та часть дворца, где должны были жить слуги, а может быть, и рабы. Здесь к нему постепенно вернулось мужество. Хотя тут тоже было совершенно пусто, эта часть дворца казалась приятной и даже веселой — особенно по сравнению с огромными помещениями, где, как он предположил, жили сами исполины. Уилсона несколько беспокоили немеркнущий яркий свет, источник которого он никак не мог определить, и мертвая тишина, нарушаемая лишь звуком его шагов.

Он почти потерял всякую надежду найти выход из дворца и уже собирался снова вернуться в Зал Ворот, когда коридор, по которому он шел, резко повернул и Уилсон вышел на яркий солнечный свет.

Он стоял на вершине широкого крутого спуска, веерообразно уходившего вниз к основанию дворца. Далеко впереди и ниже, не менее чем в пятистах ярдах, твердое, каменное покрытие спуска переходило в гладкий зеленый газон. Далее Уилсон увидел тот самый прекрасный пейзаж, который открывался с балкона, где они с Дектором завтракали — несколько часов назад и десять лет спустя.

Он некоторое время постоял на месте, насла-

ждаясь теплыми лучами солнца, погружаясь в изумительную прелесть этого чудесного летнего дня.

— Все будет хорошо! — не удержавшись, воскликнул Уилсон. — Это замечательное место!

Он начал медленно спускаться вниз, внимательно оглядываясь по сторонам в поисках людей. Уилсон находился на середине спуска, когда заметил маленькую фигурку, вышедшую из-за деревьев на поляну, к которой вел спуск. Он радостно закричал и замахал руками. Ребенок — а это, несомненно, был еще совсем маленький ребенок — посмотрел наверх, а потом стремглав бросился за деревья.

— Нельзя быть таким импульсивным, Роберт, — выругал Уилсон сам себя. — Не надо их так пугать. Веди себя поспокойнее.

Однако он не особенно расстроился — там, где дети, обязательно должны быть и их родители, некое сообщество людей, где обязательно предоставятся прекрасные возможности для молодого способного человека, умеющего во всем видеть положительный момент. Дальше Уилсон пошел еще медленнее.

В том самом месте, где исчез ребенок, появился мужчина. Уилсон остановился. Мужчина посмот-

рел на него, а потом сделал два несмелых шага вперед.

— Подойди ко мне, — ласково сказал Уилсон, — я не причиню тебе вреда.

Человек вряд ли его понял, но начал медленно подходить. Там, где кончался каменный спуск, он остановился. Было очевидно, что дальше он не пойдет.

Его манера поведения заставила Уилсона вспомнить то, что он видел во дворце, и то немногое, что успел рассказать ему Дектор.

«Если только все, что я проходил, изучая курс антропологии, имеет хоть какой-то смысл, — сказал он себе, — то дворец для него — табу, спуск, на котором я стою, — табу, и, наконец, как следствие этого, я сам — табу. Ну, сынок, теперь нужно грамотно разыграть свою карту!»

Он подошел к самому краю каменного спуска, но сходить с него не стал. Человек мгновенно встал перед Уилсоном на колени, сложив перед собой руки и опустив голову. Без малейших колебаний Уилсон коснулся его лба. Человек поднялся на ноги с сияющим лицом.

— Ну, это совсем не интересно, — пробормотал Уилсон. — По правилам мне полагалось пристрелить его в тот момент, когда он поднимался

с колен.

Его Пятница склонил голову набок, с некоторым удивлением посмотрел на Уилсона и ответил низким мелодичным голосом. Речь его была плавной и странной, напоминающей пение.

— Тебе бы записывать рекламные ролики, — с восхищением заметил Уилсон. — У многих наших звезд голоса намного хуже. Однако сейчас я хочу перекусить. Еда. — Уилсон показал на свой рот.

Человек непонимающе посмотрел на него и снова заговорил. Боб достал из кармана записную книжечку Дектора. Полистав ее, он нашел слово «еда», а потом разыскал «пищу». Оказалось, что эти слова совпадают.

— Блеллан, — медленно произнес Уилсон.

— Блеллаааан?

— Блеллаааааан, — согласился Уилсон. — Прошу извинить за мой акцент. А теперь поторопись. — Он поискал в словарике слово «быстрее», но его там не было. Либо это понятие просто отсутствовало в их языке, либо Дектор посчитал, что он вполне может обойтись без него.

«Ну, — подумал Уилсон, — эту проблему мы решим быстро — если у них нет такого слова, я его для них изобрету».

Человек ушел.

Уилсон уселся по-турецки и стал ждать. Чтобы не терять даром времени, он принялся изучать записную книжку. Быстрота, с которой он сумеет подняться в этом обществе, зависит от того, как скоро он сумеет овладеть местным языком. Однако он успел познакомиться только с несколькими самыми общими понятиями, как новый знакомец вернулся. Вернулся не один.

Во главе процессии шел очень старый, седой, но безбородый человек. Да и все остальные мужчины были безбородые. Седовласый старик шествовал под балдахином, который несли четверо совершенно голых мужчин. Только на старике было достаточно одежды, чтобы появиться где-нибудь в приличном обществе, — остальным место было разве что на пляже. Старик явно чувствовал себя неуютно в своем одеянии, напоминающем римскую тогу. То, что он был главным среди всех, не вызывало сомнения.

Уилсон принялся торопливо искать слово «вождь».

Это понятие обозначалось словом «Дектор».

Уилсон слегка оторопел. Было бы совершенно естественным предположить, что слово «Дектор» — скорее титул, нежели имя, но Уилсону это даже не приходило в голову.

Дектор — его знакомый Дектор — написал рядом небольшое примечание.

«Одно из нескольких слов, — прочитал Уилсон, — которое ведет свое происхождение от мертвых языков. Это слово и несколько дюжин других, а также сама грамматическая структура языка — единственное звено, связывающее язык „покинутых“ и английский».

Вождь остановился перед Уилсоном, не вставая, однако, на каменное покрытие спуска.

— Ну, Дектор, — приказал Уилсон, — на колени. Тут не может быть никаких исключений. — Он указал на землю. Вождь встал на колени. Уилсон коснулся его лба.

Они принесли более чем достаточно всякой еды, причем она оказалась весьма вкусной. Уилсон ел медленно, стараясь соблюдать важность и достоинство — положение обязывало. Пока он насыщался, вся компания начала для него петь. Уилсон должен был признать, что пели они просто великолепно. Мелодии показались ему довольно странными и немного примитивными, но голоса были кристально чистыми и мелодичными. У Уилсона создалось впечатление, что они сами получают удовольствие от своего пения.

Концерт навел Уилсона на одну мысль. Удовле-

творив голод, он при помощи своей замечательной записной книжки объяснил вождю, что тот вместе со всей компанией должен подождать его на этом месте. Сам же сходил в Зал Ворот и принес оттуда дюжину пластинок и проигрыватель. И устроил им концерт «современной» музыки.

Их реакция превзошла все его ожидания. «Зарождение влюбленности» вызвало поток слез из глаз старого вождя. Музыка Первого фортепьянного концерта Чайковского ошеломила их. Они задрожали, обхватили головы руками и начали стонать. А когда стихли последние звуки, завопили от восторга. После этого Уилсон поставил «Болеро».

— Дектор, — задумчиво сказал Уилсон, и он обращался вовсе не к старому вождю, по лицу которого все еще текли слезы, — Дектор, старина, ты здорово все рассчитал, когда послал меня за этими покупками. Только учти — к тому времени, когда ты покажешься, если только это вообще произойдет, я буду здесь хозяином положения.

Подъем Уилсона к власти скорее напоминал триумфальное шествие, нежели борьбу с равными ему противниками; все произошло просто и естественно. После нескольких тысячелетий, проведенных человечеством под властью расы

исполинов, оно так изменилось, что сходство с прежними людьми осталось чисто внешним. Кроткие доброжелательные дети, с которыми пришлось иметь дело Уилсону, невероятно отличались от хвастливой, вульгарной, динамичной и агрессивной расы, которая гордо называла себя гражданами Соединенных Штатов.

Примерно так кошки отличались от пантер, а кокер-спаниели от волков. Дух агрессии не был им присущ. И дело было не в том, что они деградировали интеллектуально или утратили способность к искусствам. У них пропал дух конкуренции, воля к победе.

Тут у Уилсона была монополия.

Но и ему быстро наскучила игра, в которой он всегда побеждал. Утвердив себя в качестве главы племени и устроив свою резиденцию во дворце, он тем самым доказал, что является прямым наследником власти ушедших исполинов. Первое время он был очень занят организацией сразу нескольких проектов, направленных на то, чтобы «возродить» культуру, — вновь изобрести старые музыкальные инструменты, почту, моды; он даже издал указ, запрещающий следовать одной и той же моде более одного сезона. На этот указ Уилсон возлагал особые надежды. Он рассчитывал,

что проснувшийся у женщин интерес к одежде заставит мужчин начать соревноваться между собой. Этой культуре прежде всего не хватало духа соревнования, поэтому она и вырождалась. Уилсон попытался возродить этот дух.

Подданные Уилсона охотно выполняли все его желания, но делали это весьма своеобразно, как собака, выполняющая некий трюк не потому, что она понимает его, а просто оттого, что так желает господин.

Вскоре Уилсону это все надоело.

Однако тайны исполинов, а в особенности их Ворота Времени, продолжали занимать его. Уилсон был человеком действия только наполовину, другая его половина была склонна к философии. Теперь пришла ее очередь.

Для него было интеллектуальной необходимостью понять психоматематические принципы феномена Ворот Времени. В конце концов ему удалось придумать некую модель — может быть, не слишком удачную, но зато удовлетворяющую всем требованиям. Представьте себе плоскую поверхность, лист бумаги или, еще лучше, шелковый платок — шелковый потому, что он мягкий и легко складывается, сохраняя при этом все свойства двумерного пространства на своей

поверхности. Пусть нити ткани будут линиями времени; пусть искривления нитей представляют собой все три пространственных измерения.

Пятнышко чернил на платке станет Воротами Времени… Складывая платок, можно добиться того, что пятнышко окажется прижатым к любой точке на шелке. Сожмите эти две точки между большим и указательным пальцами — управление Воротами приведено в действие: Ворота открылись, и микроскопическая пылинка может перейти с одной поверхности платка на другую, не коснувшись его ни в какой другой точке.

Модель, конечно, несовершенна; картинка статична — но физическое восприятие неизбежно ограничено чувственными возможностями субъекта, наблюдающего за экспериментом.

Он никак не мог решить: необходимо ли выходить в новое измерение для того, чтобы сложить четырехмерный континуум — три пространственных измерения и одно временное — и «открыть» Ворота? Так, во всяком случае, ему казалось, но это могло быть лишь следствием ограниченности возможностей человеческого мозга. Для того чтобы произошло «складывание», не требуется ничего, кроме пустого пространства, но само понятие «пустого пространства» было

начисто лишено всякого смысла — он достаточно знал математику, чтобы понимать это.

Если пятое измерение необходимо для того, чтобы «держать» четырехмерный континуум, тогда совершенно очевидно, что число пространственных и временных измерений бесконечно; каждый следующий континуум требовал нового измерения, и так до бесконечности.

Но «бесконечность» — это еще один лишенный всякого смысла термин. «Открытые серии» звучат чуть получше, но не более того.

Еще одно соображение заставляло его предполагать, что существует еще хотя бы одно измерение, кроме тех четырех, которые он способен воспринять, — сами Ворота Времени. Уилсон научился довольно уверенно управляться с ними, но у него не возникло даже самого смутного представления о том, как они работают, или о том, как их удалось построить. Ему казалось, что существа, построившие Ворота, должны были обладать некими сверхвозможностями, выходящими за рамки его понимания. Таким образом, он был вынужден признать, что понять природу Ворот ему не дано.

Уилсон подозревал, что, работая с консолью управления, он использует лишь минимальную

часть колоссальных возможностей Ворот, часть, доступную его восприятию. Да и сам дворец мог быть всего лишь одним из трехмерных элементов некой огромной, многомерной структуры. Такая предпосылка могла помочь в его обреченных в противном случае на провал попытках понять удивительную архитектуру дворца.

Уилсона захватило непреодолимое желание узнать побольше об этих странных существах, но исполины, которые покорили расу людей и долгие годы управляли ими, построили дворец и Ворота, а потом ушли навсегда. Уилсон оказался здесь, вырванный из своего времени на многие тысячелетия вперед. А для людей, живущих тут, исполины превратились в священный миф, в массу противоречивых традиций, и не более того. Не осталось ни одной картины, никаких следов их письменности. Ничего, кроме дворца Норкаал и Ворот Времени, да еще чувства невосполнимой утраты в сердцах расы, которой они управляли, чувства, так хорошо отраженного в том, как они сами называли себя, — покинутые.

При помощи четырех сфер и отражателя он путешествовал по времени, разыскивая строителей. Дело было весьма трудоемким. Быстро мелькающие тени, долгие поиски — и бесконеч-

ные неудачи.

Однажды он был уверен, что видел тень, на миг появившуюся на экране отражателя. Уилсон перевел время достаточно далеко назад, чтобы наверняка захватить нужный период, затем попросил принести ему побольше еды и стал ждать.

Он ждал три недели.

Возможно, тень проскочила в тот момент, когда он спал. Однако Уилсон был уверен, что находится в нужном временном отрезке; он продолжал свою вахту.

Наконец он увидел.

Что-то двигалось в сторону Ворот.

Когда Уилсон сумел заставить себя хоть немного успокоиться, оказалось, что он успел пробежать половину длинного коридора, ведущего к выходу из дворца. Он понял, что громкими отчаянными криками почти сорвал себе голос. Его все еще трясло.

Много позднее Уилсон заставил себя вернуться в зал, не глядя на экран, войти в бокс и быстро вывести все четыре сферы на ноль. Потом он стремительно выскочил из Зала Ворот и направился в свои комнаты. Более двух лет он не входил в Зал Ворот и не прикасался к управляющим сферам.

Что же произвело на Уилсона такое впечатление? Существа на экране не были какими-то слишком ужасными — более того, он даже не мог вспомнить, как именно они выглядели. Однако лишь один раз взглянув на них, Уилсон испытал такое чувство скорби, отчаяния и безнадежности, неизбывной тоски и потери, что даже вспоминать об этом ему было больно. Его эмоциям был нанесен такой сокрушительный удар, что он даже и помыслить не мог о повторении опыта. Скорее устрица научится играть на скрипке, чем Уилсон сможет долго испытывать подобные чувства.

Он осознал, что сумел узнать об исполинах все, что мог узнать человек, и не сойти при этом с ума. У него пропало любопытство. Тень тех переживаний на долгие годы разрушила сон Уилсона, наполнив его невообразимыми кошмарами.

Уилсона беспокоила еще одна проблема — его собственные путешествия во времени. Он никак не мог до конца свыкнуться с мыслью, что встречался сам с собой, разговаривал с собой и даже дрался.

Так кто же из них был им самим?

Он знал, что был каждым из них, помнил все эпизоды. Но как быть с теми случаями, когда в

комнате находилось более одного Боба Уилсона?

Уилсон был просто вынужден расширить понятие принципа неидентичности — «Ничто не идентично ничему, включая и самое себя», — включив в него понятие эго. В четырехмерном континууме всякое событие абсолютно оригинально, у него есть пространственные и временные координаты. Боб Уилсон, которым он является в данный момент, это совсем не тот же самый Боб Уилсон, которым он был десять минут назад. Каждый был отдельным элементом четырехмерного пространства. Один был во многих отношениях похож на другого, как два ломтя хлеба. Однако они не были одним и тем же Бобом Уилсоном — их разделяло время.

Когда у него появились двойники, эта разница стала хорошо заметной, ведь теперь различие было уже в пространстве, а он устроен так, что мог увидеть это различие, в то время как различие во времени он лишь помнил. Думая о прошлом, он вспоминал превеликое множество разных Бобов Уилсонов: маленький ребенок, подросток, молодой человек. И все они, несомненно, были разными. Единственное, что их связывало в одно «я», — память Уилсона.

Аналогичным образом связаны между собой

три — нет, четыре Боба Уилсона, появившиеся в его квартире в один странный суматошный день; он помнил, как был каждым из них. Таким образом, удивительным в результате оказывался лишь сам факт путешествия во времени.

Ну и еще кое-какие детали: природа «свободной воли», проблема энтропии, закон сохранения энергии и массы. Теперь он понимал, что последние два закона обязательно должны быть распространены на все случаи, в которых Ворота, или нечто вроде них, позволяли перемещаться массе и энергии из одного пространственно-временного континуума в другой. Ведь при переходе они продолжали сохранять все свои свойства. А вот со свободной волей дело обстояло иначе. От этого Уилсон не мог отмахнуться — ведь он сам непосредственно испытал все это — однако его свободная воля раз за разом воссоздавала одну и ту же сцену. Очевидно, воля человека должна рассматриваться как один из факторов, определяющих процессы в данном континууме: свободная — для отдельного эго, предопределенная — для внешнего мира.

И все же тот факт, что он сумел ускользнуть от Дектора, видимо изменил ход событий. Уилсон находился здесь и управлял страной уже много

лет, а Дектор так и не появился. Может быть, каждый акт истинного проявления свободной воли приводит к появлению нового варианта будущего? Многие философы считают именно так.

Создавалось впечатление, что в будущем вообще не будет Дектора — нигде и никогда.

К концу первого своего года, проведенного в будущем, Уилсон начал все больше и больше нервничать и терять уверенность.

«Проклятье, — думал он, — если Дектор вообще собирается появиться, то сейчас самое время это сделать».

Уилсону не терпелось вступить в схватку с ним и раз и навсегда выяснить, кто же из них будет боссом.

По всей стране покинутых он велел выставить посты. Патрульные получили строжайшие инструкции арестовывать любого человека с волосами на лице и немедленно доставлять его во дворец. За Залом Ворот Уилсон наблюдал сам.

Он пытался найти Дектора в будущем, но ему не везло. Трижды он успевал заметить тень, но после долгих поисков всякий раз оказывалось, что это он сам. От скуки и любопытства он решил проследить за другой стороной процесса и попытаться найти свой прежний дом, находящийся в

тридцати тысячах лет назад.

Задача оказалась нелегкой. Чем дальше от настоящего момента уходила сфера времени, тем труднее было ею управлять. Однажды во время этих экспериментов ему посчастливилось найти то, что он пытался разыскать когда-то: дополнительный верньер, предназначенный для более точной настройки. Оказывается, нужно было не перемещать сферу, а просто крутить ее.

Теперь он легко нашел двадцатое столетие, а нужный год ему помогли найти модели автомобилей, архитектура и другие бросающиеся в глаза детали. В конце концов нашел, как полагал, 1952 год. Аккуратная работа с тремя пространственными координатами позволила ему найти университетский городок; на это тоже ушло немало времени: изображение на экране было довольно мелким, и разглядеть надписи на дорожных указателях не удавалось.

Он нашел свой дом, а потом расположил ворота в собственной комнате. Там было совсем пусто, кто-то вынес из комнаты всю мебель.

Тогда Уилсон перенесся на год назад. Теперь его ждал успех — мебель в комнате стояла так, как раньше, когда он в ней жил, но людей в ней не было. Уилсон стал вращать сферу, надеясь

заметить тень.

Вот! Он остановил сферу. В комнате находилось три человека, но изображение было слишком мелким, чтобы он мог что-нибудь разглядеть. Он приблизил лицо к экрану отражателя и принялся внимательно наблюдать за происходящим.

Тут послышался какой-то негромкий звук за стенками бокса. Уилсон выпрямился и выглянул наружу.

На полу неподвижно распростерлась фигура. Рядом с ней валялась мятая, потрепанная шляпа.

Он долго стоял и молча смотрел на шляпу и неподвижного человека, а в голове его с безумной скоростью вращались колесики. Ему не нужно было осматривать неподвижное тело, чтобы узнать, кто это. Он знал… он знал — это был он сам, только моложе на десять лет. Тот, кого он когда-то называл номер первый.

Сам по себе этот факт не слишком удивил его, Он, конечно, не ожидал ничего подобного, ведь ему уже давно казалось, что он живет в ином, альтернативном будущем, несовместимом с тем, в котором он прошел через Ворота Времени. Однако Уилсон понимал, что подобное вполне могло произойти, — поразился он совсем другому факту.

Когда Уилсон номер первый попал в Зал Ворот, единственным свидетелем этого события оказался сам Уилсон!

А из этого неопровержимым образом следовало, что он и есть Дектор. А другого Дектора никогда не было!

Ему не придется разбираться с Дектором, и бояться его не следовало. Потому что никакого другого Дектора не существовало!

Теперь, задним числом, он понимал, что только он и мог быть Дектором. Множество мелких фактов указывало на это. Однако раньше он не мог связать их между собой. Его сходство с Дектором было вызвано вполне объективными причинами — ему хотелось получить превосходство перед своим потенциальным соперником и бессознательно Уилсон пытался на него походить. Именно по этой причине он и жил в тех самых комнатах, где жил Дектор.

То, что все здесь называли его Дектором, не удивляло Уилсона — они так называли всякого, кто управлял ими, даже тех вождей, которые от его имени управляли дальними провинциями.

Он отрастил бороду — точно такую же, как у Дектора, частично потому, что так выглядел тот Дектор, а еще из-за того, что все мужчины

покинутого народа не имели на лице никакой растительности. Это поднимало престиж, усиливало табу. Он поскреб свой бородатый подбородок. И все же очень странно, что он не соотнес свою нынешнюю внешность с внешностью того Дектора. Но тот Дектор казался совсем пожилым человеком, на вид ему было лет сорок пять, а Уилсону сейчас было тридцать два, а тогда — двадцать два.

С другой стороны, если взглянуть на Уилсона глазами непредвзятого свидетеля, то ему вполне можно было дать больше сорока. В волосах и бороде поблескивала седина — она появилась после того, как он сумел-таки выследить исполинов. Лицо испещряли морщины. Управлять страной, даже такой мирной и счастливой, как эта, было совсем непросто — не одну ночь он провел без сна, пытаясь разумно разрешить встающие перед правителем проблемы.

Нет, Уилсон не собирался жаловаться — у него была хорошая жизнь, прекрасная жизнь, много лучше той, что могла быть в далеком прошлом.

Так или иначе, но тогда он смотрел в лицо человека, которому было за сорок и чье лицо за прошедшие десять лет он успел забыть. И ему даже в голову не приходило сравнить свое лицо

с тем, давно забытым.

Но были еще и другие детали. Например, Арма. Он выбрал подходящую девушку около трех лет назад и сделал ее одной из своих служанок, переименовав ее в Арму в память о той девушке, которую он тогда здесь встретил. В результате оказалось, что существует одна-единственная Арма.

Однако теперь ему казалось, что «первая» Арма была куда красивее.

Хм-м, скорее всего, это просто изменилось его собственное восприятие. Нельзя было не признать, что у него имелось куда больше возможностей любоваться на прекрасных женщин, чем у его юного друга, лежащего перед ним на полу. Он со смешком вспомнил, как ему пришлось окружить себя сложной системой табу, чтобы избавиться от домогательств прекрасных дочерей своего народа — не насовсем, конечно! Он даже издал указ о том, что в одном из небольших озер неподалеку от дворца не разрешалось купаться никому, кроме него, — в противном случае ему было бы не отбиться от многочисленных русалок.

Человек на полу застонал, но глаз не открыл.

Уилсон, он же Дектор, наклонился над ним, но

не сделал попытки привести его в чувство. В том, что этот человек не получил серьезных ранений, он не сомневался. Прежде чем он придет в себя, Уилсону необходимо было привести свои мысли в порядок.

Потому что ему нужно было кое-что сделать, причем сделать это тщательно, без ошибок.

«Каждый, — подумал он с кривой улыбкой, — должен позаботиться о собственном будущем».

Ему же необходимо навести порядок в своем прошлом.

Нужно было настроить Ворота Времени с тем, чтобы послать номер первый обратно. Он подключился к своей прежней комнате в тот самый момент, когда номер третий вмазал номеру первому, после чего тот влетел в Ворота Времени. Прежде чем послать его обратно, Уилсон должен сделать так, чтобы номер первый попал в свою комнату около двух часов того же дня. Задача довольно легкая — достаточно будет найти момент, когда Боб Уилсон сидит в комнате один и работает.

Однако Ворота Времени появились в его комнате гораздо позже — он сам их туда отправил несколько минут назад.

«Что-то все у меня перепуталось», — подумал

Уилсон.

Нет, одну минуточку! Если он изменит время, то Ворота появятся в комнате раньше, останутся там, а там просто сольются с теми, которые появились позже. Да, пожалуй, все верно. Для того, кто находится в комнате, получится, что все это время Ворота оставались на месте, начиная с двух часов.

Так, собственно, и было. Уж он об этом позаботится.

Хотя он уже много лет был знаком с явлениями, возникающими при использовании Ворот Времени, требовались заметные интеллектуальные усилия, чтобы думать о подобных ситуациях с позиции Вечности.

Ага, вот шляпа. Он поднял ее и примерил. Немножко маловата, ничего удивительного нет: теперь он носит гораздо более длинные волосы. Шляпу нужно поместить туда, где ее будет легко найти. Ах да, на панель управления в боксе. И записную книжку тоже.

Записная книжка, записная книжка… Тут что-то странное. Украденная записная книжка совсем замусолилась от беспрестанного использования. Около четырех лет назад он самым тщательным образом переписал ее содержимое в новую,

скорее для того, чтобы вспомнить английский, — остальное Уилсон уже давно выучил наизусть. Старую записную книжку он уничтожил — что ж, молодой Уилсон получит новую, значит можно считать, что записная книжка была только одна.

Две эти книжки были разными аспектами одного и того же процесса, необходимого для того, чтобы все события — следствия действия Ворот Времени — шли своим чередом.

Уилсон пожалел, что выбросил старую книжку. Если бы она была под рукой, он бы мог их сравнить и убедиться в том, что они идентичны, если не считать того, что одна совсем разваливается.

Но когда же он изучил язык настолько, что мог составить подробный словарь? Можно не сомневаться, что когда он начал переносить его в новую книжку, ему она была совершенно не нужна — ведь язык-то он уже давно успел выучить.

Однако он перенес все записи в новую книжку.

Уилсон сумел выстроить физический процесс, последовательность событий стала ему в основном ясна, но вот интеллектуальная сторона проблемы представляла собой нерасторжимый, замкнутый круг. Будучи Дектором, он научил своего более молодого двойника языку, который Дектор узнал благодаря молодому двойнику, ко-

торый, научившись языку, стал Дектором, после чего сумел научить языку более молодого Боба Уилсона.

Но с чего же все это началось?

Что было вначале: курица или яйцо?

Ты кормишь кошек крысами, свежуешь кошек, скармливаешь их крысам, которых, в свою очередь, съедают кошки. Бесконечный процесс производства кошачьих шкурок.

Если Бог создал мир, то кто создал Бога?

Кто заполнил эту книжечку в первый раз? Кто был первым звеном в цепи?

Уилсон почувствовал интеллектуальное бессилие, которое рано или поздно охватывает всякого честного философа. Он знал, что у него есть примерно столько же шансов понять происходящие процессы, сколько у колли, задумавшейся над тем, как собачья еда попадает в консервные банки. Вот прикладная психология ему по силам — тут Уилсон подумал, что ему нужно обязательно включить соответствующие книги в список, который он потом отдаст своему более молодому «я». Они ему очень пригодятся при решении проблем, возникающих у всякого главы государства.

Человек на полу зашевелился и сел. Уилсон знал, что пришло время, когда он должен обес-

печить свое прошлое. Однако он не слишком беспокоился — у него было ощущение игрока, которому начало везти, и теперь он точно знает, как в следующий раз упадут кости.

Он склонился над своим молодым «я».

— С тобой все в порядке? — спросил он.

— Кажется, да, — хрипло отозвался молодой Уилсон. Он провел рукой по перепачканному кровью лицу. — Только вот голова болит.

— Ну, иначе и быть не может, — попытался утешить его Уилсон. — Ты вывалился сюда головой вперед.

Молодой Уилсон явно плохо понимал, что ему говорят. Он ошеломленно оглядывался по сторонам, пытаясь сообразить, куда он попал. Наконец он спросил:

— Вывалился откуда? И куда?

— Из Ворот, естественно, — ответил Уилсон. Он кивнул в сторону Ворот, надеясь, что их вид поможет сориентироваться молодому Бобу.

Тот посмотрел через плечо в указанном направлении, вздрогнул и закрыл глаза. Когда он через некоторое время открыл их, Уилсону показалось, что молодой Боб начинает понемногу приходить в себя.

— Значит, я попал сюда через него? — спросил

молодой Боб.

— Да, — уверил его Уилсон.

— И где я теперь нахожусь?

— В Зале Ворот священного дворца Норкаал. Но что гораздо важнее, так это то, *когда* ты тут находишься. Ты продвинулся вперед по времени на тридцать тысяч лет.

Эта информация, судя по всему, не слишком подбодрила молодого Боба. Он встал и нетвердой походкой направился в сторону Ворот.

Уилсон положил руку ему на плечо.

— Куда ты идешь?

— Обратно!

— Не так быстро. — Уилсон не мог отпустить его сейчас, пока он не запрограммировал Ворота заново. Кроме того, Боб все еще был сильно пьян — от него несло как из пивной бочки. — Ты обязательно вернешься обратно — я даю тебе слово. Но сначала дай мне обработать твои раны. Кроме того, тебе просто необходимо отдохнуть. Я тебе должен многое рассказать и объяснить, а потом у меня будет к тебе просьба. Если ты ее исполнишь, то мы оба от этого выиграем. Тогда нас обоих — тебя и меня — ждет прекрасное будущее.

Прекрасное будущее!

Оркестр молчал, и флаги не взлетали…

Эту историю заказал мне журнал «Collier's» — коротенькую-коротенькую, говорили они, полторы тысячи слов, не более. Потом я попробовал пристроить ее в журнал «American Legion», но там меня выбранили за то, что лечение ветеранов изображено в рассказе весьма далеким от совершенства. Тогда я отправил историю нескольким издателям НФ — и мне сообщили, что это не научная фантастика. (Вот здорово, черт бы их побрал! Полеты со сверхсветовой скоростью — это научно, а терапия и психология — нет. Должно быть, я чего-то не понимаю.)

Но у рассказа и впрямь есть изъян, который обычно бывает фатальным. Попробуйте определить его. Я вам подскажу ответ, но только в самом конце.

— Самый храбрый человек, которого я встречал в жизни! — сказал Джонс, начиная уже надоедать своей болтовней.

Мы — Аркрайт, Джонс и я, — отсидев в госпитале ветеранов положенное посетителям время,

возвращались к стоянке. Войны приходят и уходят, а раненые всегда остаются с нами — и, черт возьми, как мало внимания им уделяется между войнами! Если бы вы не сочли за труд убедиться в этом — а убеждаться мало кому охота, — то нашли бы в некоторых палатах искалеченные человеческие останки, датируемые годами Первой мировой войны.

Наверное, поэтому каждое воскресенье и каждый праздник наш округ назначает несколько комиссий для посещения больных. Я в этом деле участвую уже тридцать лет — и если вы таким образом не оплачиваете долг, то, по крайней мере, должны иметь какой-то интерес. Чтобы выдержать такую нагрузку, вам это просто необходимо.

Но Джонс, совсем молодой парень, участвовал в посещении первый раз. Он был в совершенно подавленном состоянии, и, скажу честно, я бы презирал его, будь это не так; нам достался свежий урожай — прямиком из Юго-Восточной Азии. Сначала Джонс держался, но, когда мы вышли из госпиталя, его понесло, и в заключение он выдал свою громкую фразу.

— Интересно, какой смысл ты вкладываешь в слово «храбрость»? — спросил я его. (В общем-то,

Джонс был прав: парень, о котором он говорил, потерял обе ноги и зрение, но не унывал и держался молодцом.)

— А сами-то вы какой в него вкладываете смысл? — завелся Джонс, но тут же добавил «сэр», уважая скорее мою седину, чем мнение. В его голосе чувствовалось раздражение.

— Не кипятись, сынок, — ответил я. — То, что помогло этому парню вернуться живым, я бы назвал «мужеством» или способностью терпеть напасти, не теряя присутствия духа. И в моих словах нет никакого пренебрежения; возможно, это качество даже более ценное, чем храбрость. Но я определяю «храбрость» как способность сознательно пойти навстречу опасности, несмотря на страх и даже имея выбор.

— А при чем тут выбор?

— При том, что девять человек из десяти пройдут любое испытание, если им его навяжут. Но чтобы самому взглянуть опасности в лицо, требуется нечто большее, особенно когда сходишь с ума от страха и есть возможность улизнуть.

Я взглянул на часы.

— Дайте мне три минуты, и я расскажу вам о самом храбром человеке, с которым мне довелось повстречаться.

Между Первой и Второй мировыми войнами, совсем еще молодым пареньком, я попал почти в такой же госпиталь, какой посетила наша троица. На маневрах в зоне Панамского канала я получил воспаление легких, и меня отправили на лечение. А если вы помните, это были годы, когда терапия легких только развивалась — ни тебе антибиотиков, ни специальных лекарств. В то время применяли френикотомию — вам перерезали нервы, которые управляли диафрагмой, и лишали грудную клетку подвижности, чтобы дать легкому поправиться. Если это не удавалось, использовали искусственный пневмоторакс. А если и он не помогал, врачи ломились с «черного хода» — отрубали несколько ребер и снабжали несчастных корсетами.

Все эти ухищрения были нужны для того, чтобы удержать легкое в покое и дать ему восстановиться. При искусственном пневмотораксе больному просовывают между ребрами пустотелую иглу так, чтобы ее конец оказался между стенкой ребер и стенкой легкого, а потом заполняют пространство между ними воздухом, таким образом сжимая легкое, как губку.

Но кислород вскоре поглощается, и тебя закачивают воздухом снова и снова. Утром, каждую

пятницу, те из нас, кто был на «пневмо», собирались в приемной хирурга, чтобы уколоться. Не так уж мы и печалились: легочники — веселые люди, они всегда найдут над чем посмеяться. В нашем отделении размещались только офицеры, и мы превратили приемную в нечто вроде клуба. Вместо того чтобы толпиться в очереди в коридоре, мы заваливались в кабинет, растягивались в креслах, усаживались на стол, курили сигареты хирурга и кормили друг друга байками, пока шла процедура. В то утро нас было четверо, и мне выпал первый номер.

Когда вставляют иглу, это не очень больно — просто легкий укол. Но если вы попросите об анестезии кожи, то даже укола не почувствуете. Процедура занимает несколько минут, вы снова надеваете халат и отправляетесь в постель. В тот раз я не спешил уходить, потому что второй пациент, парень по фамилии Сондерс, рассказывал очень непристойную хохму, которую мне еще не доводилось слышать.

И вот он обрывает ее на середине и забирается после меня на стол. Хирург нашего отделения ушел в отпуск, и нас обслуживал его помощник — молодой парень, чуть ли не со школьной скамьи. Нам он нравился, и мы чувствовали, что у

него задатки великого хирурга.

Что бы вы там ни думали, в общем-то, закачка воздухом не опасна. Вы можете сломать себе шею, свалившись с лестницы, или задохнуться до смерти, подавившись куриной косточкой. Вы можете поскользнуться в дождливый день, удариться головой и утонуть в мелкой луже. При искусственном пневмотораксе тоже возможны непредвиденные случайности. Если игла проходит чуть дальше и проникает в легкое и если потом воздушный пузырек попадает в кровеносный сосуд и умудряется дойти до сердца, не растворившись, то в сердечных клапанах может образоваться газообразный тромб. Случай крайне редкий — врачи называют его воздушной эмболией. Таким образом, при стечении всех этих маловероятных случайностей вы можете умереть.

Одним словом, мы так и не услышали окончания веселой истории Сондерса. Он отдал концы прямо на столе.

Молодой хирург делал все возможное, чтобы спасти его; прибежали другие врачи. Они пытались вернуть Сондерса к жизни, перепробовали самые разные фокусы, но все напрасно. В конце концов в помещение принесли мясную корзину

и утащили парня в морг.

А мы трое так и стояли, не говоря ни слова. Весь мой завтрак вывернуло, но я благодарил судьбу за то, что еще дышу. Полевой писарь, по фамилии Джозефс, должен был идти на укол следующим, полковник Хостеттер — за ним. Хирург поднял голову и посмотрел на нас. Он весь вспотел, выглядел ужасно — видимо, потерял своего первого пациента, ведь доктор был совсем еще мальчишка. Он повернулся к доктору Арманду из соседнего отделения. Не знаю, хотел ли паренек попросить старика закончить процедуры или хотел отложить их на день, но по его лицу было видно: он и рукой не может шевельнуть после смерти Сондерса.

Как бы то ни было, сказать он ничего не успел, потому что Джозефс мигом сбросил свой халат и забрался на стол. Только что прикуренную сигарету он передал санитару.

— Подержи сигаретку, Джек, пока доктор… — и он называет имя нашего парнишки, — меня накачивает.

С этими словами Джозефс начинает снимать пижаму.

Вы, наверное, знаете, что молодых летчиков отправляют в полет сразу после первой аварии. В

такой же ситуации оказался и наш молоденький доктор: он должен был повторить процедуру и доказать себе, что это всего лишь неудача и он не мясник на бойне. Парень сам бы не решился — вот Джозефс ему и помог. В тот момент любой из нас мог погубить его как хирурга, отказавшись от процедуры или дав ему время довести себя до нервного срыва, но Джозефс заставил мальчишку взяться за дело.

Джозефс умер прямо на столе.

Игла вошла, все было нормально, а потом писарь тихо вздохнул и умер. На сей раз рядом стоял доктор Арманд. Он взял руководство в свои руки, но ничего не помогло. А мы смотрели этот фильм ужасов по второму разу. Появились те же четверо и унесли тело в морг — возможно, в той же корзине.

Наш хирург и сам теперь выглядел как труп. Доктор Арманд сказал Хостеттеру и мне:

— Вы двое, идите по койкам. Полковник, после обеда зайдете в мой кабинет, я сделаю вам укол.

Хостеттер покачал головой.

— Нет, благодарю вас, — решительно ответил он. — Мой хирург и сам может это сделать.

Он снял халат. Молодой паренек был ни жив ни мертв. Полковник подошел к нему и потянул

за руку.

— Ладно, доктор, давай, а то опоздаем на ланч. — С этими словами он влез на стол и подставил свои ребра.

Через несколько минут полковник уже надевал пижаму. Работа была сделана, и наш хирург снова выглядел человеком, хотя был весь покрыт потом.

Я остановился, чтобы перевести дыхание. Джонс серьезно кивнул и произнес:

— Теперь мне ясно, что вы хотели сказать. Да, поступок Хостеттера требует больше хладнокровия и мужества, чем любое сражение.

— Да нет же, — вмешался Аркрайт. — Он хотел тебе сказать о другом. Он имел в виду не полковника, а молодого врача. Доктору пришлось собраться и делать свое дело — причем не один раз, а дважды! Хостеттер только поддержал его.

Я почувствовал себя старым и больным.

— Одну секунду, — сказал я. — Вы оба не правы. Помните, я определил храбрость как состояние, в котором человек имеет выбор… и идет навстречу опасности, несмотря на свой страх. Нашего хирурга заставили принимать решения, поэтому он не в счет. Полковник Хостеттер был ветераном, закаленным в боях, к тому же Джозефс подал ему

пример. Нет, полковнику тоже не видать приза как своих ушей.

— Но это несправедливо, — возмутился Джонс. — Конечно, ваш Джозефс был храбрецом, но если уж он едва заставил себя лечь на стол, то полковнику это было вчетверо труднее. Ведь вам наверняка уже всем казалось, что любой, кто попадет на этот стол, живым оттуда не слезет.

— Да-да, — подхватил я. — Именно так мне и казалось. Но ты не даешь мне закончить. Я *точно* знаю, что приз за храбрость заслужил именно Джозефс. Видишь ли, вскрытие показало, что у него не было воздушной эмболии или чего-то еще. Джозефс умер от страха.

Ответ: Я закамуфлировал его, чтобы не сразу догадались; изъян заключается в том, что это правдивая история. Я там был. Я поменял имена, место действия и даты, но не события.